

"Мониста" — новая книга талантливого ногойского прозаика и поэта И. Капаява. Великолепная проза, тонкая поэзия введут читателя в сложный мир человеческих судеб, натолкнут на раздумья о прошлом и настоящем родного народа.

МОНИСТА

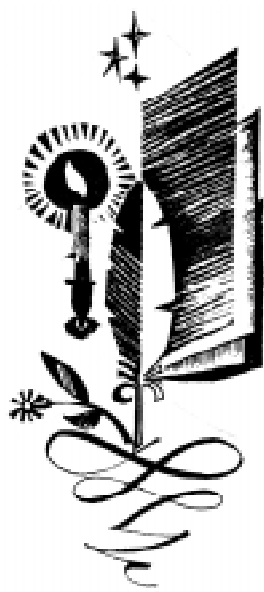

Иса КАПАЕВ

Иса КАПАЕВ

МОНИСТА

Коль ты хозяин этой высоты,
Храни ее и чистоту души,
И знай, что здесь живешь один лишь ты,
И на земле собрата не ищи.

Поэтов пристань — гордая гора,
Здесь только туча — твой несчастный гость,
Закутавшись в туман, с дождем играя,
Друзей себе ищи среди дальних звезд.

ИСА КАПЛЕВ.

ИСА КАПЛЕВ

МОНИСТА

Повесть

Рассказы

Миниатюры

Стихи

Сказки

Ставрополь

2008 г.

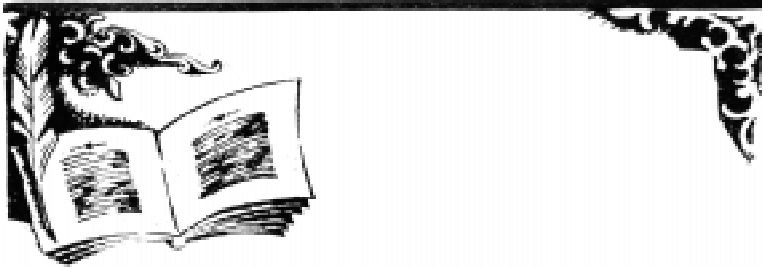
ББК84Р2(2Р37)
К20

«Мониста» — новая книга талантливого ногайского прозаика и поэта И. Капаева. Великолепная проза, тонкая поэзия введут читателя в сложный мир человеческих судеб, натолкнут на раздумья о прошлом и настоящем родного народа.

К $\frac{4702490000}{99}$

ISBN 5 — 88197— 103—8

©Иса Капаев, 2008 г.

ОТ АВТОРА

Мониста — мои талисманы, обереги. Они охраняли меня в самые тяжелые моменты жизни. Находясь в жуткой депрессии, я заставлял себя брать в руки перо и записывал в дневник свои мысли, впечатления, рассуждения о современниках, о состоянии общества, о литературе, искусстве. Иногда — запавшие в душу сказки, песни, народные выражения: поговорки, пословицы.

Затем подверг анализу записи и как сквозь сито просеял, оставив, как мне кажется, наиболее актуальные высказывания.

В сборник вошли также стихи, статьи и небольшие рассказы разных лет. Я включил сюда и маленькую автобиографическую повесть о детстве.

В прошлом монисто носил каждый ногаец: и мужчина, и женщина, и ребенок. Мужчины для удобства и сохранности надевали их под верхнюю одежду. Висячие серебряные наконечники с насечками на мужских поясах тоже были разновидностями мониста. У женщин эти талисманы служили еще и украшениями.

Художник создает произведения, чтобы их читали, чтобы они воздействовали на читателя. Но в жизни творцов замечено и другое. Очень часто произведения воздействуют на самого автора. И я хотел бы, чтобы на меня воздействовали мои мониста, а не мои романы, повести, рассказы, где много придуманного, не имеющего отношения к моей личной жизни.

Вы держите в руках сборник моих личных переживаний. Это и мой оберег. Однако я хотел ознакомить с ним своего читателя и принести ему какую-то пользу. Может, мои мониста и ему помогут сохранять душевное спокойствие.

КУРЖУН, В КОТОРОМ СПРЯТАНО ДЕТСТВО

Моей матери Сюддимхан и тете Ажитотай посвящаю

Вот уже девять лет, как я живу вдали от дома, и все эти годы поддерживают и согревают меня воспоминания. Тихие и грустные, они с приближением каникул становятся острее, пропитываются тоской разлуки и радостным предчувствием свидания с прошлым.

Каникулы! Есть в них особая, ни с чем не сравнимая прелесть. Едва успеешь приехать, едва придешь в себя от встречи с родными, едва окунешься в атмосферу радостного узнавания всего, что тебя окружает, — надо уезжать. За это короткое время не успеваешь даже ощутить дом как реальность, а воспринимаешь его таким, каким создало воображение. И только-только начинаешь замечать черты обыденности, будничности, житейскую прозу — каникулы закончились! Поэтому остается от встречи с домом ощущение праздника — светло, чистого, пронизанного радостью возвращения в детство.

Я вырвался из большого шумного города, подгоняемый нетерпением увидеть маленький, тихий городок, где я рос; войти в тот двор, где я делал первые шаги, прислушаться к тому далекому и одновременно близкому прошлому, память о котором хранят и старая акация у крыльца, и яблони сада, и камни ограды.

Долгая, томительная дорога. Долгий путь тихими сонными улочками родного городка...

Ты еще там, в шуме и суете, оставшейся позади, в вагоне поезда, с его нудными, тягучими часами ожидания, там, но уже и здесь... в детстве.

И когда остается совсем немного до встречи с домом, когда сквозь листву огромных тополей уже видна его белая шиферная крыша, вся твоя недавняя жизнь кажется далеким и нелепым сном. Лишь когда окажутся позади первые поцелуи встречи, и светлые слезы радости, и смех, и объятия, тогда

всплывут вдруг в памяти хлопоты, заботы, оставшиеся в большом городе, всплывут и исчезнут, чтобы не появляться до самого отъезда.

Я в своей комнате. Осматриваю ее со смешанным чувством радости, удивления и настороженности. Все в ней кажется знакомым и в то же время незнакомым, своим и чужим, отстраненным, утратившим со мною родство. Странное чувство!

...Старый диван, на котором я спал, шифоньер, в котором хранилась моя одежда; моя книжная полка — теперь на ней учебники для восьмого класса; стол с радиоприемником — все это мое и уже не мое. Теперь здесь живет младшая сестра — восьмиклассница.

На диване она спит, за столом она занимается, в шифоньере хранятся ее платья. И все в комнате носит отпечаток принадлежности сестре, постоянного неуловимого общения с ней. Едва-едва угадывается, что когда-то эти вещи были моими друзьями, свидетелями моих радостей и бед. Даже окно, к которому я часто прижимался лбом и подолгу глядел на улицу, окно, у которого я мечтал, когда мне было радостно, грустил, когда мне было трудно, даже это окно, столько знавшее обо мне, теперь не мое.

Только куржун, который одиноко и независимо висит в углу, не изменил мне. Он по-прежнему помнит меня, принадлежит только мне, связан только с моим прошлым. И конечно же, первый взгляд — на него... Вот он, куржун.

Он висит здесь давно, с того времени, когда наша семья переехала из аула в город... Все знают, что в нем хранится, но никому его содержимое не дорого и не интересно. Лишь мать, когда тоска обо мне подкатит к сердцу непереносимой болью, снимет, наверное, со стены куржун. Развяжет его. Созовет моих сестер. Бережно вынет из куржуна каждый предмет и расскажет его историю. Взгрустнет, помолчит, задумается... Для нее куржун и все, что в нем есть, — воспоминание; для меня это и воспоминание, и часть жизни. Самая дорогая и чистая, самая ясная и светлая ее часть — мое детство. Оно-то и хранится в этом бесценном куржуне.

У нас в доме установилось, стараниями матери, трепетное, чуть ли не культовое отношение к некоторым вещам. В детстве это казалось мне странным, но сейчас, став взрослым, я понял мать. Ее преклонение перед материальными свидетелями радостных или грустных событий помогло сохранить в памяти все дорогое и святое из прошлого. И я признателен

матери за то, что она сберегла вещественные напоминания давних лет, а вместе с ними аромат времени, его неповторимое очарование. Иногда молитвенное отношение матери к вещам-символам выглядело чудачеством, странностью, но в этой странности было столько чистоты и искренности, что поведение матери приобретало оттенок высокой значительности и большой мудрости... И мы, дети, смутно это чувствовали.

Когда отец получил первую зарплату, мать сберегла из этих денег один рубль. Он и сейчас хранится в шкафу. Время от времени мать достанет его, молча погладит, даст посмотреть нам и скажет:

— Это рубль из первой зарплаты вашего отца.

Затуманенным, обращенным в прошлое взглядом поглядит на рубль, снова погладит его, словно приласкает, и спрячет в шкаф.

Я помню тот день, день первой полочки отца на его новой работе — в школе. Отец, счастливый, гордый, принес тогда ящик конфет и каждому из нас дал еще по шоколадке. Мы весь день не отходили от ящика, лакомились кто сколько хотел и мог, и день этот запомнился на всю жизнь.

Счастливые дни не должны исчезать из памяти бесследно, считала мать, поэтому и сохранила как самую дорогую реликвию скромный, истершийся на сгибе рубль.

Мать была, как ребенок, трогательна и искренна в своей вере в память вещей.

Когда разбили вазу, купленную в день рождения моей младшей сестренки, мать восприняла это событие как страшную беду. Ей казалось, что на дочь должно обрушиться несчастье. Она схватила мою сестру на руки, прижала к себе, утешала и целый месяц настороженно ждала неприятностей. Так и не смогла успокоиться и всю жизнь с горечью вспоминала об этой вазе.

Куржун, который я сейчас держу, достался мне тоже в день рождения... Темно-синего бархата, затянутый яркой красной тесемкой, украшенной золотыми нитями орнамента. Бархат поблек, золотые нити потускнели и потрескались, тесемка почернела. Но это все тот же куржун, друг и свидетель моего детства, овеществленная память о моем рождении.

Мать, еще девушкой, сама шила его. Обычно в таких куржунах хранится приданое невест, их драгоценности. И в моем лежали когда-то немногие золотые вещи матери: кольца, брас-

леты, серьги. Теперь их нет. Все золото было продано в голодные годы... Когда я родился, мать посвятила этот куржун мне, и в нем бережно хранились и хранятся немногие свидетели моего детства, незатейливые пустячки и безделушки, которые никому не кажутся таинственными и интересными...

Я осторожно достаю их, задумчиво перебираю в руках...

...Черная деревянная коробочка. Внутри нее, я знаю, — желтая от времени бумажка, исписанная арабскими буквами... Пучок моих первых волос, стянутый ниткой кекел¹... Тряпичная кукла по имени Тайтериш... Пять круглых, гладких камешков... Четыре альчика²... Последнее, что я достаю, — рыжая плоская кость. Это часть челюсти моего Долая.

* * *

Мать и сейчас сохранила былую красоту, несмотря да седину и преклонные годы. В молодости она была высокая, стройная, с густыми черными волосами. По рассказам бабушки (бабушкой мы звали сестру отца, настоящей бабушки уже не было в живых), мать была женщиной с характером, работающей, хозяйственной и почтительной со старшими. Старшим в семье был дед. Он не дожил до моего рождения, но мне столько рассказывали о нем, что я хорошо представляю его — седобородого мудрого старца. Деду мать пришлось по душе, и он часто говорил ей: «Ты невеста невест и подарил нам много-много детей».

Бедный дед. Он так и не увидел внуков.

Матери едва исполнилось восемнадцать лет, когда она стала женой моего отца. Пять послевоенных голодных лет отец и мать прожили без детей.

В семье работал один отец, и его заработка едва хватало на жизнь. Но мать искусно вела хозяйство, и наша семья не только сводила концы с концами, но умудрялась даже помогать соседям.

Бабушка рассказывала... Трудно было с кормом для коровы и с топливом. И вот, когда отец уходил на работу, мать с дедом запрягали корову в арбу и ехали в горы. С одной стороны погоняет кнутом корову дед, с другой — медленно идет

¹ Кекел — чуб; сохранение первого волоса — остатки языческой культуры.

² Альчики — кости для детской игры.

мать, прикрыв лицо платком. Поздно вечером, почти ночью возвращаются они усталые домой, с арбой, нагруженной сеном, соломой или дровами. И мать сразу же принимается за хозяйство. Надо подоить корову, покормить гусей, уток, кур, собрать сметану, сделать сыр, чтобы потом, в базарный день, отнести его на рынок и купить хоть немного муки. Тихая, незаметная, она все делала быстро и молча, никогда не жалуясь на жизнь... Но она была молода, и иногда ее молодость прорывалась с детской непосредственностью и простодушием.

Бабушка рассказывала... У соседней была свадьба. Мать с другими молодыми женщинами весь день носила воду и конечно же устала. Наконец не выдержала, поставила ведра и выкрикнула с отчаянием: «Ах, если бы у этих ведер были ноги, ведра сами бы ходили на речку и сливали воду в казан!..»

Ее подруги до сих пор, когда мать приезжает в аул, вспоминают про «шагающие ведра» и смеются.

Но чаще рассказывают про другой случай.

Напротив нашего дома, через дорогу, жила бедная женщина, мать восьми детей. Дети росли без отца, бедствовали, были всегда голодными, раздетыми и разутыми. Зимой, в самое голодное время, трое младших приходили к нам. И мать кормила их, хотя наша семья сама жила впроголодь.

Мать вспоминает: «На улице мороз, снег, а они бегут через огород. И все трое босиком». Ребятишки знали доброе сердце моей матери и, выждав, когда отец уйдет на работу, спешили к нам.

— Ах, это вы, цыплята, пришли! — встречала их мать, а сама чуть не плакала.

И кормила их чем могла: поила молоком, чаем, отдавала последние крохи. Ребятишки все съедали. Ели торопливо, жадно и весь день сидели прижавшись к печи — грелись, а сами внимательно следили серьезными глазами за руками матери. Может быть, добрая тетя даст еще что-нибудь поесть. Мать говорит, что они никогда не наедались, сколько бы их ни кормили. Рассказывать о них спокойно мать не может. Страшно! Так и видишь три худенькие полуголые фигурки, замершие у печки... На одном мальчике — отцовский пиджак без рукавов. Другой малыш в заплатанных штанах и большом мужском ватнике. Третий — в каком-то подобии одежды из мешковины. И все трое — притихшие, смирные, только голодные глаза не отрываясь наблюдают за матерью.

Однажды мать пекла кукурузные лепешки. Сделала все-

го три, больше муки в доме не было. Готовила для отца и деда, которые должны были вернуться с работы, и лепешки — вся их еда за день. А дети сидели на полу и не отрывали глаз от лепешек. Мать уже покормила ребятешек чем могла и теперь боялась встретиться с ними взглядом... Пришла соседка.

Мать обернулась и увидела глаза детей. И соседка увидела. И мать, чтобы женщина не подумала, что малышей не кормили, отдала лепешки ребятишкам... А вечером пришли голодные отец и дед и узнали от матери и о голодных детях, и о лепешках. Отец рассердился, потребовал, чтобы детей больше не пускали в дом, но дед заступился за мать, поддержал ее:

— Невестка у нас добрая. Настоящая невеста невест. Аллах нас не обидит за это и отблагодарит.

Мать обрадовалась и выкрикнула искренне и горячо:

— Ах, если б была мука! Я бы для всего аула лепешек напекла!..

Отец и дед рассмеялись над ее наивностью. А дед похвалил ее. Он любил мать, гордился своей послушной, терпеливой, доброй невесткой. Лишь одно огорчало его, и когда он умирал, сказал:

— Ах, невеста невест! Всем ты хороша и пригожа... Коли б ты еще подарила мне вот такого малюсенького, — дед свел перед лицом ладони и показал их собравшимся у постели, — вот такого маленького, маленького внучка...

И умер. Не дождавшись моего рождения.

* * *

Я родился в пятый послевоенный год, когда жизнь стала уже лучше.

Мать очень хотела, чтобы первым ребенком была девочка. Она мечтала сделать из нее гармонистку, так как сама играла на гармонии и хотела научить этому дочь. И куржун, как будущее приданое, предназначался дочери. Но родился я.

Желание матери иметь дочь было так велико, что она пыталась и меня воспитывать как девочку. Своим отношением ко мне как к дочке она хотела, казалось, бросить вызов природе, цепляясь за свою несбывшуюся мечту. Отец возмущался, ругался, когда видел, что меня повязывают платком, поют колыбельные песни, предназначенные для девочек... Конечно, все это были милые, невинные чудачества. Отец иногда добродушно посмеивался над матерью, но тут

же становился серьезным и непреклонным — настаивал, чтобы сына с пеленок воспитывали по-мужски... Мать соглашалась, но продолжала одевать меня как девочку, пела мне прежние колыбельные, шутя предлагала соседям зайти посмотреть на ее дочку...

Когда я начал ходить, мать стала приводить ко мне соседских детей. Так уж сложилось, что у соседей были только девочки. Мать любила всех детей, а этих особенно. И могла целыми днями возиться с ними, баловаться, играть, развлекать. Девочки эти прошли со мной через все мое детство и присутствовали даже при самом значительном событии тех лет — первом бритье моей головы.

В честь этого дня отец устроил той¹.

Собрались родственники, знакомые, соседи... Когда дядя намылил мне голову и начал брить, я расплакался. И все три соседские девочки, из сочувствия или сострадания, тоже дружно заревели. Взрослые смеялись над этим громким и неслаженным хором, но мать, как она потом призналась мне, готова была заплакать вместе с нами. Она рассказывала, что, когда меня брили, ей казалось, что это ее голову скоблит бритва, и ей было больно, может быть больней, чем мне. И еще ей хотелось плакать оттого, что посвящение меня в мужчины уничтожало мою призрачную женственность, лишало ее этой игры со мной как с девочкой, а меня — ласк, предназначенных дочке... Мать сохранила мои первые волосы, но после этого дня она уже смотрела на меня по-другому. Перестала повязывать мне платок, перестала напевать песни для девочек. Но любить не только не перестала, а, наоборот, полюбила еще сильнее, со всей горячностью и самозабвенностью молодой матери. Любой мой каприз стал для нее законом.

Одним из таких капризов была кукла.

Получилось так. Однажды бабушка созвала всех родственников — я должен был выбрать будущую профессию. Мне тогда было уже два года. Родственники, торжественные, серьезные, сидели на стульях, расставленных кругом, а в середине круга был я. Передо мной положили кнут пастуха, Коран, молоток усты² — плотника и еще несколько предметов, связанных с какой-нибудь специальностью. Я рассматривал их исподлобья и не решался подойти. Бабушка слегка подтолкнула меня в спину.

¹Той — праздник, семейное торжество.

²Уста — мастер.

— Ну, джигит, выбирай профессию!

Я подошел было к этим заманчивым игрушкам, но тут же, даже не нагнувшись над ними и не рассмотрев, повернулся, убежал к матери и спрятался в ее юбке.

Бабушка снова подвела меня к этому ряду предметов-символов. И опять я убежал.

Может быть, меня смущало такое множество взрослых, серьезно и требовательно глядящих на меня, не знаю. Знаю только, что всех заманчивей и притягательной была для меня вещь, не предусмотренная бабушкой. Это была кукла, которой играла девочка-соседка. Я долго с завистью смотрел на эту куклу и наконец решился. Уверенно и быстро подбежал к девочке и стал вырывать у нее куклу.

— Этот молодец только девочек любить будет. Видите, как налетел на нее! — вздохнула бабушка.

Все засмеялись.

Я тянул к себе куклу, топал ногами, кричал: «Мама, хочу куклу».

Меня кое-как успокоили, дали куклу, но хозяйка ее подняла такой рев, что куклу пришлось вернуть. Меня пытались отвлечь, совали под нос блестящий молоток, вкусно пахнущий кожей кнут, но я отворачивался.

— Возьми наконец хоть что-нибудь! — сердились, теряя терпение, взрослые.

Бабушка не выдержала. Подвела меня к Корану, пригнула ладонью мою голову и почти насильно всунула мне в руки книгу.

— Этот джигит будет ученым! — торжественно объявила она.

Но я потерял покой. Вцепившись в юбку матери, я безостановочно ныл: «Мам, куклу! Мам, куклу!», пока она не смаскировала мне ее из тряпок. Я успокоился.

Целыми днями я и соседские девочки сидели на глиняном полу и, почти не умея говорить, хвастались друг перед другом куклами, рассматривали их, поправляли платьишки, косынки, ласкали, нянчили...

Сейчас эта кукла лежит передо мной. Я гляжу на нее с грустной и снисходительной улыбкой, трогаю пальцами головку, туловище. До чего просто сделано — тряпочки, намотанные на палочку; вместо головы — белый моток, на котором черными нитками обозначены глаза, брови, нос, рот; из черных же ниток сделаны две косы; конусообразное ситцевое платьетуловище — вот и все! Но как изящно, с каким вкусом выполнена эта игрушка, эта моя Тайтериш. Так называли ее в честь героини хорошей и красивой сказки. Правда, в том возрасте я

не понимал еще всего смысла сказки, просто бабушка назвала куклу Тайтериш, и я воспринял это как должное. Позднее, когда я уже не раз слышал бабушкину сказку про деревянную куклу, я понял, что лучшего имени, чем Тайтериш, придумать было нельзя.

Отец был недоволен моей игрушкой, пытался даже прятать от меня, но я поднимал такой рев, что он не выдерживал и, огорченный, возвращал куклу. Один раз, чтобы отвлечь меня, отец принес камчу. Я покрутил ее в руках, немного поиграл и вернулся к Тайтериш.

— Нет, жена, ты мне действительно дочку родила! — невесело шутил отец.

Сейчас отец с матерью с улыбкой вспоминают эту куклу, и я смотрю на нее с улыбкой. Первая игрушка! Самая любимая. Та, с которой я не расставался до самой школы... может быть, и потому еще, что до самой школы я рос среди девочек, дружил с ними. Поэтому даже, когда по вечерам мать выносила гармошку и учили нас танцевать, я танцевал как девочка. Мать поправляла меня, показывала, как должен плясать мужчина, но я наблюдал за своими подругами и подражал им.

И игры...

Пять круглых камешков «бес бала тас» («пятеро каменных детей») — самая типичная игра для девочек. Правила ее очень простые.

Пять камней («детей») лежат на земле. Подкидывается один из них, той же рукой надо схватить другой камешек и при этом сказать: «Одного ребенка родила» (я говорил «родил»). Так продолжать, пока в руке не окажутся все пять камешков. Это означает, что у тебя пятеро детей и все камешки становятся твоими. Если же не успеешь схватить или уронишь хоть один — все твои «бес бала тас» переходят к партнеру.

Я всегда проигрывал. И девочки, настоящие жонглеры, забирали моих «каменных детей». Я, надувшись, терпел, но долго не выдерживал и, разревевшись, бежал домой, к матери. Та, услышав мои вопли, выскакивала за ворота.

— Ах вы бессовестные! — разносился на всю улицу ее крик. — Опять обманули моего ребёнка? Верните камешки.

Девочки, как только появлялась мать, принимались дружно и громко плакать. Знали, зачем она бежит, и знали, что мои камешки не утаить. И действительно. Мать не обращала внимания на слезы и, отшлепав девочек, отыскивала мои «бес бала тас», как бы старательно их ни прятали в карманы или ни перемешивали с другими «каменными детьми». Она сама собирала для меня камешки на берегу реки, и ни у кого не

было таких круглых, симпатичных и красивых «каменных детей». Девочки завидовали мне, кланялись у меня камешки, ну хотя бы поиграть, и если я не давал (а я не давал), выигрывали их. Потом возвращали.

Но все это вспоминается смутно, отдаленно, как в тумане; восстанавливается в памяти скорее по рассказам матери, видится ее глазами, оценивается ее взглядом...

А вот это я помню уже сам.

* * *

Однажды мать взяла меня на руки и с каким-то странным, встревоженным лицом унесла на речку. Там мы пробыли почти до самой ночи. Журчала вода, сгущались сумерки, а мать все рассказывала и рассказывала мне одну историю за другой. И все о бабаши¹. И все страшные. О похищениях маленьких детей. О пыльных и грязных мешках, в которых этих детей уносят. О кривых острых ножах. О боли, о крови. Я с тревогой всматривался в темноту. Всюду мерещились мне крадущиеся бабаши, лохматые, с растрепанными бородами; они скалились, грозились огромными ножами; посмеиваясь, показывали мне большие черные мешки. Мне стало жутко, я прижался к матери, звал ее домой.

Вернулись мы уже затемно. Отец встретил нас хмуро, отругал мать и всю ночь ворчал на нее. Мать обнимала меня, кричала отцу, что не даст меня «резать», а я при слове «резать» перепугался и почти не слышал, о чем они спорили... Помню только, что отец доказывал, что мне пора становиться настоящим мужчиной, что для того, чтобы я мог хотя бы курицу зарезать, я должен сначала пролить хоть каплю своей крови. Мать соглашалась, но вдруг, словно испугавшись чего-то, прикрывала меня от отца и торопливо выкрикивала: «Нет, нет, нет!»

Утро наступило яркое и солнечное. Мать ушла к соседям, а я сидел на полу и играл со своей Тайтериш.

В обед пришел отец и с ним еще кто-то бородатый. Бородач взял меня на руки, посадил к себе на колени, угощал конфетами и очень мне понравился. Был он веселый и сильный. Если бы я знал, что он сделает через полчаса, то, наверно,

¹Бабаши – человек, совершающий обрезание

не взял бы его конфет, не сидел бы у него на коленях, не смеялся бы от радости, когда он играл со мной.

Они повели меня в сарай. Там было прохладно и сумеречно. Только луч света врывается в щель узкой полосой и освещал мои ноги. Отец снял с меня трусики, а бородатый дал мне поиграть трубчатую кость. Пока я рассматривал кость, бородатый достал что-то из кармана, это что-то коротко блеснуло в полутьме, но бородатый быстро спрятал руку за спину. Все было странно и непонятно. Я не понимал, зачем привели меня сюда, почему у отца такое торжественное и одновременно напуганное лицо, почему тот, второй, улыбаясь, смотрит на меня пристально-серьезными, почти суровыми глазами. Он отобрал кость, приставил к моему паху, просунул сквозь нее часть кожи. «Бисмилла!» — пробормотал он и, оттянув кожу как можно больше, полоснул по ней ножичком. От боли у меня перехватило дыхание, в глазах заплясали красные, синие искры, выступили слезы. Я с недоумением, обидой, страхом смотрел, как выступила алая кровь. А бородатый суетливо достал какую-то белую муку, радостно бормотал:

— Какой мужественный! Настоящий джигит!

Отец торопливо гладил меня по голове, и рука его дрожала.

Бородатый посыпал рану белым порошком, и вот тут-то стало по-настоящему больно. Невыносимо больно! Но я терпел. Я не плакал. Впервые мне хотелось выдержать боль, не выказав ее. И только когда меня, ошеломленного, растерявшегося, отец отвел к матери, я, увидев ее, разревелся. От боли, от обиды, что мать, как казалось мне, предала меня... Я не понимал тогда, что мать хотела бы предотвратить насилие над природой... Она унесла меня накануне на речку, где рассказывала страшные сказки про бабаши. Но бабаши из сказок и этот добрый бородатый дяденька были так непохожи... и я плакал оттого, что добрый человек, который понравился мне, вдруг причинил боль, а мать оставила меня одного с моей болью. Первые обиды, первые разочарования...

В тот же день бабушка пошла к мулле и заказала амулет — кожаный треугольничек, который я потом носил на груди. И лишь когда я пошел в школу, то распорол его ножницами и увидел в нем бумажку, покрытую затейливой вязью арабских букв. Мать увидела это и не дала испортить амулет, отобрала у меня бумажку с заклинаниями и сохранила ее в черной деревянной коробочке.

Вот эта коробочка, а вот и пожелтевшая от времени бумажка. Я осторожно поглаживаю ее пальцем, медленно провожу по хитросплетениям и крючочкам букв молитвы...

Мне было уже пять лет, когда я впервые обратил внимание на Долая. Долай — это огромная бурая собака, которая жила у нас во дворе. Я думал, что все собаки носят кличку Долай, и лишь много позже узнал, что Долай — имя человека, враждовавшего с нашей фамилией. Человека этого помнила только бабушка, да и то смутно, так давно это было.

Я все еще играл с моими сверстницами, по вечерам вместе с ними слушал сказки бабушки или игру матери на гармошке. Но когда мне надоедали подруги, я уходил к собаке. Девочки с завистью наблюдали издали, как я смело обнимаю свирепого лохматого пса, балуюсь с ним. Долай был моей гордостью. Впервые я мог делать то, чего не могли девочки.

Однажды я развязал ошейник и спустил собаку с цепи. Долай ошалел от радости. Он метался по двору, катался в пыли и, отряхнувшись, бросался ко мне. Лизнув на бегу в лицо, падал передо мной на живот, восторженно колотил хвостом по земле и, вскочив, отскакивал в сторону. Я веселился вместе с ним, бегал за Долаем; обхватив его, валил на землю, и мы барахтались: он — взвизгивая, а я — хохоча от восторга. Но радость нашу омрачила мать. Она увидела, что Долай, притворно оскалась, тянется ко мне передней лапой, не поняла его, перепугалась.

— Ох я несчастная! — закричала она. — Сейчас он разорвет ребенка!

И бросилась к нам.

Долай повернулся к ней, зарычал уже по-настоящему. Мать замерла, но страх за меня был сильнее, и она, сорвав с головы платок, замахнулась на Долая.

— Ах, ты! Я тебя!..

Долай поворчал и нехотя ушел к конуре. Вечером отец опять посадил его на цепь. Но я отпустил собаку. Отец выругал меня и снова привязал Долая. А я через несколько дней вновь отвязал его и долго доказывал родителям, что собака не кусается, что она добрая, что опасаться ее не надо... Отцу надоел и я, и эта возня с Долаем, и он перестал привязывать собаку. Так началась моя дружба с Долаем, к зависти девочек. Они ревновали меня к собаке, даже перестали одно время ходить к нам и меня не приглашали играть. Но я не скучал.

Игры с собакой заменили все мои прошлые увлечения и развлечения. Я кормил Долая, дразнил его, прятался, а он разыскивал меня; я делал из него «верховую лошадь» и ка-

тался на нем, отталкиваясь от земли ногами, если Долай не хотел бегать или уставал. Я сделал из ремня поводок и вообразил, что мы с ним отправились на охоту. Но главное — Долай с удовольствием, в любое время готов был играть со мной, бороться, кататься по земле, и я, ласкаясь, прижимался к его мягкой теплой шерсти.

Отцу не нравилось, что я все время провожу только с собакой, что я один, без друзей. Он ворчал, ругался, отправлял меня играть на улицу, но я не шел. Отец взял меня с собой в горы, на сенокос, но и там я скучал. Несколько раз он отвозил меня к бабушке, чтобы я побыл с моими двоюродными братьями. Братья были старше меня, у них были свои интересы, и на меня они не обращали внимания... Там я как-то увидел альчики. Мне захотелось иметь такие же, и я надоедал отцу, чтобы он достал мне их. Наконец, накануне праздника курман-байрам¹, он сказал, что скоро сделает мне альчики.

Наступил праздник. Было шумно, весело, многолюдно. Но у меня осталось от этого дня неприятное воспоминание.

Утром отец вывел из сарая овцу. Я с интересом смотрел, как он вел ее, опутал ноги и повалил ее, но когда отец, схватив овцу за голову, полоснул ее ножом по горлу, я испугался и вскрикнул. Овца билась на земле, и из огромной раны хлестала кровь... До сих пор, как вспомню эту картину, мне кажется, что это к моему горлу прикасается холодный нож и меня пронзает острая короткая боль. Я вздрагиваю и хватаюсь за горло...

Тогда-то отец посмотрел на меня и, подмигнув, сказал, что скоро у меня будут отличные альчики. И действительно, скоро принес их мне. Настоящие, новые, залитые свинцом. Напарников для игры у меня не было... С мальчишками сойтись мне было не так-то просто, и долгое время я играл сам с собой.

Наступила весна. С каждым днем небо становилось все голубей и выше, солнце все сильнее пригревало землю. И как-то неожиданно, сразу растаял снег. Земля быстро подсохла, появилась молодая зеленая трава. Ожили птицы; жаворонки всюду распевали по утрам; черными росчерками проносились в вышине ласточки. Пришла настоящая весна. В ложбинах дальних гор еще белел снег, а склоны уже усыпали голубые огоньки подснежников. Набухли на деревьях почки, лопнули, и появились первые нежные, клейкие листья яблонь и тополей.

¹Курман-байрам – праздник жертвоприношения.

В один из теплых солнечных дней прибежали к нам радостные Патимат, Мадина и Фаризат, мои сверстницы, принялись тормошить меня, звать с собой на гору. Она была совсем рядом, сразу же за аулом.

Когда мы вчетвером и обалдевший от счастья Долай подошли к ее склону, оказалось, что нас опередили.

Весь косогор был усеян ребятами нашего аула, и воздух звенел от криков.

— Шабден! Шабден!¹

Ребяшня сбегалась на крики, сбивалась в кучки и снова рассыпалась по склону, в поисках подснежников. Выкопав цветок, какой-нибудь мальчишка истошно кричал: «Шабден!» показывал корешок приятелям и, очистив его, с удовольствием жевал.

Повсюду валялись увядающие выкопанные, вытопанные цветы, чернели маленькие холмики земли.

Мои подружки завистливо поглядывали на мальчишек, да и я присматривался к ним. Я никогда не дружил со своими сверстниками и, когда ребята шумной ватагой проходили мимо нашего дома, прятался за углом и уже оттуда осторожно наблюдал за ними. Теперь с опаской приближался к незнакомым мальчишкам. Долай, спущенный с поводка, носился по всему склону, фыркая, нюхал землю, бросался, играя, на меня, но мне было не до собаки. Я очень хотел откопать корешок подснежника и попробовать его... Стали попадаться цветы, я осторожно подкапывал их, но корешков не было. Или я не умел отыскивать их, или цветы попадались без корешков.

Ребята заметили нас. Притихли. Зашушукались: «Кто такие? Кто такие?» И сразу же загалдели, зашумели, что мы, дескать, забрались в их владения. Вперед выскочил невысокий мальчуган в лохматой шапке, надвинутой на самые глаза. Он кричал больше всех и громче всех, и потом схватил комок земли и кинул его в нашу сторону.

— Уходите! — орал он. — Это наше место, и все корешки наши. Что, больше места не нашли, что ли?

Девочки неуверенно швырнули в него землей.

Мальчишки загорланили. Комья земли, палки посыпались на нас.

Долай замер, зарычал и вдруг звонко и зло залаял. Ребята замерли.

¹Шабден – подснежник.

— Это собака вон того бабника!. — показал на меня предводитель в лохматой шапке.

Его друзья захохотали и принялись, кривляясь и пританцовывая, кричать хором:

— Бабник! Бабник!

— Уйдем от них, — предложили девочки.

Мы отошли, и я спиной чувствовал насмешливые взгляды, слышал хохот, представлял довольные, кривляющиеся лица ребятни.

Когда мы поднялись выше по склону и мальчишки остались далеко внизу, я оглянулся. И замер.

Далеко раскинулась передо мной моя земля, и я впервые увидел весь свой аул, и поля за ним, и речку, которая была узенькая и тонкая, точно ручеек. Меня поразило, что наша большая и широкая река казалась отсюда, сверху, извилистой светлой лентой, и аул удивил меня. Я никогда не думал, что он такой маленький. Я видел дома и сады, видел улицы, неширокие и короткие, искал свой дом и, найдя его камышовую крышу, захотел увидеть во дворе мать и захотел, чтобы и она увидела меня здесь, на горе... И еще я увидел дальние кутаны¹ и горы, которые волнами уходили вдаль, становились синими, голубыми, словно растворялись в воздухе. А над ними, словно огромное седло, возвышался двуглавый Эльбрус, обе вершины которого отливали бледной, холодной синевой. Я смотрел на него, и мне казалось, что он упирается в небо, а вернее — небо лежит на нем, и думал, что если влезть на эту двуглавую гору, то можно взобраться на небо. Что там, за этим небом, я не знал, но подумал, что побывать на небе — это здорово... Девчонки тоже примолкли, пораженные открывшимся видом. Они долго смотрели на наш аул, на горы, на высокое голубое небо, жмурились от нестерпимого солнца. Потом, в восторге от этого ощущения высоты и пространства, раскинули руки, принялись кружиться, хохотать, кричать: «Айлан-бийлан! Айлан-бийлан!»². Они гонялись друг за другом и парами, барахтаясь, падали на зеленую мягкую траву.

Наконец я выкопал первый корешок подснежника — бурый, невзрачный. Сбежались подружки и как на чудо усталились на него. Я очистил корешок и, храбрясь, откусил маленький кусочек. Девочки долго не решались попробовать, но потом рискнули, и мы, серьезно глядя друг на друга, сосредоточенно жевали этот сладковато-горький подарок весны.

¹Кутан – ферма.

²Айлан-бийлан – вертись-кружись.

Мальчишки ушли, и мы спустились вниз по вытоптанному, взрыхленному склону, по раздавленным мертвым цветам.

Домой я вернулся голодный, усталый, но с огромной охапкой подснежников. Мать, увидав цветы, обрадовалась, подхватила меня на руки, осыпала поцелуями... А перед моими глазами все еще стояли величественная холодная двуглавая вершина Эльбруса и синее прозрачное небо, лежащее на нем.

— А что на небе? — спросил я.

Мать ответила, что за этим небом есть еще семь небес и там, за ними, рай. Я спросил:

— А что под землей?

И мать объяснила, что под землей есть также семь слоев и там, под ними, ад.

А когда я пошел в школу, то узнал, что это не так, что под нами Америка и там люди ходят вверх ногами, и когда у нас день, в Америке — ночь.

* * *

Летом у нас поспели яблоки. Сад был за домом, и мы с девочками с утра до вечера пропадали в нем: играли, отдыхали, лакомились яблоками. Долай обычно тоже лениво бродил за нами. Он, правда, все время старался найти тень и улечься там, но мы галдели и не давали ему уснуть; он вздыхал, снова плелся к нам и отдыхал только тогда, когда мы играли в прятки. А в прятки играть мы любили. Потаенных местечек было сколько угодно: можно было забраться на яблони и затаиться вместе, можно было схорониться в кустах картошки или в дремучем кукурузном лесу.

Матери в это время не было. Она уехала, чтобы привезти мне маленького брата, который потом оказался сестрой, и за мной присматривала бабушка. А бабушка позволяла нам все и, когда мы, наигравшись, приходили к ней, рассказывала сказки. Она брала маленькую табуретку, уводила нас в сад, садилась где-нибудь в тени под деревом, доставала клубок шерстяных ниток, спицы и начинала рассказ. Рассказывать бабушка любила и могла это делать часами, не уставая вспоминать удивительные истории о шайтанах, драконах и джиннах, а мы, затаив дыхание, слушали ее рассказы о поедин-

ках богатырей, о смелых джигитах и необыкновенных красавицах. Это был наш мир, в своих играх мы называли себя именами героев сказок, освобождали красавиц, сражались с драконами, приручали джиннов. И Долай был участником наших игр, он превращался в сказочного тулпара¹.

Но самой любимой и самой веселой была у нас сказка о деревянной кукле Тайтериш.

Сказка о деревянной кукле тайтериш

Давным-давно жили десять кукол-сестер. Жили они дружно и весело. Самая старшая готовила для всех кушанья и старалась накормить сестренек повкусней и получше. Одну из кукол звали Тайтериш. Это была самая красивая, самая чистенькая и самая гордая кукла. У нее был самый белый тастар² и самое нарядное платьице. И Тайтериш очень дорожила ими, все боялась запачкать. Поэтому она не любила есть жирное мясо, опасаясь, как бы пятнышко на свой тастар не посадить. Садятся, бывало, куклы обедать, Тайтериш лучшие кусочки подкладывают, а она увидит жирное мясо, губки надует, обидится и встанет из-за стола. Однажды сестры решили подшутить над Тайтериш и подсунули ей самый жирный кусок. Очень обиделась Тайтериш, а куклы смеются над ней, подшучивают. Рассердилась Тайтериш и сказала, что уйдет от них, поищет настоящих подруг.

— Вернись! Вернись! — звали ее куклы.

Но Тайтериш даже не обернулась.

Шла она, шла — и повстречала пастуха со стадом коров. На пастухе черкеска, на голове папаха, в руках ярлыга³, в зубах люля⁴.

— Деревянная кукла Тайтериш, куда идешь? — спрашивает пастух.

— К тебе иду! — отвечает Тайтериш.

¹Тул пар – сказочный конь с крыльями.

²Тастар – женский головной платок.

³Ярлыга – пастушья палка с крючком.

⁴Люля – курительная трубка.

— Если ко мне идешь, я для тебя самую жирную корову зарежу,— говорит пастух.

— Айгай!¹ — испугалась деревянная кукла. — Тогда мой белый тастар запачкается. Не стану у тебя гостить.

Ушла деревянная кукла Тайтериш. Идет по полю, цветы собирает.

Встретила пастуха, который телят пас. Красивый пастух, бешмет красивый, и чувяки красивые.

— Куда идешь, деревянная кукла Тайтериш? — спрашивает пастух.

— К тебе иду! — отвечает Тайтериш.

— Если ко мне, то вот этого жирного теленка для тебя зарежу. Переночуешь, а потом, если захочешь, уйдешь!

— Айгай! Жирного теленка! Тогда мой тастар запачкается, — отвечает деревянная кукла Тайтериш.

Смотрит она на пастуха, любитесь его красивыми чувяками, смотрит на свои босые ноги...

И уходит.

Идет дальше, собирает цветы в горах.

Повстречался ей табунщик. На коне, в бурке.

— Интересно! Куда это направляется деревянная кукла Тайтериш?

— К тебе иду, — отвечает Тайтериш.

— Если ко мне, милости прошу, красавица Тайтериш. Я тебе самую упитанную кобылицу зарежу. Услыхала эти слова Тайтериш, надула губы.

— Айгай! Тогда мой тастар запачкается!

Повернулась и ушла от него деревянная кукла Тайтериш. А табунщик хохочет ей вслед.

Идет Тайтериш куда глаза глядят, цветы собирает. На многие горы взбирается, со многих спускается. Приходит к полуразвалившемуся амбару, что одиноко стоит в поле. Вокруг амбара мыши бегают, оставшиеся с осени зерна пшеницы ищут. Увидели куклу, обрадовались, закричали в один голос:

— Деревянная кукла Тайтериш, куда идешь?

— К вам иду, — отвечает Тайтериш.

— Раз пришла, милости просим. Есть у нас постное мясо, вот мы тебя и угостим, — говорят мыши.

Услыхала деревянная кукла Тайтериш про постное мясо, обрадовалась.

Наступил вечер. Поджарили мыши мясо, садятся за стол.

¹Айгай – восклицание.

Сами едят и Тайтериш угощают. Ночь наступила — спать легли. И Тайтериш раздевается, с ними ложится... Просыпается она утром, а ее одежды на месте нет. Осталась деревянная кукла Тайтериш в чем мать родила.

— Где моя одежда? — спрашивает она.

— Вчерашнее мясо плохое было, а ночью мы проголодались и, чтобы с голоду не умереть, съели твою одежду. Вот и насытились, — ответили в один голос мыши.

Заплакала Тайтериш и ушла. А мыши кричат ей вслед:

— Деревянная кукла Тайтериш, сходишь домой, возьмешь новую одежду — и снова к нам в гости приходи!

С тех пор деревянная кукла Тайтериш перестала капризничать, ела все, что ей подавали: и жирное, и постное; никогда не болела.

* * *

Я часто играл со своей куклой в эту сказку. Придерживая рукой, рассказывал ей историю о деревянной кукле Тайтериш и изображал, как она уходит от своих сестер-кукол. Сам же я был то пастухом, то табунщиком и, меняя голоса, говорил и за них, и за Тайтериш. Самой любимой была сцена встречи с мышами. Я визжал, пищал, как мыши, перебирал пальцами по полу, изображая, как они бегают, как прячутся в норы. Мать и бабушка посматривали на меня исподтишка и смеялись, а отец, как всегда, ругался из-за куклы и грозился отобрать ее у меня.

* * *

Однажды мы с бабушкой были в саду. Бабушка сидела под деревом и, как обычно, что-то вязала. Я же лазал на яблони, забирался на самые вершины и разглядывал оттуда, с высоты, соседние огороды. Мне было весело и немного страшно, особенно когда, поскользнувшись, я чуть не сорвался с ветки. Храбрясь, я разговаривал сам с собой, кричал бабушке, чтобы и она полюбовалась на смелого внука.

— Смотри, абай! Смотри! — Мне очень хотелось, чтобы она увидела, как высоко я забрался.

Когда я влез на самое высокое дерево и увидел, что выше только небо, какая-то непонятная радость и гордость наполни-

ли меня. И я запел. Слов я не знал, поэтому придумывал их сам на мелодию одной из песен, которую часто играла мать. Поэтому вместо песни у меня получался восторженный и громкий крик. Бабушке он, по-видимому, скоро надоел, и она позвала меня вниз.

— Я расскажу тебе сказку! — пообещала бабушка. Она знала, чем привлечь меня. Я сразу же слез, подбежал к ней, уселся рядом и приготовился слушать. Бабушка погладила меня по голове, сказала:

— Рано тебе такую сказку рассказывать, не так поймешь ты ее. Да вот пришлось к случаю...

— Расскажи, расскажи, — я заерзал от нетерпения.

Сказка о маленьком мальчике

— Жил-был один мальчик, совсем как ты, маленький, — так начала бабушка эту сказку... — Мальчик был хороший. Только вот рос он без отца и без матери, никого у него не было. Был он один-одинешенек. Однажды в горах нашел мальчик птенца, взял его к себе и вырастил. Стал птенец красивым и сильным соколом и очень привязался к мальчику. Каждый день выпускал мальчик сокола летать, а сам взбирался на дерево и наблюдал за своим любимцем. Сокол раз от раза поднимался все выше и выше, но после каждого полета камнем падал вниз и садился мальчику на руку. Однажды сокол взлетел так высоко, что его не стало видно. И больше не вернулся к мальчику. А тот влез на самое высокое дерево, протянул к небу руки и запел песню про любимого сокола, призывая его вернуться. Люди услышали песню и замерли, зачарованные. Им казалось, что это поется про них, что они становятся орлами, улетевшими в небо, и они пошли к одинокому дереву в поле, откуда лилась эта странная и удивительная песня. Но, увидав на дереве мальчика, недоуменно переглянулись: «Что это? Почему он поет на дереве?» И никто из них не мог на это ответить.

Люди пытались спросить у мальчика, почему он для песни выбрал дерево, нельзя ли петь на земле? Но мальчик смот-

рел в небо и не отвечал им, и люди решили, что он сумасшедший... — Бабушка закончила, потом посмотрела на меня и добавила: — Вот так! Понял? Никогда не пой на дереве, а то люди примут тебя за сумасшедшего.

Я не обратил внимания на последние слова бабушки.

Сказка поразила меня, я не понял ее, но что-то удивительное было в этой истории о мальчишке, поющем на дереве. То ли я, только что испытывавший радость и выплеснувший эту радость в песне, уподобил себя мальчику из сказки, то ли я слишком зримо представил мрачный туманный день, одинокое дерево и на нем поющего мальчику с протянутыми к небу руками. Мне от этой картины стало страшно. Но, оказывается, самое удивительное то, что целых двадцать лет я не знал конца сказки...

* * *

Через двадцать лет, приехав к бабушке, я спросил у нее: — Помнишь, ты рассказывала в детстве сказку о мальчишке, поющем на дереве?

— Помню, внучек, — сказала бабушка, — только у сказки другой конец, не тот, что я тебе рассказывала.

— Какой же? — удивился я.

И вот через двадцать лет я узнал конец этой истории.

— Когда мальчик пел, было голодное время. Однажды послушать его песню собралась около дерева толпа. Люди увидели мальчику, поющего на дереве, удивились: «Почему это он поет на дереве? И почему вообще поет?»

Много было толков, предположений. Наконец решили, что в то время, когда весь народ голодает, мальчик набил себе живот и поет от сытости: разве стал бы голодный петь?

В толпе закричали: «Надо узнать, что он ел!» Злые люди стащили мальчику с дерева, разрезали ему живот и увидели, что он уже давно ничего не ел.

* * *

Как-то раз, когда было очень жарко и бештав¹ загнал меня в дом, я сидел на прохладном глиняном полу и играл сам с

¹Бештав – восточный суховей со стороны Пятигорья.

собой в альчики. Дома никого не было: бабушка куда-то ушла, девочки, мои подруги, не пришли.

Вдруг я услышал свирепый, яростный лай Долая. Я выскочил во двор, но собаки там не было, ее рычание, бессильное поскуливание доносилось из сада... Долай метался вокруг яблони, подпрыгивал, вставая, упираясь передними лапами в ствол. Я взглянул наверх и сквозь листву увидел перепуганного, бледного мальчишку. Он вцепился одной рукой в сучок, другой прижимал к животу яблоки, которые натолкал за пазуху. Это был тот самый мальчишка, которого я видел весной на горе, когда мы ходили за подснежниками. Лохматая шапка была по-прежнему надвинута на самые глаза, только теперь они были не дерзкими и насмешливыми, а большими от страха. Увидев меня, мальчишка приободрился.

— Эй, бабник, — крикнул он грозно, — убери собаку!

Я молча подошел поближе. Долай метнулся ко мне, вильнул хвостом и тут же бросился опять к дереву.

— Убери ее, бабник! — не так решительно потребовал мальчишка.

Я улыбнулся и остановился, поглядывая то на него, то на Долая.

— Убери! — в голосе послышались просительные нотки.

Но я молчал, и Долай, почувствовав, что человек на дереве и мой враг тоже, вдруг с хриплым лаем взвился вверх, вцепился зубами в штанину мальчишки. Это было уж слишком! Ведь не каждому мальчику разрешают летом носить штаны.

— Долай! — прикрикнул я.

Собака пригнула голову, виновато подошла ко мне, принеся, как добычу, лоскут в зубах.

Мальчишка повернулся на ветке; раздался сухой треск, и собака снова рванулась к дереву, захлебываясь от яростного лая.

— Морду тебе набью, бабник, если не уберешь собаку! — плаксиво пообещал мальчишка.

Я все с той же улыбкой рассматривал его и молчал.

— Вот посмотришь, набью!

Я повернулся и не спеша пошел к дому.

— Ну, подожди! — пригрозил со слезой мальчишка. Я медленно завернул за угол и притаился там.

Долай неторопливо кружил вокруг яблони, изредка поднимал кверху морду и предупреждающе рычал. Мальчик при-

тих. Потом я услышал странные звуки. Сначала тихие, словно стон или поскуливание, через некоторое время все явственней стали слышны всхлипывания, и наконец я услышал плач. Самый настоящий, искренний, полный отчаяния и бессилия плач. И мне стало приятно. До сих пор я думал, что этот мальчишка, гроза всех детей аула, никогда не плачет. Я слушал этот нарастающий рев, пока мальчишка не начал орать. Тогда не спеша вышел из-за угла, неторопливо подошел к дереву. Мальчишка замолчал, вытер кулаком глаза...

— Посмотришь, я отцу расскажу, он тебе покажет! — сквозь всхлипывания пригрозил он мне.

«У меня ведь тоже есть отец», — подумал я и взял собаку за ошейник.

— Высыпь наши яблоки!

Мальчишка торопливо высвободил из брюк майку, и на меня с Долаем посыпались крепкие, упругие шары яблок.

— Ты только не отпускай этого злюку, — заискивающе попросил мальчишка, — лучше отведи его к дому и держи там...

Я отвел Долая к дому и оттуда наблюдал, как мальчишка, поглядывая на нас, торопливо сполз с дерева и помчался к забору. Долай захрипел, рванулся из моих рук.

Мальчишка взлетел на плетень и оттуда закричал зло:

— Ну, теперь держись! Я тебе покажу!

Я засмеялся и отпустил Долая. Мальчишку словно сдуло с забора. Долай подскочил к плетню, гавкнул для порядка и, дурачась, заметался по двору.

Я пошел домой и снова начал играть в альчики. Сидел уже довольно долго, приговаривая «Шик! Бук!»¹, как вдруг опять услышал злобный лай Долая во дворе. С улицы доносились мальчишечьи голоса. Сначала неуверенные, они становились все громче и нахальней. Наконец голоса слились в хор, выкрикивающий слаженно и дружно:

— Эй, бабник! Эй, бабник!

Я еще не видел мальчишек, но по голосам понял, что они пришли бить меня, и испугался. Вскочил с пола, подбежал к двери и закрыл ее на крючок. Но тут же успокоился. Ведь мальчишки наверняка испугаются Долая, не решатся подойти. Я осторожно приоткрыл дверь и выскользнул наружу.

¹Шик! Бук! — Орёл! Решка!

Мальчишки увидели меня. Закричали, загалдели. Кривляясь и приплясывая, они принялись орать еще сильнее: «Бабник! Бабник!» Потом кто-то из них швырнул в меня палку, и все, как по команде, стали кидать в мою сторону камни. Мальчишка в мохнатой шапке неторопливо вышел вперед, прицелился и, грязно обругав мою мать, запустил в меня обломком кирпича. Острая боль обожгла мою ногу. Я ойкнул, присел и крикнул сквозь слезы: «Долай, куси!» Долай будто только этого и ждал. Его длинное серое тело скользнуло через забор.

Мальчишки сыпанули по улице в разные стороны. Вскоре пришла бабушка. Она заметила, что я хромаю, а увидев сияк, переполошилась. Я сказал ей, что ушиб ногу, когда играл во дворе.

Вечером пришел отец. От него я тоже скрыл, хотя мне очень хотелось с кем-нибудь поделиться обидой, рассказать о сегодняшнем дне. Но было не с кем. Девочки ушли на гору. Мамы не было, она уехала покупать мне брата. И мне стало одиноко и тоскливо. Я расплакался, потребовал, чтобы мне вернули маму. Бабушка успокаивала меня, а отец прикрикнул, чтобы я замолчал и не хныкал. Мы с отцом сдружились, пока не было мамы. Отец любил меня, играл со мной, катал на себе, спал, крепко обняв меня, но его крика я побаивался. Отец был суров и требователен. Я забился в угол и исподлобья наблюдал за ним. Отец перехватил мой взгляд, засмеялся, подхватил меня на руки.

— Скоро у тебя будет брат, — он высоко, к самому потолку, подбросил меня, — скоро мама привезет тебе брата.

— Еще, еще! — я смеялся, визжал от удовольствия.

Отец опустил меня на землю, потрепал по голове.

— Э, смотри, совсем ребенок! — усмехнулся он.

— Ну, конечно, ребенок, — сказала бабушка. Взяла меня на руки, поцеловала, — а вот вырастет, выше отца будет. Тогда всем покажет, какой он мужчина, да?

Так играя с отцом и бабушкой, радуясь их ласкам, я почти забыл события этого дня. Они сгладились, отошли куда-то далеко, словно все, что произошло сегодня, случилось давным-давно.

Но когда сели ужинать, у ворот раздался громкий крик:

— О, чтоб ваша собака вас самих покусала! Чтоб вам, учителям, эта собака в аду кости глодала! Моего бедненького Махмуда укусила, новые штаны ему порвала! О гяуры! Все люди как люди, а эти волков в доме держат!

Я замер. Я догадался, что это за проклятия, и почему они обрушились на нас. Отец с недоумением прислушался, вопросительно посмотрел на меня.

— А ну пойдём!

Я хотел убежать, но отец, поглаживая по голове, крепко держал меня за плечо и повел за собой.

Перед воротами стояла женщина. Она размахивала над головой детскими брюками и кричала на весь аул.

— Вот этот зверь, вот этот хищник! — показывала она рукой на Долая. Тот беспокойно ворчал, взлаивал, нервно ходил по двору. — Шоратай! — закричала женщина отцу, — надо такую собаку на привязи держать. Смотри, купила для моего мальчика новые штаны, а ваш пес их — в клочья!

— Аскерхан, успокойся, — попросил отец и посмотрел на меня недобрый взглядом, — меня же дома не было. Это вот он, наверно, выпустил собаку, — отец кивнул в мою сторону. — Зачем проклинать нас, вроде мы тебе никогда ничего худого не делали.

— Мальчика за ногу укусила и вот штаны разорвала! — опять закричала женщина и протянула к нам брюки. — А эту вашу собаку вся улица знает. Она на всех лает и все равно перегрызет кому-нибудь горло...

— Не перегрызет, — заступился я за Долая. — Того, кто не виноват, она не тронет.

И я рассказал все. И про яблоки, и про Махмуда, и про угрозы...

Женщина готова была со стыда сквозь землю провалиться, но не сдавалась:

— Все-таки это дети, а дети чего только не наделают. Нельзя же на них собак науськивать...

— Аскерхан, но меня не было дома, — отец говорил мягко, никого не обвиняя. Не хотел позорить женщину, уже понявшую, что виноват ее ребенок.

Аскерхан ушла.

Потом я узнал, что она избила Махмуда.

Отец долго ругал меня, и я обиделся на него за несправедливость. Но еще большая несправедливость ждала меня.

Отец поймал Долая и посадил на цепь. Долай не давался, вырывался из рук, а когда его все-таки привязали, весь вечер метался, скулил, выл. Я не мог смотреть на него, у него были такие умоляющие глаза, словно он просил: «Не делайте этого сегодня. Дайте мне еще один день, потом поступайте со мной как хотите...» Он, натянув цепь, рвался ко мне, и мне

казалось, что ему именно сегодня надо было куда-то бежать.

Я лежал в постели, не мог заснуть, думая о Долае, о том, как обидели его, видел перед собой его просящие глаза и тихо, беззвучно плакал. Шепотом упрашивал отца отпустить собаку.

Отец не отвечал.

А во дворе взвизгивал, подвывая, Долай и беспокойно брнчала его цепь.

Я решился. Сделал вид, что смирился, успокоился, и притворился, что засыпаю.

— Отец, я хочу на двор, — сказал я через некоторое время сонным голосом и торопливо встал с кровати.

Обычно отец выводил меня, потому что ночью я боялся выходить из дома. На этот раз я не стал его просить и босиком, поскорей, выскочил за дверь.

Ночь была темная, беззвездная, тихая. Только глухо погромыхивала цепь Долая и сам он, поскуливая, взвизгивал в темноте. Мне стало страшно, и я не мог решиться шагнуть в ночь. Вспомнились шайтаны, джинны, о которых рассказывала бабушка, и мне казалось, что они в белых саванах притаились за углом дома, за сараем, за плетнем: наблюдают, не мигая, за мной, хихикают, ухмыляются и тянут ко мне длинные худые руки.

Долай рванулся ко мне, заскулил. Я увидел его черную тень, метнувшуюся от акации, к которой его привязал отец, и бросился к нему. Обнял собаку за шею, прижал к себе. Долай взвизгнул, лизнул мне теплым, мокрым языком лицо, и я рассмеялся. Торопливо начал отцеплять его ошейник и не смог. Руки дрожали, но не от страха, ведь со мной рядом Долай, а от нетерпения и холода. Ошейник не поддавался. Да и Долай мешал. Рвался, упирался лапами в грудь, тянулся мордой к лицу. Я боялся, что отец проснется и выйдет встречать меня, поэтому отвязал цепь — так было проще и быстрее.

— Долай, беги! — шепнул я облегченно и, не оглядываясь, побежал домой.

Громящая цепью, Долай бросился за мной, но я захлопнул дверь.

— Не боялся? — спросил отец и опять засопел во сне.

Я ощупью добрался до кровати и лег рядом с ним. Долго я лежал с открытыми глазами и всматривался в темноту. Первый раз в жизни я обманул родителей и чувствовал, что мне придется жестоко поплатиться за этот обман. Но того, что случится на следующий день, я не мог даже предположить...

Проснулся я рано. И сразу же выскочил во двор. Долая не было. Я побежал к конуре, заглянул в нее. Пусто. Позвал собаку, обежал весь сад. Нет нигде. Я прибежал домой продрогший, весь дрожа, и сказал отцу, что собака убежала.

Отец удивился, но потом улыбнулся:

— Ах ты, хитрец! Наверно, сам ее сейчас и отпустил?

— Нет, — я покраснел.

Отец вышел во двор, молча постоял около акации, подошел к конуре. Нахмурился.

— Наверно, взбесился, — негромко сказал он и вздохнул.

Я молчал. Старался не смотреть отцу в глаза, боялся, что он обо всем догадается.

Вышли за ворота.

— Салам алейкум, Шоратай!

Это краснолицый Султанбек поздоровался с моим отцом.

Я много слышал тогда о Султанбеке. Он был самым уважаемым человеком на нашей улице. Ходил Султанбек важно, выпятив круглый живот. И одет он был солидно. На нем всегда был зеленый китель, синие галифе, сапоги в гармошку, начищенные до блеска; на голове защитного цвета фуражка с огромным козырьком. Из рассказов бабушки, которая почтительно называла его за глаза «барсуком», я знал, что он пьет ногайский чай с молоком и закусывает его солеными огурцами; каждый день в обед у Султанбека бывает мясо, а мы мясо ели только по праздникам. И дом у Султанбека был лучший на улице — кирпичный, а не саманный, как у остальных, и крыша крыта жостью, а не соломой.

— Алейкум салам, Султанбек. Как твоё здоровье? — уважительно приветствовал его отец.

— Волагий¹, неплохо. Почему такой озабоченный? — Султанбек весело прищурил глаза.

— Да вот собака, кажется, взбесилась и вместе с цепью убежала, — неуверенно ответил отец.

— Э, это ничего. Наверно, где-нибудь вместе с бездомными шляется. Проголодается, хоть бешеная, хоть не бешеная, — домой вернется. Позови меня вечером, я с рухьем приду, и делу конец...

— Думаю, что не вернется, — отец неуверенно дернул плечом.

— Вернется, — заверил Султанбек.

¹Волагий — ради бога.

Потом он взглянул на меня, улыбнулся, показав белые зубы, прищелкнул языком.

— Ну, как твой джигит? — спросил у отца.—Сказал ему, что скоро мать еще одного драчуна принесет?.. Дерешься или нет? — повернулся он ко мне.

— Да он еще в куклы играет, — засмеялся отец.

— Ну, я вечером с ружьем приду, — посерьезнев, напомнил Султанбек.

— Будь гостем! — сказал отец.

— Будь богатым! — поблагодарил Султанбек и ушел.

Уходя на работу, отец велел бабушке приглядывать за мной, а мне приказал не подходить к собаке, если она вернется. Когда он ушел, я облегченно вздохнул: не догадался, что это я отпустил Долая!

Но мне было тревожно. Беспокоили слова отца, что собака взбесилась. Я не понимал, что они значат, и подумал: если человека держать на цепи, он тоже взбесится. Но больше всего я размышлял о Долае. Где он? Куда убежал? Почему? Что с ним? Ведь он никогда не отлучался из дому.

Несколько раз я хотел выйти за калитку посмотреть, не видать ли собаки, но бабушка не выпускала меня. Она вынесла во двор ручную мельницу, молола кукурузу и наблюдала за мной.

Матери не было. Долай убежал. Подруги не приходили. Я был один. Попытался было поиграть с куклой Тайтериш, но и с ней было скучно. Хотелось плакать.

Наконец пришли девочки. Они начали было рассказывать о том, как ходили вчера на гору, но я перебил их и торопливо излил свое горе. Рассказал и про Махмуда, и про яблоки, и про Долая, только не сказал, что я сам отпустил его. Я не знал, что значит «взбесился», и сказал, что Долай «сошел с ума».

Патимат, самая рослая из нас, смуглая, черноволосая, вытаращила на меня синие глаза.

— А разве собаки с ума сходят? — она от волнения натянула до пупка свои черные выцветшие трусики.

Я подумал, что Патимат справедливо удивилась, и решил, что отец обманул меня. Взрослые всегда много врут. Долай не мог сойти с ума. Ему просто не понравился мой отец и Аскерхан, то, как они поступили с ним... Вот он и убежал от нас.

— А я знаю, как с ума сходят, — затараторила рыжеволосая Мадина, — с ума сошла Келду, которая на сосед-

ней улице живет. Ей отец не купил гармошку, и она облила себя керосином и подожгла...

Мадина многое знала о взрослых.

Бабушка как услышала Мадину, так и рот открыла от удивления. Она прижала ладонь к щеке, покачала головой и устала на девочку.

— Вы ужасные дети! — закричала вдруг бабушка. — Ой, Аллах! О каких вещах они говорят. Противные дети! Чтоб мои уши такого не слышали! Уходите отсюда, чтобы духу вашего здесь не было! — бабушка вскочила, волосы ее растрепались. Она набросилась на Мадину: — Вот я матери твоей расскажу! Астопиралла!¹ О чем говорят дети! Уходите отсюда!

Девочки заплакали, но бабушка вытолкала их за ворота и захлопнула за ними калитку. И опять я остался один. Готов был расплакаться, но крепился изо всех сил...

— А собаки сходят с ума? — спросил я у бабушки.

— Сходят, — буркнула она и насыпала новую порцию зерна в мельницу.

— А как они сходят?

— Как, как! Начинают кусать всех подряд, и люди тоже после этого с ума сходят. — Помолчав, ворчливо уточнила: — С ума не сходят, а бесятся, но это одно и то же. — Она думала о чем-то своем, старательно крутила ручку мельницы. Ей было не до меня, она думала о зерне, о муке, о том, какую вкусную мамалыгу приготовит сегодня. А мне было не до мамалыги.

До самого полудня унылый бродил я по двору и думал, что если Долай сойдет с ума, то, наверно, никогда больше не вернется к нам.

В полдень послышался с улицы приглушенный звон цепи. Я почувствовал, понял, догадался, что это Долай, и у меня заколотилось сердце. Выскочил на улицу, бабушка не успела даже заметить. Точно! По улице устало бежал Долай.

— Долай! Долай! — закричал я и бросился к собаке.

Долай тяжело дышал, настороженно посматривал по сторонам. Остановился. Подбежал неуверенно ко мне; вытянув морду, недоверчиво обнюхал. Я обнял его за шею, прижался к горячей мокрой шерсти.

— Долай, Долайчик!

Собака тоже прижалась ко мне, и дыхание ее стало прерывистым и частым.

¹Астопиралла – возглас удивления.

Хлопнула калитка, выскочила опомнившаяся бабушка и закричала:

— О я несчастная! Он сейчас загрызет тебя!

Она бежала к нам. Долай злобно заворчал, вырвался из моих рук и оскалился.

Бабушка, путаясь в длинном платье, подбежала ко мне, подхватила своими несильными костлявыми руками, прижала к груди.

— Отпусти меня! — я кричал, плакал, пытался вырваться.

Долай рычал. Черные глаза его с болью и недоверием смотрели на меня, и мне казалось, что он презирает меня, что я для него предатель; я оказался, как и все люди, его врагом и никогда не смогу быть настоящим, верным товарищем. Я плакал, я хотел объяснить Долаю, как мне было одиноко без него, как переживал, когда он исчез. Но Долай не знал этого и не понимал. Он скалился, злобно морщил кожу на морде. А я бился в руках у бабушки, упрашивал, чтобы она отпустила меня.

— Подождите! Не пугайте собаку! — раздался чей-то истошный крик.

Я оглянулся. Краснолицый Султанбек пробежал мимо нас к своему дому. Мокрыми от слез глазами я смотрел вслед толстяку. Я почувствовал что-то недоброе в этом крике Султанбека, в его суетливой торопливости. И Долай перестал рычать, словно тоже почуял неладное, съежился, подобрался, опасно посмотрел по сторонам. Я перестал вырываться из бабушкиных рук, и она опустила меня на землю.

Ругаясь матом, выскочил из своей калитки Султанбек. В одной руке у него было ружье, в другой кусок хлеба.

Бабушка хотела увести меня, но я выдернул руку и со страхом смотрел на Султанбека.

— Давно прибежала? — запыхавшись, спросил он.

— Недавно, только что, — испуганно ответила бабушка.

— Джигит, давно пришла? — Султанбек бросил собаке хлеб.

Долай испуганно отскочил, потом, вытянув шею, принялся и, осторожно подойдя к куску, жадно схватил его.

— Сейчас пришла, — тихо ответил я. Султанбек вскинул ружье.

— Сейчас мы ей покажем! — процедил он сквозь зубы. Бабушка подхватила меня на руки, торопливо прикрыла и мою, и свою голову платком и отвернулась. Она дрожала, и я понял, что сейчас произойдет что-то страшное.

Грохнул выстрел. В ушах зазвенело. И я услышал, как жалобно заскулил Долай. Это был жалкий стон бессилия. Так, наверно, мог бы пискнуть не огромный пес, а маленькая шавка, нечаянно раздавленная проезжавшей арбой. Это был стон, в котором уже слышалось согласие со смертью...

Я ничего не понимал.

Бабушка сняла платок, я рывком обернулся и увидел Султанбека, его ружье, из которого тонкой прозрачной струйкой поднимался дымок, и лежащего на земле Долая, с красным влажным пятном на боку.

— Ольмесхан, придет Шоратай, пусть оттащит куда-нибудь и зароет, — Султанбек зло посмотрел на нас.

— Хорошо, милый, — сказала бабушка и, взяв меня за руку, отвела во двор.

Она села к мельнице, вздохнула: «Бисмилла!. О, бисмилла!»¹ — и стала вертеть жернов.

Через некоторое время я вышел на улицу и подошел к Долаю. Он лежал, ярко освещенный солнцем. Темная, почти черная кровь уже подсохла, и рану облепили большие золотистые мухи. Глаза у Долая были открыты, и в них золотистыми точками отражалось солнце. Я долго смотрел в эти глаза. Они были злые, как у человека, как у Султанбека после выстрела. Я стоял, смотрел и боялся подойти поближе.

Сзади слышались тихие шаги. Я обернулся. Осторожно ступая босыми ногами по кочкам и камешкам, подошел, весь в синяках, Махмуд, все в той же лохматой шапке.

— Убили, да? — тихо спросил он меня. Я согласно кивнул головой.

— А мне вчера из-за него попало, — еще тише сказал он, заикаясь.

Встал рядом со мной.

За спиной слышались еще шаги. Это были мои подруги. Они, пританцовывая на засохших комочках грязи, медленно подошли к нам.

— С ума сошла? — тихо спросила синеглазая Патимат.

Я опять кивнул.

Девочки присели на корточки и долго молча рассматривали убитую собаку. Рыжеволосая Мадина отогнала веткой копо-

¹Бисмилла! — обращение к богу.

шашихся, жужжащих мух, потрогала Долая, словно хотела убедиться в его смерти.

Собрались дети со всей улицы, и все задумавшись смотрели на мертвую собаку. Взрослые, проходя мимо, улыбались, заглядывали через головы детей, но, увидев мертвого Долая, плевались, кричали на нас:

— Что? Дохлого пса не видели?

Может быть, и видели, но для меня смерть Долая была не только смертью собаки. Это была первая смерть близкого мне, дорогого существа.

Вечером отец отволок труп Долая на окраину аула. Он выкопал на дне старого окопа ямку, положил туда собаку и засыпал ее землей. Когда отец закончил работу, я спросил:

— Где теперь будет жить Долай? Наверно, под семью слоями земли, в аду? Да?

Отец усмехнулся:

— Никакого ада нет и рая нет. Труп сгниет, и ничего не останется.

— А это я вчера отпустил Долая, — признался я; мне стало очень обидно и тоскливо, и я тихо заплакал.

— Видишь, как получается, — вздохнул отец и погладил меня по голове.

Через несколько лет, когда я уже ходил в школу, я пришел сюда снова. Место, где был захоронен Долай, я помнил хорошо. Разрыл землю и нашел рыжую плоскую кость треугольной формы и долго носил ее в кармане. Мать как-то нашла ее, обругала меня и хотела кость выбросить, но я не разрешил, и тогда она положила ее в мой куржун.

* * *

Оно не такое маленькое — детство. Оно как родник, из которого берет начало река. Память об этом роднике помогает нам жить, помогает светло смотреть и в сегодня, и в завтра. Только не надо забывать, что память стирается годами. Мой родник спрятан в этом куржуне. И я каждый раз, развязывая его, открываю для себя что-то новое. Здесь у каждой вещи своя душа, своя жизнь. В этом куржуне — и люди, и события, и сказки моей бабушки; моя первая крепкая дружба. И первая смерть, и еще многое, многое... то, что является моим детством, моей жизнью.

1973г.

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Запах из детства

Он не помнит, сколько ему тогда было. Три, пять или больше? Пожалуй, не больше пяти...

Посреди двора стоит побеленная летняя печка, из ее трубы струится сизый дымок. Мальчик сидит перед печкой и на раскаленных углях кизяка жарит молодую кукурузу. На лбу бисеринки пота, он смотрит на огонь и время от времени поворачивает вертел. Кукуруза постреливает, мальчик испуганно откидывает голову.

Над аулом полдневная жара. Земля высохла, горячая пыль обжигает босые ноги. На карнизе воркует голубь. В тени от дома, примостившись на табуретке, бабушка прядет нитки. Лениво бродит по двору черный кот. В огороде среди высоких кукурузных стеблей кудахчет квочка, пищат желтые цыплята.

Мальчик облизывает пересохшие губы, стряхивает пот с загорелого лба, машинально вытирает руку о трусики, о майку. Какой сладкий этот запах жарящейся кукурузы!

Бабушкино веретено летит в кота, прыгнувшего в сторону цыплят. Но, как обычно, не достигает цели. Бабушка встает и плетется за своим веретеном. Мальчику смешно: с крыши курятника кот жмурит на бабку свои хитрющие зеленые глаза...

— Что смеешься, негодник! Расстроил огонь в печке, не даешь хлебу поспеть.

В печку поставлена закрытая двойная сковорода с тестом, угли предназначены для нее.

Мальчик умоляюще смотрит на бабушку.

— Бабушка, родненькая, я сейчас же уберусь в ад, только дай дожариться моей кукурузе.

«Убейся в ад» — любимое выражение бабушки.

Старушка садится на свое прежнее место, возится с веретеном.

— Я же не сказала, чтобы ты убирался в ад, вот бестолковый!

Наконец кукуруза покрывается коричневой хрустящей кожичей. Мальчик вытаскивает вертел и, обжигаясь, перебрашивает с руки на руку початок, исходящий жаром. Забыв поправить расстроенный огонь в печи, с радостным криком выбегаёт на улицу...

Возможно, это единственный эпизод из детства, в существовании которого нельзя усомниться.

Кому-то памятен запах первого снега, запах улицы после дождя, тревожный бодрящий запах свежего сена, трогательный аромат яблок или особо ощутимый на голодный желудок запах только что испеченного хлеба.

Став взрослыми, мы никогда не ощутим этих запахов так сильно, как в детстве. Они безвозвратны, как безвозвратно само детство.

Теплая ванна

Зима. Снег. Мороз. На обочине дороги — грузовик, из радиатора стекает горячая вода. Под мотором образовалась темная лужа, клубится пар. В этом маленьком, тепленьком озерце радостно, встряхивая крылышками, купается воробей. Не нарядует птаха!

Я остановился удивленный. Середина зимы, а тут тебе теплые ванны на тридцатиградусном морозе. Однако радовался я недолго, сообразил, чем все может кончиться. И до самой глубины сердца стало мне жаль воробья.

«Замерзнешь, околеешь, птаха! К теплой воде потянуло, лето вспомнил, дурачок», — сказал я, представляя, что будет с воробышкой после того, как остынет вода.

Вот так и поэт! Бывает, он принимает в жизни такие ванны, бывает, и гибнет после них.

Надо быть чутким к поэтическим душам, надо их оберегать от таких ванн.

Дитя

Маленький Алибек принес с поля охапку ромашек.

Мать, вернувшись с работы, ахнула. Весь двор был утыкан цветами. Алибек радостно поливал их из кружки.

Надолго в памяти моей осталась эта картина... Отгороженный от улицы штакетником двор. Акация у забора, засыхающая на жаре. Старый, крытый черепицей дом. Синие ставни, стекла, отражающие небо и двор. И белые полевые ромашки, вкопанные перед домом в пожелтелую от зноя землю. Мальчик смеется и поливает из кружки свой цветник.

Как беспредельна фантазия ребенка, как хорошо быть ребенком!

Вечный путник

Дорога...

С дорогой связано у ногайца многое. У нас даже новорожденному говорят: «Пусть благополучие обретет в дороге».

Черкесск — Пятигорск — Георгиевск! Не доезжая до Прикумска, с асфальта сворачиваем на грунтовку — в Ногайские степи.

Быстрая езда на грузовике волнует не меньше, чем стремительная скачка на горячем аргамаке. Я стою, опираясь руками о железо кабины, нахлобучив кепку на самые глаза. Встречный ветер, перемешанный с песком и пылью, хлещет в лицо. Впереди необъятная, пахнущая зноем степь. Синий горизонт как бы в одной упряжке с солнцем — не догнать ни на каком скакуне... белые ковыли, серые полынные, зеленые разливы люцерны, желтизна пшеничных полей мчатся навстречу. Кажется, все однообразно в этой степи. И вдруг, среди седого ковыля, как неожиданная мысль — полыхнет одинокий алый мак...

Песок и пыль хлещут по лицу.

Нигде ни единой живой души. Я чувствую себя вечным кочевником, вечным путником. В ногайской легенде вечным путником прозывается тот, кто ищет то, чего нет на свете... Завидую ему. И во мне — этот вечный путник.

Нет конца дороге.
Дорога исчезает за горизонтом...
За горизонт! За горизонт!
Он манит своей близостью, своей синевой...
Одна мысль: найти свой горизонт.
Что за ним?

Ночь

Ночью я пересел из кузова в кабину.

Шофер, опасаясь, что уснет за рулем, просит меня что-нибудь рассказать.

Рассказываю о своих поездках.

Шофер слушает и следит за дорогой. Грунтовка. Луч фар теряется где-то в темноте. Над нами и по сторонам ночь. Машину часто трясет, дорога ухабистая.

Я выглядываю из кабины. Уму непостижимо — огромное небо над ровным простором. Черный свод просвечен множеством звезд.

Шофер — хороший слушатель, но когда я рассказываю о далеких красивых местах, он вставляет:

— Нет лучше места, чем Ногайская степь, — и сам себе утверждающе кивает. — Да, да...

Я рассказываю ему о шумной Москве, о цветущем Тбилиси, о старом Таллинне, о солнечном Самарканде. В ответ слышу одно:

— Нет лучше места, чем Ногайская степь!

На свет фар выбегают толстобрюхие тушканчики. Они удивленно мотают маленькими головками и исчезают. Иногда полосу света пересекает испуганный заяц.

Я переключаюсь на футбол. И сразу:

— О, как играл наш Хамзат! — восклицает шофер.

Я рассказываю о своем любимом клубе СКА из Ростова. Рассказываю о знаменитом Понедельнике и его ударе с падения.

— О, как играл наш Хамзат! — твердит шофер.

Все-таки решаюсь спросить:

— А как он играл?

Шофер ничего не отвечает и через некоторое время опять просит:

— Рассказывай, рассказывай...

Через некоторое время я привыкаю к его возгласам. Под мои воспоминания он вспоминает свое. А я получаю удовольствие от собственных воспоминаний...

«Звук запаздывает за светом...»

А. Вознесенский

С рассветом теплеет холодная синь неба. Слышен шелест мокрой травы. От ночного холода еще дрожит прозрачный синеватый воздух, но степь оживает.

Она удивительна! Если прислушаться к ее безмолвию, то можно различить, как дышит воздух. Прогрохочет вдали машина — и снова тишина. Лишь одинокое поднебесное пение степного жаворонка...

После заката степь вновь замирает.

«Звук запаздывает за светом»: блеснет молния, затем гремит гром. Увидишь ночью сначала свет фар, а затем с приближением машины слышится гул мотора.

В степи эти физические явления наглядны. Степь сама учебное пособие. Я читаю эту книгу.

Смотришь в бескрайние просторы, на огромное небо и слышишь длинную-предлинную песню степного ногойца, стремительно-трепетную мелодию двухструнной домбры.

«Звук запаздывает за светом».

Сначала жителю этой земли надо было увидеть степь, а песни и музыка пришли сами.

Степняки

Степной аул. И там, и здесь беспорядочно раскинуты дома. Аул стоит посредине целинной степи. Неподалеку от домов пасется скот. Под окнами бродят куры, клекочут пестрые индюки. Заборов здесь не ставят. Земли сколько угодно. Степняки друг от друга не отгораживаются. Огородов почти нет. Один-два человека заведут бахчу, и все. Деревьев мало. Акации низкие, пожелтелые, пыльные. Дворы еще не утопаны, трава растет как хочет. Дома низкие. Удивительны их крыши: и не плоские, и не двускатные — выгнутые дугой.

Для меня, жителя предгорий, все это в диковинку. Кубанс-

кие ногайцы двор огораживают плетнем, глиняным забором. Или же обносят штaketником. Внутри все утопано, прорыты канавки для стока воды. Крыша высокая, конек ее тянется к небу.

Здесь же маленькие дома своими дугообразными крышами напоминают древние жилища ногайцев.

Раньше степняки жили в кибитках, в юртах. Эти жилища даже формой своей выражали покорность огромному шатру неба. Степняк, создавая свое жилище, хотел уподобить его небу, под которым проходила его жизнь.

Архитектура всегда отражала бытие людей.

Юрта, кибитка — это маленькое небо.

Юрта, кибитка беззащитны, как беззащитна вся открытая, доступная врагам и стихиям степь.

Степняк открыт душой. В степи живут сильные духом люди.

Жить в степи — значит надеяться только на себя, на свой дух. «Дно терпения — золотое дно» — одна из пословиц степняка. Он привык долго терпеть и не жаловаться на судьбу.

«Лучшая черта характера — молчаливость», — говорят степняки.

Степняк молчит, даже когда ему невыносимо одиноко. Чабаны уходят с отарами в степь и месяцами не общаются с людьми. Зато степняк — лучший слушатель. «У человека два уха, но один рот», — говорит степняк. Он много слушает и мало говорит. Степняк веками молчал и был покорен. Слишком много тяжести вынес он на плечах, и постоянно на него давило огромное, непонятное ему небо...

Старики

Вечер. Небо молочного цвета. Воздух теплый. Иногда налетает легкий ветерок, на улице, переливаясь, играет серая пыль. Возле ворот сидят на вынесенных из домов табуретках старики. Одеты они просто, по-сельски. Кто в летних широкополых войлочных шляпах, кто в современных, фетровых. С непокрытой головой старики никогда не выходят. Поговорка: «Джигита по шапке узнают». На ногах галоши, некоторые в мягких национальных чарыках. Лица у всех в морщинах, коричневые от загара; жилистые руки сжаты в кулаки, глаза

задумчивые. Некоторые посасывают мундштуки или постукивают об землю ореховыми палками. Прохожего они провожают взглядами до тех пор, пока тот не исчезнет из виду. Сидят долго. Говорят мало.

Мимо них пробегают босоногие дети. Старики поднимают головы. В их глазах просыпается свет. Но в них и тоска по ушедшему. Как остановить время?..

Темнеет. Старики встают. Протягивают друг другу жилистые, костлявые руки. Забирают скамейки и, сгорбившись, расходятся.

Кажется, что они со своими скамеечками, мундштуками, палками, галошами, шляпами идут не по улице, а разбредаются по ровной безлюдной степи. Они бредут и бредут: и нет конца их пути...

Из дневников разных лет

* * *

В нашем языке существуют замечательные поговорки. Некоторые из них, как мне кажется, возникли недавно. Например: «Если время лисица — будь хвостом лисицы, а если время хвост лисицы — будь борзой». По-моему, в средние века и ранее категория времени мало волновала людей. Это в 19 и 20 веках, в связи с колоссальными изменениями социального и экономического уклада жизни, человечество задумалось о скоротечности времени. Хотя кто знает?..

Поговорка: «Если ямагат (общество) слепой — зажмурь один глаз», — наверное, возникла очень давно, но актуальной и часто употребляемой она стала недавно. Почти весь 20 век мой народ живет с зажмуренным глазом.

* * *

Еще говорят: «Не бывает плохих времен, бывают плохие люди».

* * *

Мы, кажется, даже не подозреваем, что очень часто стоим вниз головой. Ночью уж точно, потому мы и спим, от усталости принимаем горизонтальное положение. Даже очень может быть, что мы всегда стоим вверх тормашками. Люди ведь могли спать и стоя, и сидя... Пойди разберись, где верх, а где низ в космосе...

* * *

У нас есть удивительная поговорка: «Тропинка к тропинке ведет, тропинки к дороге ведут, дорога в аул выводит».

Очень многие вещи: выступления, статьи, заметки, опубликованные в газетах, я специально не сохраняю, потому что они написаны, как того требует сегодняшний день. К тому же очень часто такие публикации подвергаются кардинальной правке в редакции. Я никогда не думал проявить себя в поэзии, сам себя поэтом я не считал. Но стихи пишу и храню их. Во время учебы в Литературном институте с моими стихами ознакомился литератор Николай Ламм. Он попросил разрешения перевести их на русский язык. Перевел и опубликовал в печати. Потом переводили и другие переводчики. Составляя «Мониста», я понял, что мои стихи тоже передают пульс моего творчества. И поэтому, не придерживаясь последовательности, в которой они были написаны, я их включил в ногойский текст «Монист». В русском варианте публикуются не все стихи, только переводы и несколько подстрочников.

* * *

Никто, ничто и никогда не умирает.
Ведь не отнимешь веру в доброту — не умирает.
Надежду не подстрелишь на лету — не умирает.
И вечен этот мир в глазах твоих — не умирает.
И человек все складывает стих — не умирает.

* * *

Когда заходит солнце,
Приходит мир теней.
Когда ко злу стремишься,
Нет места для добра в душе твоей.
Когда восходит солнце,
Приходит к людям свет.
Когда к добру стремишься,
В душе твоей для злобы места нет.

* * *

Раскаленный воздух цепко душит зноем.
В паутине небо ярко-голубое.
Только солнце золотое,
словно миллионы лет назад.
Лужица покрылась плесенью и ряской.
В озере забытом тина стала вязкой.
Лишь тюльпан такой же красный,
словно миллионы лет назад.

ШОФЕРАМ

- Кем работает твой сын, Абидат?
- Шофером работает он!
- Кем работает твой сын, Муслимат?
- Шофер он.
- Кем работает твой сын, Салимат?
- Шофер мой сын.

Дорога обросла туманом.
Под шорох шин
шоферы гонят караваны
своих машин.

Трясет кабину неустанно
мотора дрожь.
Колотит словно в барабаны
по крышам дождь.

О, дождь, да сколько можно лить, —
он намочил
поля, деревья и дорогу, —
весь мир в ночи.

Свет фар в туман уперся белый,
И ветер лют.
Рука шофера прикипела
навек к рулю.

Спина застыла и намокла.
Забыты сны.
Глаза в заплаканные окна
устремлены.

Устремлены в дорогу жизни:
из тьмы на свет.
Колеса кружатся. И мысли
за ними в след.

Все близкое — теперь далеко,
а впереди —
опять туман, опять дорога,
опять дожди.

Дорога, словно кинолента,
рисует жизнь —
ее спокойные моменты
и виражи.
В дороге оживает память —
светла, легка:
в ногойской черной шали мама
у очага.

Отец, вернувшийся усталый
с полей домой.
И образ девушки, что стала
такой родной.

Что провожала в путь-дорогу
и встретит вновь,
застенчива и черноока —
его любовь...

...Бегут, вращаются колеса,
и шар земной
раскручен весело и просто,
шофер, тобой!

* * *

Вздымая пены белые валы,
Река с крутой кидается скалы.
Срывает камни с гордых диких гор
И убегает к зеркалу озер
От грохота ущелий в тишину.
Чтоб в ней луна увидела луну,
А не тропинку зыби золотой,
Чтоб позабыть обвалов злобный вой,
Чтоб не бежать, спеша, кружа, круша,
А слушать плач и шепот камыша...

* * *

Волна попала в море из ручья,
Ей невдомек: «Откуда я? И чья?
Была ли я такой же черной прежде?
Иль я была белее пены нежной?
Несутся волны ...Мчатся дни...
Волна забыла про родник...

* * *

Я —
смугл, скуласт, раскос,

Я — коренаст.
И не велик мой рост.
История,
не в те века
Тобою взят.
Я — азиат!
Я — азиат!
В моей душе еще кипят
пожары, битвы.
И в былое
мое сознание стрелюю
уносится.
И не вернуть назад!
Я — азиат!
Я — азиат!
Мой конь несется дикой степью.
Иных веков над мною трепет.
Сестра мне — бурка!
Меч — мне брат!
Я — азиат!
Я смертной схваткою упьюсь.
Я бьюсь со временем.
Я — бьюсь!

* * *

Стареют люди в городах.
Зачем живут, не понимают.
Как тесно людям в городах,
Куда торопятся, не знают.
От этой тесноты жестокой
Здесь очень много одиноких
И сердце не у всех способно
Людское горе растопить,
И людям тесно, как в тисках,
Сердца их тлеют ежечасно,
И ветер их разносит в прах,
Они всю жизнь живут напрасно.

* * *

Синие реки уносят истории
в синее море.

Синий туман опустился на синюю степь.
Степь содрогнулась под топотом синих копыт.
Синий цветок загляделся на синее небо.
Все засинело в глазах. И глаза засинели.
Синее яблоко тянется к синей земле.
Синяя птица. И синяя птица летит.
Город синееет. И люди. И даже
И даже
Белый мой стих этой синью чудесной окрашен.

* * *

Железо стучит о железо —
Скрежет и лязг колёс.
То поезд по переезду
Несётся в мир моих грёз.
Железо сжигает солнце,
Палящее целый день,
И вот уже город южный
Растёт, как мираж, как тень.
Вдали остается город,
И вновь — только жар да степь,
И юность моя, как скорый,
Летит навстречу мечте.
Когда-нибудь до конечной
Домчит меня поезд тот,
Но юность — она беспечна,
Одной лишь мечтой живёт.

* * *

Я тысячу людей в себе заметил вдруг...
Я нежен, но кто неженка во мне?
Я замолчал, но кто во мне молчит?
Я ссорюсь, только кто желает ссоры?
Кровь тысячи людей вершит во мне игру...
Так солнце, разгораясь в вышине,
С востока к западу несет лучи,
Вбирая свет и нежность наших взоров.

(Комментарий издалека. Эти стихи написаны до 1974 года. Затем я женился на известной поэтессе Кельдихан Кумратовой и до 1980 года мало

занимался стихотворчеством. Писал, но стеснялся показывать свои стихи даже супруге. Кельдихан же была замечательной поэтессой, хотя и занималась неблагодарным изнурительным журналистским трудом, работала в газете. Мне поэтический слог давался трудно. Порой одно стихотворение я переписывал раз тридцать. Меня в основном вдохновляла сама поэзия, какие-то важные моменты жизни, сильные впечатления хотелось выразить поэтической строкой. Кроме того, я много изучал народную поэзию и знал наизусть множество образов поэтического фольклора. Бросить писать стихи я никак не мог. Следующее стихотворение написано по поводу мытарств в поэзии, дается в моем подстрочном переводе)

Я стану ловким конокрадом
И угоню крылатого коня,
Зажгу звезду на небосводе,
Звезду надежды и добра.
Окину взглядом
Пеших бедолаг, живущих на земле,
И наделю их лучшей долей...
Но к сожаленью, опытные воры
Крылатого коня украсть успели.
И я сегодня с вами прозябаю,
И участь безлошадных разделяю.

* * *

Ночью глухой — хоть шаром покати —
Всё замирает кругом...
Степь улеглась под небесным шатром —
И, необъятная, спит.
Жизнь в этот час только в небе видна.
Звезды сошлись в хоровод.
Светится яркой сережкой луна,
Ходит средь свадьбы небесной она, —
Знает невестушка, ждет:
Молодец утром придет!

Из дневников разных лет

* * *

Сила художника в том, чтобы о подвергающемся забвению написать незабываемо.

* * *

— Не уходи далеко от дома! — с тревогой говорила моя беспокойная бабушка. Для меня, человека, ищущего истину, это великая мудрость. Писатель должен любить дом, оттуда он вышел, оттуда идет подпитка его творческих сил.

И все же я не знаю: где она, Истина? Где оно, Счастье?.. Этого не знала и моя бабушка, потому она и тревожилась.

* * *

Где Истина, не знает никто!

* * *

Но мы спрашиваем: «Есть ли на свете Истина?» — и идем к ней.

* * *

Малыш стоял и беспечно бубнил что-то себе под нос.

— Замолчи! — гневно прикрикнул рядом стоящий отец.

Ребенок вздрогнул и пристально посмотрел на отца. Отец умерил гнев, взял себя в руки, понял, что напрасно погорячился, и молчаливо прося прощения, погладил сына по головке.

Когда-то и он, отец, будучи ребенком, так же точно столкнулся с миром. То, что было понятно ему, не было понятно его отцу. То, что сейчас понятно его сыну, непонятно ему.

* * *

Все время нам кажется, что она, Истина, где-то рядом. Она улетает из рук как ветерок, который хочешь зажать в ладонь.

* * *

Сказки и мифы — это самая древняя память об Истине.

* * *

И вообще, только наше подсознание знает, что такое Истина.

* * *

Великие произведения создаются тогда, когда народ близок к счастью, Гармонии, Истине.

Роман «Дон Кихот», по утверждению некоторых исследователей, является обобщением существовавших в Испании рыцарских романов. (Кстати, истоки рассказов о Дон Кихоте уходят в арабскую литературу.) Я согласен с тем, что это роман-обобщение, но хотел сказать и о другом. Создание «Дон Кихота» Сервантесом стало возможным из-за того, что вся Испания была обуяна идеей всенародного счастья. Испания находилась на пороге открытия огромных земель со сказочными богатствами, это обстоятельство вселяло в каждого испанца великие иллюзии. Народ в своих надеждах и мечтах никогда так не был близок к счастью. Сервантес гениально изобразил рыцаря вселенной, совсем близко соприкоснувшегося с извечной желанной мечтой человечества. Трагедия Дон Кихота — всеобщая трагедия. Будучи на один шаг от исполнения заветной мечты, человек не достигает желаемого, поэтому Дон Кихот герой на все времена. Он создан народом, находившимся на маленькую толику от всеобщей гармонии.

Совершенно очевидно то, что Сервантес обессмертил Испанию, художественно запечатлев на страницах романа все возможности человеческого духа.

* * *

Меня всегда волнует в жизни человека такое явление, как сновидение. Я никак не могу прийти к однозначному мнению о нем. Что это: жизнь мозга, отражение впечатлений от действительности, контакт с ирреальным миром? Четкого и ясного ответа на эти вопросы у меня нет. Мне кажется, что сновидение — это нечто вроде художественного произведения, создаваемого подсознанием. Иногда мне думается, что и прекрасное творение в искусстве, литературе — своего рода сновидение. Великий художник создает упоительные для всех сновидения.

* * *

Может быть, и Истина — это прекрасное сновидение, которое мы не можем охватить обычным разумом. В повседневности мы всегда далеки от Истины, и только во сне чувствуем какую-то вечную Правду.

* * *

Но человек не может постоянно погружаться в сон. Как же понять Истину?! Если в подсознании хранится память об Истине, то как открыть все закрома этого хранилища?

* * *

Сны видятся мне беспредельно разные. Чаще всего они понятны, когда спишь, но когда их вспоминаешь, они кажутся обрывочными и непоследовательными. Об этом говорит наука, и я тоже подозреваю, что в снах есть система художественных образов. Самое жуткое в снах для материалиста это то, что они иногда предсказывают будущий день, вообще будущее. Очень часто я вижу во сне человека, с которым давно не общался, после сна, буквально на следующий день, мне встречается этот человек.

* * *

Еще раз о сновидениях... Да, они бывают самые разные. Одни оставляют после себя глубокое впечатление покоя, умиротворенности, другие — тревоги, страха, ужаса, третьи — брезгливости.

Мне почему-то чаще снятся беспокойные, они даже наводят страх. В последнее время у меня сны сливаются с видениями. Иногда я могу с закрытыми глазами посмотреть видение, которое во всех своих деталях ничем не отличается от сновидения.

Поэтому я все больше прихожу к мысли, что сон — это особая реальность, и я думаю, что во сне человек ближе всего соприкасается с миром, во сне происходят кардинальные изменения в его жизни. Хотел записывать все свои сны, но оказалось, это очень трудно, практически невозможно.

* * *

В восточной литературе говорится о том, что «Грядущий Будда» (Мироку — санскр. Майтрея) явится в мир спасти все живое через многие-многие миллионы лет. «Существование людей до этого срока — сон межвременья». В этих определениях, кажется, есть такие откровения, о которых просвещенная Европа и не догадывается сейчас.

Мираж

1.

Солнце еще меркнет перед нею.
Ее пошло любить, но я люблю.
Я боюсь, что об этом станет известно.
Ее стыдно любить потому,
что она затасканная.
Она даже не потаскуха.
Она бомж. Днем на панели.
Ночью спит в мировой канализации.
Бросающаяся в глаза ее вульгарность
Затмевает вокруг все пристойное.
Да, солнце меркнет перед нею.

2.

Так устроен миропорядок,
Но я по-прежнему тянусь к ней.
Она ослепила меня и я не вижу
в ней падшей женщины.
Она для меня первозданна,
я дорожу своим чувством.
Я даже ревную ее,
но боюсь огласки своей любви.
Я чрезмерно горд тем,
что у нас есть любовная связь.
Я с нею связан вечностью и знаю,
что лечу в пропасть.
В полете захватывает мой дух,
Я кричу чьи-то слова:
«Остановись, мгновенье»!

3.

О, Великая, Вечная Женщина!
Как долго я искал тебя,
Как труден был мой путь!

Ты была везде и нигде,
Потому, что ты без определенного
места жительства
Как и подобает образу твоей жизни:
ты не ведала обо мне.
О моей любви и подавно.
О, если б могла ты знать обо мне,
Знать, как будешь мной любима!!!
Ты искала бы меня и нашла.

4.

При одной мысли о тебе
Все бренное исчезает, сгорает дотла.
Богатство, слава, комфорт —
Сиюминутность. Ничто перед тобой.
Есть ты — Великая, Вечная!
А ныне падшая — бомж...
Я разглажу твои морщины,
Я помою тебя, одену тебя в шелка.
Будешь как цветущая вишня.
Буду лицезреть, восхищаться,
Буду беречь тебя от злых взоров.

5.

Я знаю: тебя домогались многие,
Ты сильно истрепана
из-за своей доступности.
О, если б могла ты знать:
какой огонь горит в моей душе!
Этим огнем я хочу очистить
тебя и воспламенить.
Воспламенить своим чувством.
В тебе возгорится мой огонь,
Моя любовь.
Ты сможешь полюбить.
В тебе проснется чувство.
Ты сможешь полюбить,
пусть даже не меня, другого.

6.

Я хочу, чтобы мое
 чувство было вечным,
 Чтобы все знали:
 оно не вымысел и не причуда.
 Я готов отречься от себя,
 Если не умрет моя любовь.
 И, если она загорится
 огнем моего чувства,
 То, как и я, отречется от себя.
 Превратится в прах и
 снова возродится,
 Как птица Феникс, оживет.
 Моя любовь огнем живым
 взвоется в высь
 И озарит весь мир.

7.

О, Великая женщина —
 Вечный мираж!
 Рожденная страстью,
 Погибающая в ней
 и возрождающая ее.
 Любя до изнеможения,
 Ты стала мисс-бомж вселенная.
 Я вглядываюсь в твой
 истасканный лик
 И вижу былые признаки
 величия и красоты.
 Ты сегодня мираж,
 Незабвенный мираж.
 Мираж, ведущий нас в бездну.

(Комментарий издадала. Я не знаю: как охарактеризовать предыдущие строки. Возможно, что это стихи (хотя это очень громко сказано) в прозе. В них я хотел выразить свое отношение к искусству. Да, оно (у меня Она) в нашу бытность предстало в образе бомжа. Искусство все, кому не лень, пинают, о нем злословят, но каждый проявляет заинтересованность в нем. У нас в стране каждый, кто стремится к самоутверждению, пытается стать писателем, художником, композитором или актером. Стихотворение печатается в подстрочном переводе.)

Из дневников разных лет

* * *

В большинстве людей сидит зерно небывалого эгоизма и тщеславия, а в творцах особенно. Без этого эгоцентризма их произведения были бы мало интересны людям. Читатель зачастую в произведениях ищет эти струнки души.

* * *

Действительно, если не любить себя — как можно полюбить другого. Любовь к другому человеку прежде всего любовь к самому себе. В конце концов, его любовь нужна ему самому. Даже самая самоотверженная.

* * *

В советской литературе все больше и больше обращаются к проблемам нравственности. Видимо, общество переживает нравственный кризис. Всем надоела двойственность нашего существования. Страна живет общими интересами, личность чувствует себя ничтожеством. Идеологи не поймут одного: не бывает могущественного государства без личностей. Ничтожные люди никогда не создадут здоровое государство.

Необходимо уважать себя. Уважающий себя уважает народ и страну.

* * *

Я нахожусь в командировке в Дагестане. Живу в гостинице «Каспий». Мои окна смотрят на море, на котором поднялся шторм. Холодный ветер рывками бьет в стекла моего номера.

Я то и дело встаю с кровати и подхожу к окну. В темном море происходят тревожные события. Моя душа похожа на мечущийся всюду ветер. Душа мечется. Она разобщена и находится во власти каких-то мелких страстей. В жизни все плохо устроено: постоянная нехватка денег, дразги с родителями, неискренность приятелей, неуверенность в завтрашнем дне. Все навалилось разом и раздирает душу на мелкие кусочки.

Я поступил в аспирантуру, хочу написать кандидатскую диссертацию о литературе. Меня тянет писать о дореволюционной ногайской поэзии, но надо — о современной. Писать надо по шаблону, а это очень трудно. Я не хочу этого делать. Жалею: зачем взялся за то, чего не хочу делать. Однако денно и нощно думаю о литературе...

Ветер разносит мои мысли. Прихожу к очень важному выводу для себя. Сила литературного произведения зависит от того, как много в нем объединяющих факторов. Слова, детали, образы обретают настоящую, полнокровную жизнь, если в них есть большая энергия, стремление к цельности, единству. Сами по себе слова, детали, образы мало впечатляют, их же органичная устремленность к единству восхищает.

Собрать свою душу в художественном произведении — это одна из основных задач художника.

* * *

Наша Земля блуждает во мраке. Одиночество мыслящего человека сродни одиночеству планеты. Мы одни в ночном Космосе. Земля наша — экспресс, несущийся в неведомую даль.

* * *

Мы непосредственно связаны с Космосом. Об этом говорит и воздействие магнитных, т.е. космических бурь. Люди своего рода космические антенны... Не все понятно с возникновением жизни на земле. Я в принципе согласен с тем, что произошел космический взрыв и что солнечная энергия дала жизнь. Согласен с теорией возникновения низших существ, теорией инстинкта, с теорией преобразования низких существ в высшие... Но откуда у нас мозг? Никак не могу согласиться с тем, что он мог возникнуть в процессе эволюции инстинктов...

Нет! Все больше склоняюсь к мысли: кто-то заложил нам этот компьютер в голову.

* * *

Сны не дают покоя. Несколько раз снилась большая оранжевая с белыми пятнами змея. Никогда ни в жизни, ни в кино, ни в книгах не видел я такую змею. Неужели у страха так велики глаза и до такой степени разыгрывается моя фантазия? Я в ужасе просыпаюсь от этого видения. Жена говорит, что я по ночам издаю стон... но я ничем не болен.

* * *

Вчера я опять проснулся обуянный страхом. Во сне мне под живот прыгнул какой-то живой белый комок. Что это?! Как говорят: «Астопиралла!»

* * *

Сегодня шел и не обратил внимания на цветение единственного во дворе абрикосового дерева. А ведь его цветением я всегда любовался. Откуда такое равнодушие?

5 апреля 1978 г.

* * *

Видимо, я что-то предчувствовал или дерево передало мне свои предчувствия. Вчера была метель со снегом. В одно мгновение вся зеленая травка обожглась и накрылась белой крупой. Белый снег огромным роем кружился вокруг абрикоса. Белое цветение слилось воедино с круговертью снежной пыли. Сквозь пелену метели дерево казалось фарфоровым бокалом. Я наблюдал за разгулом стихии из окна своей квартиры на седьмом этаже. Одинокое дерево отчаянно билось за свою жизнь. Я переживал вместе с деревом... А сегодня снег растаял, на улице царит только сожаление о происшедшем... На дереве измятые, обожженные снегом цветочки. Само оно по-

нурое, скорбящее. И так тяжела жизнь на асфальте... А тут на тебе!.. Но жизнь продолжается.

7 апреля 1978 г.

* * *

Во сне видел магазин в потемках. До моего появления в помещение ворвались люди. Они разбирали товары и быстро выбегали. Я тоже пытался чем-либо поживиться. Суется, метался по магазину, но ничего толкового не мог выбрать. Все мало-мальски пригодное разобрали другие. Меня разбирает досада. С чувством обиды просыпаюсь, обнаружив, что все произошло во сне, радуюсь.

* * *

Учась в школе, в строительном институте в Ростове-на-Дону, я был космополитом до мозга костей. В Литературном институте им. Горького я встретился совершенно с другой публикой. Здесь многие представляли целые народы Советского Союза — и все это подчеркивали. Как говорится, каждый кулик хвалил свое болото. Их взгляды меня увлекли, и я решил не отставать от них. Глядя на сокурсников, я стал жадно изучать грамматику и орфографию родного языка, ведь в школе я не изучал ее. Историей своего народа я интересовался давно. В ней меня всегда волновало героическое прошлое. Теперь я более последовательно и разносторонне принялся за изучение своих корней. Проблемы дагестанцев, узбеков, татар, казахов были одинаковыми для всех нас и потому как бы автоматически увлекали меня, и я без особого труда переносил их на свой народ.

Вернувшись домой, в Карачаево-Черкесию, я остро ощутил дискриминацию ногайцев, обнаружил огромную несправедливость, исходящую от властей. Титульными национальностями считались карачаевцы, черкесы и, естественно, русские — все посты делились между ними, и между ними существовала борьба. Мы, ногайцы, как абазины, греки, осетины и другие национальности, пользовались тем, что оставалось после раздела между «титулованными». Если бы я даже не подчеркивал, кто я, то мне в родной отчизне постоянно напоминали о моем происхождении. В то время редко кто из пи-

сателей печатался за пределами Карачаево-Черкесии, а я не только печатался в толстых журналах, но уже был лауреатом кое-каких литературных премий, меня приглашали на форумы писателей. Это у многих вызывало раздражение. Я долгое время не мог нормально устроиться на работу. Еле добился, чтобы меня приняли простым сотрудником в Дом народного творчества. А руководил этим заведением мой одноклассник, не имевший даже высшего образования...

Несмотря на эту вопиющую несправедливость, я не соглашаюсь со своей участью. Я пишу и публикуюсь. Для того, чтобы со мной считались, мне, как никому другому, надо публиковаться в Москве... Поэтому все мои произведения сначала выходят на русском языке, иначе я не смог бы печататься в местной печати. Среди соплеменников ногайцев тоже хватает недругов, но, благодаря поддержке отца и супруги, в какой-то мере я избавлен от борьбы с ними. Отец и супруга сами выживают в этой сволочной атмосфере...

* * *

Конечно, в этой обстановке надо выживать. Я пишу много статей в угоду сегодняшней идеологии. Жалко потраченного времени, но это необходимо ради будущего: ради детей, ради написания и публикации сокровенной вещи...

Не скажу, как это было,
Наяву или во сне...
Только тень моя решила
Задавать вопросы мне.

Все слова не вспомнить сразу...
Помню, душу обожгла
Полная злорадства фраза:
«Сторона твоя мала...»

Звездочка на небосклоне —
Твой народ среди всех племен.
Без труда на стадионе
Разместиться может он.

И стихи твои читает
Только улица одна...»
На глаза мне наплывает
Сразу гнева пелена.

Но минует непогода,
И ответ приходит вдруг:
«В круг великого народа
Заключен наш малый круг.

Мы в могучую державу
Прочно спаяны навек,
И величие по праву
Делит каждый человек!

Горевать нам не пристало,
Если есть друзья вокруг.
Знаем мы, что круг наш малый
Заклучен в великий круг!»

(Комментарий издалека. Я воистину гордился этим стихотворением и часто читал на встречах с читателями.)

ВЫДЕРЖКА

Все во мне напряжено до предела, и вдобавок я зол. Голова раскалывается, тело ноет. Я разгорячен работой, а еще и солнце обжигает, словно задалось целью и вовсе спалить. Кожа стала липкой от пота. Я знаю, что к ночи она покроется волдырями и несколько дней будет чесаться и облезать. Да и сейчас, когда древесная пыль слетает с досок на потное тело, кожа зудит так, что невтерпеж. Но останавливать работу нельзя.

Раздражает невозмутимость моего напарника Толи Конашвили. Коко — так прозвали мы его. И даже не столько невозмутимость, сколько выносливость, он крепче меня. Толя все время вкалывает и молчит, и я тоже подлаживаюсь к нему, помалкиваю. Даже о том, что содрал кожу на большом пальце, — ни звука, обнаруживать свою слабость считаю унижительным. Сам виноват: куда-то задевал рукавицы, теперь не найти. Такой уж я нескладный, что-нибудь да стрясется со мной обязательно. Это, конечно, ерунда — палец, случается и похлестче.

...Привезли долгожданный лес для нашей бригады. Спозаранку подняли всех. Было еще темновато. Холод и необычная тишина. Бригадир привел нас с Толей в столовую, где повара только еще расквашивались. Дали нам простокваши и отправили сюда, на лесосклад. К вечеру, до прихода смены, лес должен быть доставлен к пилораме.

Адская работа. На двоих — вагон бестолково сваленного леса. И какого!.. Сороковка, пятидесятка, шестидесятка и даже семидесятка. Лес свален вдоль насыпи, да в таком беспорядке, что иные доски концами вонзились в грязь, а другие закинуты высоко, чуть ли не к самым рельсам. Мы примериваемся, бродим вокруг груды досок, с трудом вытаскиваем оттуда по одной.

Лениво слоняющиеся вокруг складские рабочие подходят к нам.

— Чего из кожи лезете? — кричит кто-то из них.

Мы с Толей молчим. Будь они в нашей бригаде, поговорили бы тогда по душам, думаю про себя. Видя, что мы на них ноль внимания, они усмеваются и уходят.

Почти неделю простояла наша бригада в ожидании леса. Я сам никудышный «работяга» — и то скучал, когда нас, чтоб не разболтались, посылали на всякие подсобные работы. Хотелось поскорее увидеть результат своего труда — зернохранилище. Я и сейчас уже горд тем, что вложил в эту громадину свою долю. Скорей бы сдать «Под ключ»! Но лес, которого мы так ждали, не поступал.

И вот наконец! Нас двое — а леса гора. Отступать поздно. Во что бы то ни стало надо справиться с этой горой.

Солнце высоко, раскалено добела. Смотришь — и воздух словно бы дрожит, дышать тяжело. Скоро обед. В пояснице боль, которая если нагнешься, разливается по всей спине.

Наступает момент, когда мне наплевать на все, хочется лечь прямо на горячую серую землю и не думать ни о чем.

С Толиком мы разговариваем мало. Он большей частью молчит, только сопит и выкатывает глаза от натуги.

— Ох, эта дьявольская лиственница, пропади она пропадом, живот надорвешь, — вырывается у меня, когда я снова берусь за сырую порыжевшую доску.

Толик молчит, будто не слышит.

Ладони мои покраснели, загрубели. Вот уже скоро год, как я здесь, а руки никак не привыкнут. Опять натер мозоли, появились ссадины. Мозоли еще полбеды, а вот занозы ... Вытаскивать их нет времени, стараюсь не думать об этом.

В семь-восемь слоев нужно уложить доски в кузов «ЗИЛа», перевезти к лесопилке и сбросить у входа. Вагон леса — это шестьдесят кубометров.

А Толик все молчит. Это меня начинает бесить, но что я могу поделывать — молчун он, и все.

— Коко, ребята сейчас на обед подались, а у нас еще вон сколько. Не закончим, — еле переводя дух, нарушаю я тягостную тишину.

Он не отвечает, а ловко выволакивает доску под грохот других, скатывающихся вслед за ней. Я хватаю другой конец доски и поудобнее прижимаю к животу. И лишь когда доска в кузове, Толик переводит дух, улыбается. Понимает, что я изнемог.

— Скоро и мы пойдем. Пока солдаты здесь, надо закончить, — говорит он на ходу.

Его лоснящаяся спина вновь сгибается, и он выбирает доску, вытаскивает, разворотив остальные, и стряхивает с

нее древесную пыль. И опять я берусь за другой конец. Сырая лиственница! Покачиваясь от тяжести, тащим доску к машине. Толик напрягается, буграми проступают твердые мускулы.

Наконец-то доски — семь слоев — в машине. Я облегченно вздыхаю и забираюсь в кузов. На лице Толи ничего не прочтешь. Оно почти никогда не меняется: серые круглые глаза, тонкие, рыжие брови, сведенные острым углом к переносице. Рассмешить его трудно, да и смеется он чудно: кивая головой и стиснув зубы, — не смех, а оскал какой-то.

Хорошо, что рядом солдаты, они тоже работают на складе, как и мы, заготавливают лес для своего объекта. Но их много, человек двадцать, им весело.

Машина останавливается недалеко от входа в лесопилку.
— Эй, служивые! — кричу я. — Наваливайся!

Мы с Толей придумали свой способ разгрузки. Осуществить его нам помогают солдаты. На свисающие с кузова концы шестиметровых досок кладем одну самую широкую и, плотно прижавшись друг к другу человек десять, — становимся на нее. Та часть досок, на которой мы стоим, опускается вниз, а передняя вздымается кверху. Машина подается вперед, доски грохаются на землю, и кузов сразу пустеет. Доски же лежат ровно, штабелем.

— Ура! — дружно орем мы.

И снова едем к железной дороге.

И опять все повторяется.

Обедаем всухомятку: кефир, колбаса, хлеб. Зато необыкновенно вкусно. Съедаем все до последней крошки, запиваем колодезной, ледяной водой. В здешних местах рек нет. С тоской вспоминаю свои родные горы, свой маленький зеленый городок на берегу быстрой Кубани. Вспоминаю родителей, свою школьную парту, любимые книги, вспоминаю друзей. Жалею о том, что осталось там, за несколько сот километров. Жалею, что романтика завлекла сюда, в эту желтую полустепь.

Толик хлопает меня по животу, когда я опустошаю одну за другой три кружки воды.

— Заметь, камарад, чем больше пьешь, тем сильнее хочется пить, — говорит он.

Со школьной скамьи Толик запомнил несколько французских словечек и не пропускает случая словно бы ненароком козырнуть ими.

Выйдя из бытовки, я пытаюсь улизнуть. Укладываюсь за бревнами в тени, подстелив спецовку. Но не ложится, кожа зудит. Сажусь, и тут подходит ко мне Толя. Нашел все-таки. Молчит, не догадывается, что я так хотел хоть ненадолго оторваться от него. Садится рядом, опирается спиной о бревно. Бревна заслоняют от солнца. Безветренно и прохладно.

— Лучше бы копал я сейчас фундамент со своей бригадой, — рассуждаю вслух. — Думал, может, тут полегче и, главное, интереснее! Люблю я дорогу, особенно стоять в кузове, подставляя лицо ветру, и смотреть, смотреть безотрывно на древнюю нашу ногайскую степь. Собственно говоря, эта степь и приманила меня сюда тем, что древняя. Когда ехал, мечтал: поскачу по степи на лошади, табунов небось там не счесть. А лошадей тоже не оказалось. Единственный транспорт — грузовик... Вот сейчас мечтаю о лошадях, а были бы, — наверно, быстро надоели... Тянуло в степь — ну вот и люблю-ся теперь этой степью! Много в ней, конечно, хорошего, но приелось уже.

— Работа — она везде работа, — закуривая, бормочет Толя в ответ на мою реплику. — Ты ведь не отдыхать сюда приехал?

— Понимаешь, не знаю, как сказать. Мне нужны два года практики, чтобы в институт податься. Хочу на факультет журналистики. Только прежде надо самому понять, на что я го-жусь, чего стою. Теперь все, привет! Узнал, почему пуд соли!

— Не узнал! — угрюмо бросает Толя.

— Ну, а ты зачем здесь?

— Тебе это не понять!

Не понимаю, что могло его привлечь в таких неуютных местах. Неужели крановщица его здесь держит?

— Работа тебе нравится? — продолжаю я допытываться.

— А что, неплохая. — Толя глубоко затягивается. Пожи-маю плечами:

— Сидел бы в своем Батуми и торговал мандаринами!

— Молчи, пистолет. Яйцо курицу не учит, — резко обры-вает он. Пыхтит, видно, что сердится.

После некоторого раздумья прихожу к тому же: Найме, крановщица, ему нравится, мужа из-за него бросила.

Никто не знает, что за человек Коко, да и я не разберусь в нем. Вот уже второй месяц работаем вместе, второй месяц живем в одной комнате, в общежитии. Дома он почти не но-чует. У Найме пропадает. Говорят про него — злой, нелюди-мый. И впрямь с налета не разберешь, что там за этой его

сухостью, молчаливостью. Мне он сделал много хорошего. И все бескорыстно. А почему делал это, не знаю, не понимаю. Я таких людей встречал редко.

— Устал? — наконец спрашивает он, натягивая свою кепку на брови.

— Еще бы!

Снова молчит. Я чувствую, перекур наш кончается. Что-бы продлить его, пытаюсь отвлечь Толю разговором.

— Ну, чем тебе эта волынка нравится? Пашешь, как вол. Лучше бы стучал на своем барабане где-нибудь в ансамбле, — опять завожу я свое.

У Толи действительно есть барабан (в армии он играл в ансамбле), и сейчас придет с работы, умоется и сразу садится, «стучит». Не зря говорят, что грузины — народ музыкальный. Я иногда даже пляшу под барабан, это ему нравится, и он входит в раж, наддаёт до тех пор, пока не валюсь с ног.

— Ансамбль — это отдых... А без работы нельзя. Погибнешь без работы настоящей! Запомни, пистолет!

— Да брось чепуху городить! Если б не Найме, ты давно сбежал бы отсюда! — Пытаясь как-то смягчить свои слова, я улыбаюсь.

Он сдвигает брови.

— Про Найме и пикнуть не смей! Сам разберусь... Сам. Ясно тебе?

Да, Найме трогать нельзя. Помню, гроза здешних мест Тагир, с шеей как у буйвола, со смуглым, лоснящимся от пота лицом, громко произнес на весь клуб, нагло уставясь на Толю, который стоял рядом с Найме: «Потаскух развелось в поселке! Не стыдятся на люди показываться. Тьфу!»

Толя рванулся к нему, схватил за горло. Тагир повалился на пол, а Толины руки, как клещи, все сжимали и сжимали обидчика, пока тот не прохрипел: «Прости, Толя, я это так, к слову»...

— Вставай! — говорит мне Толя. — Пора!

После перекура еще трудней. Нас двое, а досок по-прежнему тьма. К пяти часам нужно кончить. Так решил Толя. В такие минуты я жалею, что он напарником у меня. С другим можно было бы сачковать, а с ним нет, не получится.

Я даже забываю, что он единственный, кто согласился взять меня в пару. Другие вечно корили за неловкость, за неумение. А он только спокойно укажет, где что не так: вобью ли гвоздь мимо — подойдет, вытащит и сам забьет; заклин-

нит пилу — глазами поведет: гляди, мол, учись. А другой обматерил бы, прогнал. Крою я его, конечно, про себя, не по душе мне его старательность, хотя я и сам утром был настроен вкалывать в полную мощь.

Руки еле удерживают доску. Пальцы разжимаются.

...Солнце свернуло на запад. Досок осталось совсем немного, на одну машину. Солдаты тоже кончили работу. Вижу, как они отряхивают пыль, моются по очереди у бака с водой. Смотрю на воду, пить хочется, во рту пересохло.

Только сейчас я разглядел шофера грузовика. Стоит в стороне, прижавшись спиной к бревнам, курит. Все-таки не совсем бессовестный — стыдится, ведь мог же хоть немного помочь.

Солнце уже на западе, но все так же высоко.

Осталось несколько досок, но их надо вытаскивать из-под гнилых и ломаных, негодных для распилки.

— А вдруг эти тоже гнилые? — умоляюще смотрю я на Толю: может, не стоит возиться?

Толик, не отвечая, ворошит гнилые доски. Ну, зачем они ему нужны, ну пусть останутся тут вместе с браком. Вечно из кожи лезет!

Наконец-то все! Я плюхаюсь в кузов, прямо на доски, не ощущая уже ни боли, ни усталости. Приятное тепло разливается по телу. Толик садится рядом со мною, закуривает. Я, закрыв глаза, слышу его глубокое, ровное дыхание, живо представляю выражение его лица; серые круглые глаза запали, ушли глубоко в глазницы, рыжие брови нахмурены, сошлись вместе, из-под козырька кепки стекает крупными каплями пот.

— Вот это показали мы класс! — изрекает вдруг Толя.

Я, приоткрыв один глаз, взглянул на него. Улыбка не улыбка. Губы плотно сжаты.

— Так можно и в могилу лечь, — устало говорю я.

— Ничего, крепись, Иса! Как это у русских: держись, казак, атаманом будешь!

— У нас тоже так.

— Когда я служил на Севере, — продолжает Толя, — и не такое бывало. Долбим землю, а она вся — лед. Пальцы обмораживали, но работали. Стоять будешь — вовсе примерзнешь... — Он достал сигарету, затянулся. — Я тогда был такой, как ты. Ленивый был, неумеха. Не знал и знать не хотел, что человек — сам хозяин своих желаний. Жизнь, брат, учит.

Жизнь — это не папина хата и не мамин дом. Ясно тебе, пистолет?

Меня занимало совсем другое, но разговора о том; что всерьез волновало, не получалось.

— Кока, ты Найме любишь?.. — вполголоса спросил я и, не дождавшись ответа, так же тихонько продолжал: — Да, она красивая. Таких в поселке, пожалуй, и нет.

И сразу перед глазами возникла молодая полноватая женщина со смуглой гладкой кожей, с черными, как сливы, глазами, с озорным взглядом.

Помню, до Толика многие на нее поглядывали, да и сама она давала тому повод своими шутками. Ну, а как сблизилась с Толей, тихой стала, озабоченной.

— Мужа ее видел, — продолжал я, — неплохой человек, только зря на ней женился. Хлюпик и к тому же гордец. Не по зубам ему она.

Я замолк. Лежал не шевелясь, только приподнял голову, чтобы услышать ответ Толи. Он, задумавшись, смотрел вдаль.

Солнце снижалось на западе, тучные белые облака желтели.

— Любишь — не любишь... — как-то неопределенно промолвил Толик. — Красивая-то она, конечно, красивая... Своевольная. Мужа ее жалею. А она нет. Я люблю ее, и она меня. И муж тоже ее любит, только слабак он. Унижается перед ней, перед нами. Не мужчина. Такие сцены закатывает! Умоляет меня уехать. А мне здесь все по душе. И степь, и поселок, и люди хорошие. И Найме — лучше всех! И работа отличная, хотя и трудная. Да ведь и жизнь нелегкая. Наверно, потому и хороша, что нелегкая!

Я с удивлением смотрел на него.

— Чем же тебе степь так понравилась?

Впрочем, зачем об этом спрашивать? Вечерами я и сам не могу усидеть дома, выхожу и бреду куда-нибудь по поселку, что ведет в соседний аул. Брожу, пока не стемнеет, и только ночью возвращаюсь на попутной или на арбе с каким-нибудь стариком. Наверно, и мне нравится степь, ее бесконечный простор, ее древние курганы, покой и тишина, ни на что не похожий запах — запах тысячи трав... А может, просто хочется побродить одному... Подумать о себе, о тех, кого встретил здесь, о том, как рассказать о них людям.

— Степь, она и есть степь, — поразмыслив, сказал Толя.

— Так легко на вопросы отвечать! — разозлился я. — Ты степь-то хоть видел?

— Видел, да! — И лицо его сразу меняется. — Сайгака видел, волка! Во время бурана в степи с Найме были, все видели! — Выпученные серые глаза наливаются кровью, сверлят меня, рыжие брови взлетают к вискам. Он говорит громко и усаживается поудобнее на скрещенных ногах, точь-в-точь ногайский старик на тахтамате¹.

— Ну ладно, ладно... — успокаиваю его я.

— Ладно?! — возмущается Коко. — Пистолет!

Пистолет — так окрестил он меня. Я тоже находил ему прозвища, но ни одно не прилипло к нему. А ко мне в бригаде иначе и не обращались, может, потому, что моложе всех. А его никто ни «Коко», ни «кацо», а все Толей.

Толику тридцать лет, мне восемнадцать. Возможно, я еще не простился с детством. Помню, недавно устал — подавал воду на бетономешалку, — пошел курить за цементный сарай, сел на траву и заснул. Искали добрых четыре часа, потом нашли спящего, дали нагоняй. Вот после этого Толик и забрал меня к себе в плотники. И сразу жизнь изменилась.

Почему меня именно взял, не пойму. Наверно, жалеет. А я у него многому научился. Хотя бы самым простым вещам — держать топор в руках, ножовку. А кроме того, я теперь верхолаз, приходится работать и на самой верхотуре. И все-таки лишь один Толик доволен мною, а остальные — я это вижу и чувствую гадают: с чего, мол, этот «сачок» прибился к нам?.. Бригада вроде один механизм, а я как расслабленная гайка в том механизме. Сказать мне это не скажут, потому что знают: если заденут — полезу драться. На днях мы приладили деревянную балку над центральными воротами зернохранилища. Я стал балансировать на ней, выделять всевозможные трюки. А высота приличная, четыре метра. Делаю ласточку и вдруг слышу:

— Все вкалывают, а он цирк открыл. Толя, хоть бы ты стукнул его.

Радость моя испарилась мгновенно. Спрыгнул на землю, не знаю, откуда у меня только смелость взялась — высота-то какая, — подскочил к парню и схватил его за шкирку.

¹ Т а х т а м е т - лежанка из досок наподобие топчана.

— Может, ты стукнешь? — И, сделав подсечку, повалил его на землю, стал трясти.

Он был старше года на три-четыре. И смотрел на меня всегда с противной ухмылочкой. Я тряс его изо всей силы, а он даже не сопротивлялся. Сам не понимаю, откуда взялось у меня столько злости. Заело, видно! Хорошо, что Толик растащил нас, — иначе не знаю, чем бы кончилось.

— Бешеный! — прошипел, уходя, парень.

Толик вступился за меня, когда дело дошло до бригадира. А то, может, и не было бы уже меня здесь...

...Я задремал и не слышал, как машина подъехала к лесопилке.

— Вставай! Бригадир! — тормошит меня Толик. Вылезает из кузова и видим, как из крытого брезентом газика выскочил наш вездесущий бригадир Виктор Иванов.

— Ну, как, Толя, перетащили? — крикнул он еще издали.

— Перетащили.

Бригадир заглянул под навес, затем побежал к железной дороге — все своими глазами увидеть надо!

Виктор удивляет своей энергией. Он и мастер, и начальник снабжения, и начальник участка — все в руках у него, за всем успевает проследить и даже в свободные минуты с мастерком в руке на кладке стоит. В бригаде у нас сухой закон. Сорок человек — и ни одного не встретишь нетрезвым. Даже в воскресенье. Простоев в бригаде почти нет, снабжение отличное, и заработок — самый высокий в районе. Вот все к нам и тянутся.

Летом у нас «жаркий» сезон. Зимой же из-за погоды не много сделаешь. Вот тут-то и надумали мы работать по воскресеньям. Зато отпуск два месяца.

Старики в поселке нашего бригадира нахваливают: один за троих работает, и рабочие у него такие же.

А вот Булатов второй год Дом культуры строит. И мастер есть у него, и сам прораб, и начальство районное с утра до вечера околачивается, а толку что? Не зря говорят ногайцы: когда пастухов много, овец недосчитаешься...

Булатова и я знаю. Набрал в бригаду своих родственников. Это у нас практикуется: родовой закон еще в силе. Про это старики молчок... По их мнению, как раз хорошо. А что хорошего, если у Булатова подчиненные — почти все родственники и руководят им свои же, родственники? С него ничего не спросят, и он с них тоже. Так-то вот!

— Сколько гнилья подбросили! — подбегает к нам Иванов. — Я им покажу, гадам! — кроет он поставщиков леса.

— Заморились?

Молчим. Я совсем и забыл про усталость.

— Смена не приехала... У нас там работа кипит, фундамент под общежитие заливают. Я комнату вам в гостинице снял. Завтра как следует отдохнете...

— Что? — вскинулся я. — Значит, оставаться здесь на ночь?

— Ну, ребята... — Виктор запнулся и просительно посмотрел на нас. — Нужно...

— Продолжай, Витя, — твердо сказал Толик, укоризненно взглянув на меня.

— Толя и ты, Иса, большая просьба к вам... Оттуда я не мог снять людей. Сегодня они закончат заливку, завтра сразу за цоколь, пора уже там всюю начинать стройку. А я сейчас договорюсь на раме, и вчетвером не спеша распилите. Вывезем лес, и все — зерносклад под ключ. Курить будете?

Мы взяли по сигарете, закурили, и все трое сели на доски.

— Ну, как «пистолет» работает?

— В порядке! — Толя подмигнул бригадиру.

— Насчет учебы не передумал? — спросил он меня.

— Нет.

— Правильно. Журналистом будешь? Теперь уже точно!

Я удивился, откуда он знает. Об этом я рассказывал одному Толику. Наверно, обсуждали меня, и Толя защищал. Я и сам не верю, что решусь пойти в журналисты. Это просто мечта. А Толя верит, что она сбудется. Иначе бы не сказал Иванову. Мне стало неловко.

— Учиться — это здорово! — продолжал бригадир, как бы не замечая моего смущения. — Я свои студенческие годы лучшими в жизни считаю... — Он окончил строительный техникум. — Ну, мне пора! Вот деньги на еду, Толя. Идите ужинайте — и за работу .

...Пилорама жалобно воеет, и пилит, и пилит. Под навесом роем кружатся опилки. Пот медленно стекает по лбу. Прохладно, а тело горит. Я в спецовке, чтоб опилки не попадали на обгоревшую кожу. Но и сама спецовка колкая, и за ворот попадают опилки, липнут к телу. Усталости не ощущаю, только боюсь передышки — сразу же немеют пальцы. Как угорелые таскаем доски со двора под навес. Рабочие уже дважды пыта-

лись выключить пилораму и уговорить нас отдохнуть, но мы упростили их не делать этого. Трудно потом набрать темп.

Чувствую, как вздулись у меня на висках вены. Удивляюсь самому себе: откуда только силы берутся? Переносим все те доски, которые днем с таким трудом загружали в машину.

Небольшой пучок света, проникающий из-под навеса, еле освещает доски. Рабочие требуют, чтобы мы давали по сортам: сначала шестидесятку, затем пятидесятку, сороковку и т. д. Это осложняет работу. Под навесом складываем несколько штабелей. Толя не сопит, как обычно. Его круглые глаза еще глубже ушли в глазницы. Зубы, как и у меня, стиснуты.

Выбегая из-под навеса, стараюсь посылнее вдохнуть воздух и на миг успеваю заметить звездное небо и луну с поллепешки. В сознании мелькает, что эта половина лепешки не дожарилась и поэтому такая бледно-желтая.

Впереди идущий Толик поскользнулся и упал, не выпуская доски.

— Что с тобой? — кричу я испуганно.

Он тяжело дышит:

— Поскользнулся! — и, выругавшись по-грузински, вскакивает на ноги.

Пилорама воет бесперебойно. Мы носимся туда и обратно. Нос заложило пылью, и дышать трудно.

Перед глазами мелькают красные круги... Припоминаю, когда болел, про себя играл в шахматы... И сейчас перед глазами шахматная доска. Напряженно, сам с собою играю. Хожу за себя и обдумываю ход противника, хожу за него и обдумываю свой ход. Так без конца.

Хочется домой. Хочется прилечь на диван и взять в руки книгу. Ну, хоть учебник ботаники, по которой вечно получал двойки. Хочу протирать листья на фикусе, чего не любил никогда, хотя отец заставлял заниматься этим. Хочу взглянуть в добрые глаза матери. Хочу, чтобы она погладила меня по щеке и сказала: «Эх ты, бестолковый». Зачем мне нужна была эта романтика?.. Однажды в кино на экране я видел, как плакал какой-то бородач, и мне стало противно. Нет, я выдержу до конца. Сейчас или никогда! Или никогда у меня не будет получаться, или выдержу! Разве не нашел я себя? Нельзя же оставаться вечно лапшой. Нельзя жить по закону: «Я так хочу!» Если не выдержу сейчас, значит, и потом не выдержу. У Толика совесть и душа чисты, потому что он трудится. В марте брал отпуск, но не смог и неделю усидеть дома, снова попросился в бригаду. Чтобы

мне стать таким, надо сломать в себе многое. Надо выдержать! Я выдержу! Я докажу и себе, и Толе!..

Ноги уже сами несут туда и обратно. Мы как заводные, не обращаем внимания на то, что рабочие выключили раму и сидят закусывают. Зовут нас. На ходу отвечаем: «Некогда». Они смеются. Мы тоже пытаемся смеяться. Но на смех сил не хватает.

Опилки роем кружатся на свету. Наконец-то уже некуда складывать доски.

Рабочие включают вторую электропилу. Вой усиливается. Теперь мы с Толей у электропил, оттаскиваем готовые бруски и рейки за навес.

Круги вновь возникают перед глазами. Опять шахматная игра. Замечаю, что и у меня и у противника фигуры одного цвета — белые. Почему?..

Рейка выползает из-под пилы. Беру ее и чувствую, что рейка тяжелая. Наверно, та самая сырая лиственница. Возвращаюсь к раме. Двигаясь, ползет по станку новая рейка, и вновь шахматная игра. Почему фигуры одного цвета?..

Так до рассвета. Таскаем неразрезанные доски, относим разрезанные.

И вот последняя доска... Пилораму выключили. Ничего не понимаю. Тишина режет слух.

Толик скидывает спецовку, я машинально следую его примеру. Потом встречаемся глазами. Я подхожу к Толе и обнимаю его... Толик молчит, понимает, в чем дело... Так, обнявшись, и валимся на кучу опилок.

...Вижу красное небо. И земля покраснела, деревья. Рыжие волосы Толи стали красными. Смотрю на свои руки и вижу, как в венах трепещет красная кровь. Хочется кричать, плакать, но что-то удерживает и, кажется, удержит навсегда. Опять шахматная игра, за секунду делаю с противником несколько ходов. Почему фигуры одного цвета? Швыряю куда-то в пустоту шахматную доску...

Слышу приглушенный, далекий голос Толи: «Очнись!» Но глаза невозможно открыть, слиплись. Мысленно представляю лицо Толи: серые круглые глаза, стиснутые зубы. Жилку, налитую кровью, на переносице. Вижу, как пульсирует в ней кровь. Хочу дотронуться до этой жилки. Боюсь, что это причинит ему боль. Протягиваю руку, пытаюсь дотронуться — ускользает из-под пальцев. Засыпаю...

Из дневников разных лет

* * *

Иногда хочется уехать куда глаза глядят. Раньше сделать это было проще. Например, в 1976 году я уехал сначала в Москву, затем в Махачкалу. Жил на случайные заработки, пил, бродил бесцельно по городу. Тогда я еще не чувствовал ответственности перед семьей, детьми. Чего стоят одни только мои ежегодные отлучки — Единственное, это мои поездки по Домам творчества писателей, куда я езжу ежегодно — отлучки такого разряда. В Домах творчества жизнь упорядоченная, все делается по расписанию, особо и не разгуляешься, но все равно развезаться есть возможность...

Почти год проходил у меня в напряженной суматохе. Больше всего утомляют обязанности. Я согласен, что у меня есть обязательства перед семьей, хотя на поверку они оборачиваются обязательствами перед всем обществом. Взять хотя бы нормы морали. То нельзя, это нельзя... так как нарушение общепринятого может отразиться на репутации, скажется на детях и т. д.

Мне надоело все делать сообразно логике и быть постоянно кому-то чем-то обязанным, и я в один прекрасный день уехал в Астрахань. Несколько дней прожил в одной из астраханских гостиниц. Затем меня пригласил в гости знакомый татарин Равиль, я пробыл у него двое суток. После, несмотря на то, что просили остаться, я ушел от Равиля. Купил на базаре удочку, в магазине — хлеб, консервы, чай, водку и поехал в сторону села Линейного. Еще по дороге в Астрахань я заметил большие лиманы, где можно было порыбачить. В автобусе я познакомился с татаринком по имени Леонард, мы с ним разговорились, я рассказал ему о своих намерениях. Леонард был смуглолицый, узкоглазый, видимо, ногайских кровей. От него здорово несло перегаром, говорил он резко, часто жестикулируя короткими руками.

— Дурак, что ли, на берегу ночевать! Какой-никакой у меня дом есть. Живи и рыбачь сколько влезет, вода рядом, рыбы

навалом... — Он показал на виднеющееся из окна автобуса село. — Вон там я и живу.

— У тебя, наверное, много людей в доме?

— Много! — хмыкнул он. — Не бойся, тебе отдельная комната будет.

Село Курченко находилось километрах в трех от трассы. Когда мы пришли к Леонарду, нас встретила твякующая кудлатая дворняжка. Небольшой дом из старого красного кирпича был покрыт рыжим шифером, стекла на веранде были побиты. В доме было две комнаты, обе неприбранные, в каждой стояло по одной железной кровати, на голые матрасы была навалена помятая одежда.

— А где же твои? Ты же сказал, что вас много дома, — спросил я.

— Много! Не видишь? Я и мухи, — он показал на летающих мух.

— В селе одни татары живут? — спросил я.

— Все. Один армянин, и тот перекупщик рыбы, кровосос...

А ты кто?

— Я ногаец, из Черкесска.

— Понятно. Кони, набеги, отравленные стрелы...

— Почему отравленные?..

— Не знаю, так в школе учили, — недоуменно вскинул плечами он.

Леонард оказался изрядным пьяницей, с семьей не жил. В селе он слыл скандалистом и дебоширом, часто хватался за топор и гонял сельчан по улицам. В тот же день, когда выпили мою водку, он как будто по большому секрету сказал мне, что он тоже ногаец, а все остальные в селе «татарва». Конечно, врал, в паспорте он значился татариним и, кроме меня, живого ногойца никогда не встречал. Порыбачить мне так и не удалось. Несколько раз ходили к лиманам, и каждый раз Леонард уводил меня обратно в село, где мы брали в магазине водку, хлеб и возвращались домой. Вечером от каких-то родственников он приносил много свежей рыбы, часть из которой шла на уху, часть мы жарили, а часть солили во фляге для меня. Ночью с чьего-то огорода он приносил за пазухой в майке красные помидоры. Еды хватало, рыба тоже была. И мы пили. Тема тостов была одна. Стаканы поднимали за ногойцев, за отравленные стрелы, за набеги на Астрахань. Леонард еще очень хвалил калмыков, живущих по соседству с их районом. Он когда-то работал в Калмыкии и никак не мог забыть, как его там угощали. Мы пропили почти

все мои деньги, осталось только на дорожные расходы. Надо было уезжать, к тому же я, несмотря на стоявшие в апреле теплые деньки, ночью сильно простыл. Водку я перестал пить и отпивался чаем. В день отъезда Леонард с утра клянчил у меня деньги, просил купить хотя бы вина. Я наотрез отказывался. Кое-как я собрал сумку. Леонард вытащил засоленную рыбу и уложил ее в полиэтиленовый мешок.

— Килограмм на пять тянет, мало, конечно, но ты приезжай летом, вот эту флягу полную набьем, — сказал он, показав на потемневшую алюминиевую флягу.

Я еле засунул мешок с рыбой в сумку. Сумка сразу отяжелела и мы, подняв ее вдвоем, пошли пешком к трассе.

На полпути Леонард остановился и поставил сумку на зеленевшую траву на обочине дороги:

— Ты постой, Иса, не уезжай. Я тебе сейчас такое принесу! У меня сокровище есть! — и он поторопился обратно в село.

Я поднял тяжелую сумку и медленно побрел к асфальтированной дороге. Но когда я добрался до трассы, все же не стал голосовать проезжающим машинам. Прямо возле меня остановился автобус, идущий до Ставрополя, из него вышли люди. Это был мой автобус, я хотел в него сесть, но увидев идущего из села Леонарда, остановился в нерешительности. Зная, что такого удобного транспорта в ближайшее время не будет, я все же пропустил автобус и стал ждать приятеля. Меня раздирало любопытство: что же такого необыкновенного он может принести? С другой стороны, надо было по-человечески проститься, как-никак за это время мы с ним подружились. Я, усмехаясь, смотрел, как он быстро ковыляет на своих коротких ногах. На нем были та же, что во время нашего знакомства, одежда: бесшвенная майка, коротковатые запыленные темные брюки, на ногах стоптанные кожаные тапочки, на голове выцветшая фетровая шляпа.

— Молодец, что подождал! Вот! — сказал он, еле переводя дыхание, и протянул ладонь, на которой было что-то, завернутое в цветастую тряпку.

С подчеркнутой гордостью он развернул тряпку. Действительно, сверкнул желтый металл. Я обомлел от мысли, что это может быть золото.

— Да! Золото! — выпалил он.

Я долго рассматривал металлический предмет, сделанный в форме рыбы. Брюшная часть рыбы была пустая и предназначалась для пепельницы, хвост рыбы служил ручкой.

Пепельница была изготовлена искусно. Но металл был бронзой. Хорошо почищенной бронзой.

— Настоящий алтын! — выпалил Леонард наполовину по-русски, наполовину по-ногайски.

— Леонард, это бронза. Предмет стоящий. Можно сказать, настоящее произведение искусства, — сказал я искренне и хотел вернуть ему его сокровище.

Леонард отпрянул, замахал руками:

— Это тебе! Купи!

— Так ты даришь или продаешь?

— И то, и другое... Вмазать надо! Ты же знаешь.

— Во-первых, денег нет, во-вторых, где ты взял? Случайно не украл? Как бы на меня всесоюзный розыск не объявили!

Леонард замахал руками, стал смеяться.

— Как тебе такое могло в голову прийти?! Пророк воистину есть, Аллах один! — произнес он свою любимую клятву и для пущего подтверждения ногтем большого пальца дернул передний зуб. — Не крал, не крал... В Калмыкии подарили. Калмычка Нина, у которой я жил, дала на прощанье, клялась, что золото... Ну, бронза, так бронза. Все равно вещь стоящая. Купи. На бутылку дашь — и хватит. Зато тебе память обо мне будет. Будешь меня помнить, как я калмычку Нину.

— Леонард, денег у меня только на дорогу. Тем более это подарок тебе.

— А ты бесплатно езжай. На попутных доедешь. Клянись, шофера довезут! — он опять дернул кончиком ногтя за передний зуб...

Я понял, что он не отстанет, поэтому из оставшихся десяти рублей отдал ему два. Он, несмотря на то, что я не хочу взять его подарок, насильно всунул свое «сокровище» мне в сумку...

Так я покинул волжские лиманы, некогда древние ногайские земли.

* * *

Эти поездки сильно опустошают человека, но от них получаешь удовлетворение, после них ты освобождаешься от суетных страстей, чувствуешь себя другим, как бы со стороны смотришь на повседневные заботы и чаяния. Обретаешь новизну в ощущениях — это бесспорно. Прелесть вся в том, что все надо начинать с нуля, ты как художник перед чистым полотном.

После поездки я купил стопку бумаги, положив ее на стол, гляжу на нее, кусаю кончик авторучки. Начинается зуд творчества. Душа желает сотворить что-то необыкновенное. Перед глазами город Астрахань, синяя Волга, серые лиманы, заросшие прошлогодним камышом. Достаяю из шкафа подарок Леонарда, вспоминаю его. Представляя своего приятеля, улыбаюсь, чуть завидую его бесшабашности, чуть жалею его. Долго не нахожу себе места. Это похоже на ощущения новорожденного. Впереди огромная жизнь, огромный мир, но сперва надо научиться ходить, разговаривать, думать...

На днях купил 3 картонных папки для бумаг по 22 копейки, в каждую заложил по пачке бумаги...День и ночь представляю, как вся эта бумага будет испещрена чернилами. В такой момент начинаешь верить в чудеса, волшебство...

Сцена в троллейбусе.

Женщина в коричневой шубе, с морщинистым темным лицом и глазами навыкате набросилась с криком на другую, которая нечаянно в проходе между сидениями задела ее авоську:

— Ты с ума сошла! Там у меня хрустальные бокалы! Ходят тут всякие!

— Не делайте из чепухи трагедию, — спокойно отпарировала женщина, прижимая к кожаному пальто свою сумку.

— Нахалка, еще издевается! — закричала женщина с авоськой.

— Не смей оскорблять! Подумаешь, хрусталь! Не подставляй свою авоську! У нас в сумках тоже ценные вещи!

Сидевшая неподалеку молодая светловолосая женщина вмешалась в перепалку:

— Вы же толкнули, надо извиниться! — строго сказала она.

— А ты видела?! Чего вмешиваешься, куда не следует?! Молодая такая, сидела бы себе! — отреагировала женщина в кожаном пальто.

— Психопатка! — вскрикнула молодая блондинка.

— Чего?! — с угрозой встала женщина в кожанке.

— Некрасиво так, — вмешался в разговор мужчина.

Женщина в коричневой шубе, скривив губы, недоуменно посмотрела на мужчину:

— А ты чего суешь свой нос, куда не следует?!

- Вот именно! — поддержала женщина в кожанке.
- Я ничего, — проговорил виновато мужчина.
- Вот и сиди, недотепа! — зло выкрикнула молодая блондинка.

Мужчина встал, снял с головы шляпу и, обнажив большую, до самой шеи лысину, начал раскланиваться в сторону женщин:

— Виноват, виноват... — быстро проговорил он и тут же, изменив голос, басом крикнул: — Растерзайте меня, товарищи женщины!

* * *

Когда поступил в Литературный институт, я долго не мог привыкнуть к тамошней обстановке. Почти все студенты пили и блудили. Особенно старшекурсники. Первокурсники студенты быстро начинали брать пример с них. Главным аргументом для подобного поведения являлся образ жизни некоторых классиков. Все читали наизусть Есенина, Блока, подчеркивая этим причастность к их жизни. Меня же это сильно удивляло. Во-первых, в любом подражании я всегда чувствовал фальшь. Во-вторых, я не верил в то, что таковыми должны быть будущие властители дум. Все учившиеся в институте считали себя высоконравственными и порядочными людьми, а в жизни выглядели законченными алкоголиками и пошляками. Правильно гласит народная пословица: «Не делай того, что делает мулла, а делай то, что он говорит». Несмотря на то, что я внутренне осуждал однокашников, очень скоро и сам стал поддаваться греховному соблазну. Сперва осуждал себя, но постепенно привык к двойственному образу жизни. Пишу об одном, но делаю по-другому...

* * *

Новый 1980 год встречали в новой квартире. До этого мы с Кельдихан и с тремя детьми жили в однокомнатной. Новый дом в самом центре Черкесска. Из моих окон на девятом этаже видна главная площадь и Дом Советов. В душе плюю в сторону тех, кто дал мне это добротное, просторное жилье. Плюю на недавнее прошлое, на все свои мытарства и страшные неудобства. Чтобы получить это жилье, мы писали жа-

лобы во все инстанции. Я при людях поссорился с председателем горисполкома, обозвал его мошенником и дураком. Теперь он люто ненавидит меня, и на улице не смотрит в мою сторону. Мне плевать на него! Благо, что теперь живу на девятом этаже: подальше от мошенников и ближе к Богу.

* * *

«Где мать перепрыгивает, там и дочь перепрыгнет», — так говорят о плохой наследственности девушки.

* * *

Сегодня взошло сразу четыре солнца вместе. Солнце красное! Солнце черное! Солнце белое! Солнце синее! Они сливались воедино и расходились, и по всему миру у всех людей слезились глаза. Произошло затмение, а после в небе долго летал белый голубь...

Скажите мне, какова она, смерть? Существо осязаемое или бестелесное? И почему она имеет такую власть и силу?! Почему она у нас забирает близких, хороших людей? Кто дал ей такое право? И куда она их забирает? В небеса ли, под землю ли? Ну, куда... Как нам, оставшимся, узнать: куда делась жизнь нашего брата, Паша-Гирея?! Почему ты не указываешь нам места? И откуда у тебя столько бессердечия? Почему ты можешь оставить мать без сына? Детей — без отца, внуков — без деда, братьев и сестер — без брата? Нас, всех, без него. Без могучего, как дерево? Скажи нам: в чем твоя сила? Почему ты можешь вырвать и унести жизнь? Почему можешь опередить все положенные сроки, почему ты можешь сбить всех с толку? Почему ты врываешься внезапно? Ураган ли ты невидимый или что, или кто?!

*В день смерти двоюродного брата
Паша-Гирея Абишева 1 августа 1980 г.*

* * *

Вижу во сне: мы с женой находимся в аульском домике. Жена прибирает в доме: подмела пол, вынесла ведро с грязной водой. Убравшись, готовится спать. Я лег раньше и на-

блюдаю за ней. Чувствую, что супруга собирается лечь, не закрыв входные двери в сенях. Я беспокоюсь, мне кажется, что во дворе есть какие-то посторонние люди. Жена ложится, не заперев двери на засов. Я не хочу выдавать свою бязнь жене и лежу молча. Мои опасения оправдываются. Замечаю, как в окне юркнул чей-то силуэт. Встревоженный вскакиваю и бегу в сени. Вижу во дворе худощавую фигуру незнакомой старухи. Она воровато ходит по двору, возле забора подбирает какой-то предмет, похожий на алюминиевый тазик, прячет его подмышкой. Стараясь быть незамеченной, идет к дому и проходит мимо меня. Она не видит меня. Я нагоняю ее возле угла дома и дергаю за рукав. Старуха не оборачивается. Я прикладываю силу и дергаю еще раз. Ко мне поворачивается лицо-маска. У нее выразительные большие губы, накрашенные угловатые щеки, глаза смеются. Оторопев, но переборов страх, пытаюсь отобрать украденный со двора предмет. Старушка извивается и не дает. И так, борясь с ней, я просыпаюсь... Обнаруживаю, что нахожусь в городской квартире, успокаиваюсь и радуюсь, что это сон...

* * *

Ночью спал плохо. Снилось, что я с давнишними товарищами по строительному институту купаюсь в реке. Вдруг один из товарищей показал рукой в сторону бурного потока, находящегося метрах в трех от нас. Там по волнам несли белый бумажный кораблик.

— Это тебе записка! — крикнул он.

Я сразу бросился за корабликом. Течение меня подхватило и начало сносить. Я уже пожалел о том, что оказался столь легковверным. Течение уносило меня все дальше и дальше от берега. Я начал понимать, что товарищ меня специально спровоцировал. Я несли за запиской, а впереди виднелись торчащие из воды поваленные бетонные столбы. Приблизившись к ним, я, к своему ужасу, увидел на них электрические провода. Столбы эти упали во время часто случавшихся на Кубани наводнений. Я стал изо всех сил грести против течения. Но течение меня сносило и несло к самому опасному месту, где торчали клубы электрических проводов. Вот-вот течение должно

было кинуть меня на провода... и тут я проснулся, избежав электрического удара...

15 июля 1981 г.

* * *

Я был свидетелем такого диалога двух чудаковатых стариков.

— Говорят, что на том свете хорошо? — будто сам с собой рассуждал один из них.

— Наверное, там есть все, что для души нужно, о животе не приходится думать. А тут мы только о еде и думаем. Для души тут навалом, бери — не хочу, — тоже как будто самому себе говорит собеседник.

— Я думаю, что там, — старик тычет пальцем в небо, — все, что для души, в большом дефиците...

— Да, у них это там вместо еды, — подхватывает собеседник.

* * *

В конце шестидесятых годов на весь Караногай (часть Ногайской степи) оставалось десять верблюдов. Все они были в одном хозяйстве. До революции верблюд в этих степях почитался, и в каждой семье с достатком старались завести его. Богачи содержали верблюдов десятками и особо гордились ими. В связи с заготовкой мяса во время хрущевской кампании по истреблению лошадей, ослов и другой домашней скотины руководитель хозяйства отправил всех верблюдов на мясокомбинат. С тех пор во всей степи не встретишь этого животного.

В ногайском фольклоре верблюд занимает одно из главных мест в жизни народа, он — символ природной силы и терпения. Так у людей оборвали тысячелетнюю традицию...

Слепой дождь

В оживленном, шумном городе очень душно. Улица с мчащимися машинами, шагающими по тротуару пешеходами — как один живой организм. Стены зданий с двух сторон давят

на улицу. Сверху давит белая полоска неба. Почти в самом зените белый глаз солнца гонится за жужжащими машинами, от него исходит густой зной. Духота нестерпимая. Черный асфальт лежит распластавшись, как будто ему все нипочем. Выстроившиеся вдоль обеих сторон дороги молодые клены задыхаются от пыли и газов. Они обреченно глядят друг на друга и от жары даже не могут посочувствовать друг другу. Земля, зажата со всех сторон их стволов, потрескалась и жаждет влаги. Клены с безразличием смотрят на бездушные автомобили, которые сотнями проносятся мимо них, спокойно и холодно глядят на равнодушных прохожих.

Вдруг над улицей, как слепая птица, появляется серое облако. Солнечный глаз из-за края облака еще наблюдает за улицей. Машины по-прежнему продолжают нестись друг за другом. Пешеходы еще ничего не заметили на небе. Клены увидели облако, но еще толком не распознали цель его появления... Неожиданно падают первые капли дождя. Машины ничего не чувствуют и никогда не узнают радость соприкосновения с дождем. Пешеходы с удивлением вскинули головы и обеспокоенно стали прижиматься к стенам зданий.

Кленовые листья весело защебетали. Прожилки их потянулись к нежданному гостю. Дождь усилился. Наконец и солнечный глаз исчез за краем облака. Черный асфальт по-прежнему лежит распластавшись. Машины продолжают мчатся друг за другом. Молодые клены поняли цель появления небесного гостя и забили в ладоши своими звездообразными листьями.

«Облако-сирота», — называют у нас такого заблудившегося гостя. И вот оно, «сирота», не в силах справиться с подступающими слезами, разом проливает их.

— Есть же на свете чудо! — благодарно восклицают деревья и стараются подольше задержать на прожилках листьев капли, которые переливаются изумрудами на свету.

Но их благодарность не доходит до «сироты», и оно с обидой, ни с кем не попрощавшись, уходит. Уходит, намочив некоторую часть пешеходов, оставив небольшие лужицы на тротуаре, оставив горечь глубокого сожаления в душах молодых кленов. Сразу же раскрывается удивленный взгляд солнца...

Ах, как иногда и наша душа жаждет такого слепого дождя!

Уж кто фанатик, это астроном!
Сквозь кроху-телескоп
На небе том ночном
Все мириады звезд разглядывает кроха.
Эпоха такова, что ищут мир,
По горло в дрызгах, люди.
Им ни к чему далекий мир Плеяд...
И что ему Полярная звезда,
Венера, или Марс, или Меркурий?
Но он вобрал во взгляд всю мощь Земли,
Как волю племени вбирал шаман от веку.
Он тысячи веков пролистывал подряд,
Чтоб человека отыскать на звездах
И звездной карте дать вторую жизнь.
Страх пред пространством
Он давно осилил,
И с достоинством неразлучен труд,
Труд фанатичный — сквозь года и времена.
О, стать бы нам такими астрономами!

Я — пловец. И до берега счастья
Доплыву, доплыву все равно.
Есть тот берег! Штормов и ненастья
Там не знает песчаное дно.

Трудно плыть мне. Купальщиков многих,
Что без силы лежат на плаву,
Обгоняю. Хватают за ноги.
Все равно доплыву, доплыву.

Есть другие на чистом просторе,
Что плывут, но уходят ко дну.
Я ныряю в соленое море
И, пlying, за собой их тяну.

Трудно плыть мне. Но худшего хуже
С тем, кто вовсе боится воды.
Берег счастья такому не нужен.
Тут уж пара шагов до беды.

Оглянусь на него — и тоскую.
Обреченного спать наяву
Очень жалко!.. Но я напрямую
Все плыву, и плыву, и плыву!

* * *

На зеленом холме восседает Шахим,
машет войлочной шляпой со склона.
Вереницей зеленой летят перед ним
и сверкают на солнце вагоны.
Утро, вечер ли — здесь он.
К холму он привык,
словно к дому, к родному порогу.
Эй, старик! Эй, старик!
Что ты видишь, старик,
что ты смотришь на эту дорогу?
Почему же по рельсам уносится взгляд
и стальным загорается светом?
Дни твои, как вагоны, не мчатся назад.
Ты считаешь их? Плачешь об этом?
Что, мечтаешь — по рельсам, как добрую весть,
привезут тебе новую долю?
Или юность тебе вспоминается здесь?
Что, дорожной была она, что ли?
Или, или... В тебе, мой старик, как во мне,
то же чувство пути и разлуки?
Эй, старик! Эй, старик!
Мы с тобой наравне —
я испытывал сходные муки.
Я люблю убегающий посверк пути,
дальних стран перевидел я много.
Ну, скажи, старина, что тебе привезсти?
Что тебе не вернула дорога?

* * *

— Нескончаемы споры отцов и детей,
да и братьям поладить бы впору.
Стало жить невозможно от всяких страстей, —
Скептик бросит словцо к разговору.

— Сильный выживет, слабый, конечно, падет.
Невеликая будет потеря.
Человек по звериным законам живет, —
Говорит превратившийся в зверя.

Пессимист поднывает прагматику: — Нас
Ждет одно. Жизнь, ей богу, напрасна.
Только искра нужна, чтобы новый фугас
Загорелся, ведь это же ясно!

И на головы нам рукотворное зло —
Баллистических чудищ громады —
Будут сыпаться. Станет от взрывов светло.
И — темно, как в расщелинах ада.

Мы тогда — это может случиться вполне —
Пожалеть не успеем о страшной войне...

— Люди, люди! — кричу я тому шепотку, —
Мы — одно, мы похожи от веку,
Во Вселенной — одни. На коротком веку
Только радость нужна человеку.

Две руки, две ноги, одна голова
И одно лишь, одно только сердце!
Нас всех породила любовь.
Любовь, а не вражда!

* * *

Накрываю на стол
Да расставляю рюмки вдоль стола
И думаю, насколько тяжела
Планида неприкаянных.
Те дружат кое-как,
Чтоб за какой-нибудь пустяк
Пожать друг другу руки,
Скрывая одиночество свое.
И с шиком выставляется питье.
Вино кипит,
Чтоб закипела страсть.
Несходство душ терзает

Как напасть.
Но утром о другом заходит речь.
Как с гуся — вся вода,
Вся мука — без следа.
Мы снова назначаем время встреч.
И снова
Ставим рюмки вдоль стола.
Так ищем друга, спутника себе.

Из дневников разных лет

Многие люди боятся пресмыкающихся: и брезгают ими: червями, лягушками, змеями. Я и сам такой же, как эти люди. Я думаю, что у людей эти чувства появились от знания: когда наши трупы будут лежать в земле, властелинами наших тел будут эти существа.

* * *

Опять снятся беспокойные сны. Меня преследуют какие-то полицейские (не милиционеры, именно полицейские). Я убегаю от них и скрываюсь в незнакомом заброшенном доме, запираю двери на засов. Они нагоняют, стучат, я не открываю дверей. Вот-вот они ворвутся. Я лезу на чердак. Неожиданно для себя обнаруживаю, что дом без крыши и потолка — над стенами одни деревянные балки и голые стропила. Сверху нависает черное звездное небо. Полицейские разбивают двери и врываются в дом. Я прячусь, ложась на одну из поперечных балок. Надежды на спасение нет. Полицейские меня легко находят. Я в безвыходном положении... Просыпаюсь. Осознав, что все произошло во сне, облегченно вздыхаю.

* * *

Только в одном номере старого корпуса Дома творчества «Переделкино» никогда не зажигался свет. В этом номере жил известный поэт. Он был слепой. Свет ему, живущему в вечной темноте, был не нужен. Поэт имел много поклонников и особенно поклонниц. Многие из них, конечно, и не представляли, как он живет, не видя белого света.

Я встречал его в столовой и видел регулярно прогуливающегося по аллеям парка. Он был в черном пальто, на голове беретка, глаза перетянуты черной бархатной повязкой. Отдыхающие в Доме творчества писатели его знали, но по-

чему-то мало с ним общались. Он часто разговаривал с работающими в Доме творчества женщинами, которых хорошо знал, в столовой его обслуживали персонально, и он часто звал к столу официанток: что-то просил принести, что-то убрать, иногда просто расспрашивал о жите-бытье.

Во дворе он гулял сразу после завтрака, до обеда и после ужина. Прогуливался всегда по одной и той же аллее, от старого корпуса до запасных ворот и обратно. Я часто наблюдал за ним и всегда хотел посчитать, сколько же он делает ходок, но мне так и не удалось этого сделать. Вечером в Подмоскowie рано темнеет, и я по-настоящему переживал, как бы поэт не споткнулся во время своих вечерних прогулок. А он в темноте гулял долго, часа два, не меньше.

Как-то к нему после ужина пришла жена. Наверное, она приходила и раньше, просто я ее не видел. Высокая, стройная блондинка средних лет. Она была в черных лакированных сапогах, черном пальто и белом вязаном платке. Хотя во дворе освещенных мест для прогулок было сколько угодно, они стали гулять по привычной ему неосвещенной аллее. Супруга через полчаса довела его до ступенек корпуса и стала прощаться. Она хотела, чтобы он зашел в здание, даже подталкивала.

— Не хочу я идти туда, — капризно отказывался поэт.

— Ну, милый, иди, иди. Мне домой пора, — настаивала жена.

— Я не хочу, — всхлипывал он, затем, вытащив из кармана платок, протер лицо под повязкой.

— Милый, иди! Я буду беспокоиться, — и она почти силой затолкнула мужа в здание.

Втолкнув, чтобы убедиться, что муж не выйдет обратно, она подождала некоторое время на ступеньках...

Жена не хотела оставлять его в темноте, она тоже не понимала, что ему-то все равно: темно или светло на улице. Она торопилась к вечерней электричке. Поэту же было обидно за то, что не догулял до положенного времени...

19 октября 1981 г.

* * *

И если весь наш народ, как бы это ни было обидно, является сборищем скучных, серых людей, все равно я его люблю, потому что возвращен им. Я в какой-то мере есть его воп-

лощение, хотя у меня есть уйма личных недостатков, за которые я несу ответственность сам.

* * *

Все время перед глазами стоит дрейфующая в черноморских водах баржа. На ней жители целого степного аула. Эти люди никогда не видели даже одной полноводной реки, а теперь они кинуты в море. Они всегда искали воду. И вот — они в море! Люди суши на море! Когда они впервые увидели его, восторг у них был неопиcуемый. Недвижимость, имущество, инвентарь переселенцы распродали еще на родине, а на берегу почти за бесценок продали скот и лошадей. Накопленные сбережения они заплатили за переезд. Их поместили на большую грузовую баржу. Но через сутки баржа с людьми осталась одна в море. Пароходчики из-за шторма и чтобы сэкономить уголь, обрубили канаты и бросили баржу. Первый день из-за шторма ногайцы не смогли осмыслить происшедшего. Через неделю кончились все съестные припасы. Затем иссякла вода. Переселенцы везли на барже скакуна — обладателя первого приза императорских скачек. Голод и жажда вынуждают зарезать скакуна. Они съедают свою гордость. После этого они понимают свою обреченность. Теперь идет борьба за выживание. Каждый день десятки трупов выкидываются в море. Из-за глотка воды друг предает друга, брат брата, мулла отрекается от бога. Люди пытаются пить морскую воду, умирают от резей в животе. Некоторые из мухаджиров бросаются в море, выбирая смерть. Начинаются галлюцинации...

Все картины страницы морского романа у меня перед глазами, надо только сесть за стол и написать.

* * *

Весь наш народ на дрейфующей барже. Мы кинуты всеми. Мы никому не нужны. Я должен написать этот роман. На барже останутся всего двое. Они преодолеют страх перед природой, одолеют голод, жажду, переживут всех своих со-родичей, всех своих родных. Они — парень с девушкой — станут выше своей обреченности. Баржу с ними вынесет к берегу.

Хуже всего писать по заданной схеме. Сам замысел гениальный! Но как писать? Никак не могу сесть за «Баржу». Продолжаю писать роман о Кобеке Карамове, почти закончил.

Июнь, 1984 г.

* * *

Много записал своих снов. Многие из них совершенно не имеют смысла. Надо выкинуть записи.

* * *

Тело нашего народа — сплошная гнойная рана. Необходим опытный хирург, чтобы прооперировать. Лечение вызовет дополнительные страдания. Всенародное страдание объединяет народ так же, как победы и успехи.

* * *

Юм. пришел поплакался, у него из уст вырвалось: «Жалею, что родился ногойцем!» Я разозлился на эти слова. Сказал ему, что нечего свою несостоятельность, личные проблемы сваливать на народ. Он обиделся. Я смотрел вслед этому низкорослому, неопрятному, тщедушному человеку и мысленно произнес:

— Твоей матери надо было изменить твоему отцу, и ты мог родиться кабардинцем или осетином...

Дурак не поймет, что человек народ не выбирает, точно так же, как и родителей. Ну в чем виноват его отец — простой сельский труженик, воспитавший, кормивший его, давший ему даже высшее образование?! Такие, как Юм. очень опасны для общества. На таких надо надевать намордники, чтобы их не узнавали соотечественники.

* * *

Надо беречь себя. Сбережешь себя, сбережешь семью, да и других.

* * *

Я начинаю прозревать. Людям в моем окружении нельзя доверять. Почти все они с двойным сознанием. И боятся огласки своей второй жизни. Дома они одни, на улице совсем иные. У них большие претензии на талант, одаренность, но сами они весьма заурядные — это их главная беда.

* * *

Я становлюсь проницательным. Все более и более задумываюсь над поведением знакомых. Друзьями я их уже назвать не могу. Без общения невозможно. Общаюсь. Очень много пустой болтовни... Прежде всего они без четкой жизненной позиции, нравственного стержня. Естественно, что они любят себя. У них особый национализм. Я сомневаюсь, что они до глубины души любят свой народ: думаю, из-за корысти предадут интересы его. Дело в том, что они нетерпимы к чужим. У них какое-то идущее из глубины веков недоверие к людям другой национальности. На этом болезненном недоверии они попадают сами и вовлекают других в неподвижные интриги. На распутывание интриг растрачиваешь нервы и энергию. Может быть, это происходит из-за полного отсутствия образования. Все они недоучки, но амбиции огромные.

* * *

В храмах и монастырях нашей страны молятся мыши. Нашему обществу очень далеко до Бога. Оно низвергло Бога. Есть суеверные, но бороться за Бога боятся. Конечно, всего мы не знаем. В тюрьмах и психиатричках, наверное, есть фанатики религии. Безбожие еще себя покажет.

* * *

У меня нет героев авантюрного плана. Мои герои не делают жизнь, они ее терпят. Главное стремление у моего ге-

роя — это сохранить себя. Мой народ выживает, и это не может не сказываться на творчестве. Я должен написать «Баржу» и «Книгу сожалений».

* * *

Голуби на нашем балконе свили гнездо. Они снесли яйца прямо в алюминиевый таз. Непонятно, почему они поступили так неразумно. Чтобы их не спугнуть, мы давно не пользуемся тазом и не подходим близко к их жилищу. Птицы сидят на яйцах. По очереди летают, ждут появления птенцов. Они ждут, но не меньше ждем мы.

Поэту Мурату Авезову

Сизый голубь
в шарфе зеленом
ворковал
на центральной площади города.
В том ворковании,
чистом, влюбленном,
я услышал призывный мотив:
— Найдите мне любимую,
единственную, верную,
найдите, отыщите,
мне трудно без нее!
Так найдите ему любимую,
чтоб он песню снимал с облаков!
Так найдите ему единственную,
чтоб веселье летело легко!
Так найдите же верную,
чтоб разлученные
счастье опять обрели!
Так найдите, найдите любимую,
чтоб спокойствие
вновь воцарилось
от края до края Земли!
Так найдите любимую,
чтобы он, как дерзающий Архимед,
шар земной заставил вращаться
быстрее!

* * *

Ты — карта
в руках игрока.
Ты — валет!
Ты в колоде,
как в доме родном.
Ты в экстазе,
Когда тасуются карты.
Когда идет раздача —
Ты у судьбы на ладони.
Ты в азарте,
когда начнется набор.

Ты в унынии,
когда бьет король.
Ты в ужасе,
когда даешь перебор.
Ты горд,
когда сам бьешь туза.
Ты — карта.
Ты — валет,
тебя могут порвать,
тобой могут хлопнуть,
могут гладить и поцеловать.
Ты — любимец на миг
и враг навсегда.
Ты в колоде
тасуешься с равными.
Ты — ровня всем им.
Ты — не первый,
Ты — не последний.
От тебя
зависит судьба игрока,
Ты можешь «осчастливить его инфарктом»,
Ты — бальзам для души,
Когда кстати.
Ты — ничтожество,
Когда у шулера
хоронишься под рукавом,
дожидаясь обмана.
Ты — карта,
Ты — валет двухголовый!
Ты — валет,
как тебя не верти!

Америка спит

«Мы, подростки, устроили
танец солнца ночью,
чтобы власти не признали...»

*(Из интервью борца за права индейцев Леонардо
Пелтиера. «Литературная газета», 18 июня 1984 года).*

Америка спит,
задыхаясь во тьме и во времени...
Танцуют мальчишки

из древнего мудрого племени.
Из племени с именем,
как продолжение напева —
Чиппева.
Во тьме — танец солнца.
Танцуют легко и уверенно,
Чтоб ночь отступила перед
тобою, Америка.
Америка спит...
Танцуют мальчишки...

Спят шпионы,
Спят палачи.
Спит президент,
спокоен в ночи.
И охраняет этот сон —
Мэрион.
Те, кто права какие-то ищет,
здесь право найдет —
на жилище.
И у тюремщиков здесь
есть право —
на расправу.

Прекрасная житуха —
ешь, пей, набивай брюхо.
Свобода тела,
свобода духа.
А кому не по нраву —
в одиночку.
Там и днем —
ночка.
Чернота —
не видать ни черта!
Вот ты, Пелтиер,
такой красный-красный
краснокожий,
а у тебя тоже
есть права:
на целый срок.
Даже на два.
Люби свободу
два срока.

Танцуй свои танцы
два срока.
Верь в своих идолов
два срока.
Ну, разве плохо?
Белым гораздо хуже.
У них всего одна жизнь —
вертись, кружись.
А у тебя ни жары, ни стужи,
ни суеты...
Чем, скажи,
недоволен ты?
Америка спит...
Бьет тюремщик и ловко,
и злобно.
Америка спит...
Бьет тюремщик и в зубы,
и в ребра.
Америка спит...
Бьет тюремщик и злобно,
и ловко.
Америка спит...
Голодовка.
В тюрьме — голодовка...
Америка спит...

У этих красных
все —
верх тормашками.
У нас даже миллионеры
пробавляются кашками.
А им — хлеба.
О кей.
В тюрьме — ешь, пей.
Все — задарма.
Хлеба — тьма.
А красные,
оказывается,
есть отказываются?
Ничего,
из красных станут
бледными.
Палками перекрасим

в бледных красных.
А этому краснокожему
из красного племени —
по темени.
И позабудет своих идолов
красное быдло.
Он узнает свободу
великого народа.
Наша держава
всем дает свое право!
Америка спит,
задыхаясь во тьме
и во времени...
Не вытравить душу
из старого мудрого
племени.
Другие мальчишки
танцуют во тьме
танец солнца.
Америка спит...
Но Америка, верю,
проснется!
Танцуют мальчишки...

(Комментарий издадалека. В любом государстве ущемляются права личности и права народов. На то оно и государство! Нам в СССР нельзя было писать об ущемлении прав малочисленных народов. Фактов попрания прав ногайского народа в это время было предостаточно. И вот для иносказательного выражения своего протеста мне совершенно случайно подвернулась под руки индейская тема в США. Переводчик Николай Ламм, на свое усмотрение, произвел разбивку строчек стихотворения).

* * *

Сколько лицемерия у тех,
Кто об Атлантиде сожалеет
И скорбит, что вот, мол, затонула...

Вы прекрасно знаете о том,
Атлантиду не вернуть нам скорбью,
Если же вы искренни, собратья,
На меня вы обратите взоры.

Я — последний житель Атлантиды,
Утопая, к вам тяну я руки,
Помогите, утонуть не дайте!
Если вы не в силах это сделать —
Прекратите скорбь об Атлантиде —
Слез фальшивых попусту не лейте,
Слов напрасных по ветру не вейте!

* * *

Хилую и темную хибару
Разве украшают гордым стягом?
Бедному, немощному изгою
Рваться в бой неравный разве надо?

В час, когда народ наш обездолен,
Надо сильным нам объединяться.
А продажным низким негодям
Стоит сильных нас остерегаться.
Только так мы можем возродиться,
Стягом нашим и гербом гордиться.

* * *

Подлому добра не стоит делать,
Вряд ли он добро твое оценит.
В холод ты на пса наденешь обувь,
Вряд ли он твой добрый жест оценит.

Из дневников разных лет

* * *

Все канет в Лету. Целые народы никогда не читали Шекспира, Акутагаву, Толстого, будто произведений этих гениев никогда и не было. Живут — и ничего. В древности во многих исчезнувших государствах были и поэты, и писатели, и философы. Исчезли цивилизации, а вместе с ними произведения их великих творцов. Зачем далеко ходить. На территории такого государства, как Золотая Орда, создавалась литература, расцвела архитектура, материальная культура была высока. Упоминания о существовавших литературных памятниках и некоторые образцы литературы в малом количестве сохранились в Средней Азии и в странах Ближнего Востока (Египте). На самой же территории Золотой Орды памятники материальной культуры были разорены, разрушены, сожжены дотла, литературные памятники не сохранились. Долгие века всему миру, да и нам, потомкам жителей того государства, вдалбливали в головы, что в этом государстве жили дикари и варвары. Как немые свидетельства культуры в Крыму, на Северном Кавказе чудом сохранялись остатки архитектурных сооружений, но их постарались уничтожить уже в наше время. Очень хотели, чтобы целая культура погибла в безвестности. Так вот, творцы тех далеких времен должны были бы стать нашими кумирами. Нашими Шекспирами и Толстыми. Почему мы чтим одних и не вспоминаем о других?

* * *

Благодаря великим изобретениям человеческого ума улучшен наш мир. Творчество способствовало развитию прогресса. Это так. Но именно человеческий ум придумал изощренные орудия смерти. Цивилизованные народы создали атомную, нейтронную бомбы, ракеты, самолеты для нанесения ударов разрушительными снарядами, радары, приборы слежения. Цивилизованные люди ради своего благополучия

отправят на тот свет весь земной шар, с детьми и матерями, сожгут библиотеки, уничтожат памятники культуры. Если деяния людей приведут к гибели цивилизацию, то какое это благо для человечества?.. Почему люди не голуби? Вообще, возможно ли голубиное государство?!

* * *

Когда велись переговоры Горбачева с Рейганом о разоружении, мой отец смеялся:

— Оставляя ружья, уничтожают пушки — это какие-то очень гнусные переговоры. Они хотят обмануть весь мир.

* * *

Снятся странные сны. Недавно видел себя пьющим пиво с Горбачевым. После Горбачев ловко улизнул от меня.

Видел сон, как жил в одном общежитии, в одной комнате с Беловым и Распутиным. Наши раскладушки стояли рядом. Я всю ночь старался показаться им умным, но они не доверяли мне. После я плюнул на все и перешел жить в другую комнату... По жизни я один раз встречался с ними. Помню, в день похорон Василия Шукшина мы пили водку с ними в общежитии Литературного института. Ночью, когда кончилась водка, мы с лакским писателем Казбеком Мазаевым ездили на вокзал за выпивкой. И Белова, и Распутина очень чтили студенты. Эти писатели тогда делали прорыв в советской литературе. «Привычное дело» и «Живи и помни» читали все мы. Но по-настоящему восхищались все мы произведениями Василия Шукшина.

Видел во сне Михаила Александровича Шолохова. Из советской литературы, да и из мировой, считаю «Тихий Дон» великим романом. С Шолоховым я никогда не виделся. Но во сне он мне приснился. Я с ним ловил рыбу. Мы были в одной лодке. Но потом он оказался один в лодке и уплыл куда-то в сторону. Я же оказался с удочкой на берегу. Вдруг берег почему-то стал высокой скалой, высотой двадцать-тридцать метров над водой. В воде было много крупных неестественных рыб. Вытаскивать их из воды было неприятно. У меня были помощники. Кто они, я так и не распознал. Они наживляли приманку на крючок и, когда я вытаскивал рыбу, снимали ее с крючка. Рыбины были тяжелые, вытягивать их было трудно. Я ловил с азартом, но к рыбе так и не притронулся...

Джамиля делает лето.

Рассказ — бэль.

Все ожидали зиму, а ее не было. Часто шел дождь, с востока дули ветра, иногда стояли настоящие весенние деньки. Хотя давно минул Новый год, не было самой главной приметы зимы — снега. У нас на Кавказе, нет-нет, да и бывают такие теплые зимы. Особенно дети с нетерпением ждали снега. Им поскорее хотелось достать из чуланов и кладовок прятанные санки, ботинки с коньками, хоккейные клюшки и шайбы, чтобы вдоволь насладиться настоящими зимними играми и забавами.

Джамиля тоже ждала зиму. Ей было всего три годика, и она еще по-настоящему не узнала, что такое снег. В прошлом году она была совсем маленькой: та зима была с тяжкими вьюгами и очень холодной, папа с мамой редко выводили ее на улицу, так как она часто болела — из-за этого она толком и не запомнила эту пору года. В этом году она подросла, окрепла, и ей очень хотелось увидеть снег.

Брат ее, Каплан-гирей, каждое утро подбегал к окну и с сожалением произносил:

— Опять нет снега, что за зима?! Что за жизнь?!

Джамиля тоже надувала губы и, поддерживая брата, говорила с огорчением:

— Что за жизнь без снега?..

В тот день папа встал раньше всех и, зайдя в детскую, торжественно сказал:

— Дети, а у нас настоящая зима!

— Ура! — закричал Каплан-гирей, выскакивая из-под одеяла, затем, подбежав к окну, воскликнул: — Ого! Сколько снега!

Джамиля тоже подбежала к окну и, затаив дыхание, повторила за братом:

— Ого! Сколько снега!

Каплан-гирей быстро умылся и поторопил маму с завтраком. Позавтракав раньше всех, он оделся и выскочил на улицу. Через некоторое время вернулся с налипшим на одежду и обувь снегом. Лицо его раскраснелось от холода. Он не скрывал своего восторга:

— Мама, как там хорошо! Если б ты знала! Всюду снег!.. У всех ребят санки. Я тоже хочу кататься. Дайте санки и мне.

Мама вытащила из кладовки санки. Брат Джамили так же моментально исчез из дому как и прибежал.

Джамия, сидевшая за завтраком, нахмурилась, отодвинула от себя тарелку с едой.

— Что с тобой? — спросила мама.

— Что с тобой, доченька? — встревожился и папа.

— Санки хочу, — готовая расплакаться, сказала Джамия.

Дома других санок, кроме тех, что забрал Каплан-гирей, не было. Папа, сразу все поняв, сказал:

— Мама будет нам готовить обед, а мы с тобой пойдём на Зеленый остров.

Джамия, услышав про Зеленый остров, даже обрадовалась. Место, о котором говорил папа, находилось за городом. Папа все лето водил ее туда. Там они катались на качелях и каруселях, заходили в сказочные теремки, ездили на тачанке, в которую была запряжена пони, загорали и купались в озере. Джамиле очень понравился этот парк на острове, она знала, что и зимой там хорошо.

В автобусе, по дороге на Зеленый остров, Джамия не отрывалась от окна и с удивлением смотрела на заснеженную улицу. Ее волновало, как все могло побелеть, почему так сильно изменилась природа? Не переставал волновать этот вопрос и тогда, когда они спустились и перешли через мостик на территорию Зеленого острова. Здесь, на знакомых ей тротуарах, снег не убирался. Обувь вязла в белом снегу. Джамиле очень хотелось потрогать снег руками, но папа не отпускал ее руку. Первым не выдержал папа, он отпустил руку девочки, нагнулся, сгреб в руки снег, сделал снежок и швырнул его далеко в сторону деревьев. Джамия, отойдя от папы, тоже нагнулась и потрогала пальцами снег.

— Не бойся! Сделай снежок! — подбодрил ее отец.

— Ладно, — сказала Джамия и, взяв в руки снег, попробовала на язык.

Папа рассмеялся.

— Вкусный? — спросил он.

— Нет. Совсем не сладкий, — улыбнулась Джамия.

— Это не мороженное, это снег, — объяснил папа.

— Я думала, это сахар, — и Джамия еще раз попробовала его на вкус.

— Его нельзя кушать, будет горлышко болеть, — наставительно проговорил папа и, отдав свой снежок Джамиле, взял ее за руку. Они пошли дальше по аллее.

Джамиле было интересно все вокруг. Ее глаза разбежались, и у нее сразу возникло немало вопросов.

— Папа, а почему на деревьях нет листочков?

— Они будут летом.

— А куда они сейчас подевались?

— Осенью они падают с деревьев, зимою находятся в земле, а летом снова вырастают.

— Вот как? А я и не знала, — удивлялась Джамиля и тут же задавала новый вопрос. — А цветы где? Здесь так много их было! — Она хорошо помнила растущие на газонах огненно-красные петушки, белые и желтые розы на зеленых кустарниках.

— Они тоже вырастут летом.

— Вот как? А я и не знала! — продолжала удивляться Джамиля.

Вдруг она увидела стоящего впереди на аллее верблюда и обомлела. Она помнила его с прошлого лета. Верблюд жил тут же в парке. Она с папой даже подносила ему травку, но сейчас все равно было боязно, и она на всякий случай подвинулась ближе к отцу. Когда они его прошли, все оглядываясь в сторону верблюда, Джамиля спросила:

— Он весь дрожит! А ему не холодно?

Папа остановился и, показывая рукой в сторону животного, сказал:

— Видишь, какая у него длинная шерсть, она очень теплая. Из его шерсти сделаны наши домашние одеяла.

— Ого! Целое одеяло на верблюде! — воскликнула Джамиля.

Пройдя немного по аллее, она посмотрела на деревья и спросила:

— Папа, а деревьям без листочков не холодно?

Папа растерялся, стал думать, как ответить. Джамиля поняла растерянность отца и сама ответила:

— Они, наверное, привыкли к снегу, да?

— Конечно, — обрадовавшись, поддержал ее отец и повел девочку в сторону озера.

Джамиля озера не узнала. Летом из-за густых зеленых ив, растущих на берегу, не было достаточного кругозора, а сейчас сквозь оголенные деревья хорошо было видно озеро, похожее на огромную белую чашу.

— Летом мы здесь купались, помнишь? — спросил папа.

— Купались? — вопросительно ухмыльнулась Джамиля. — А где же вода?

— Вода замерзла, превратилась в лед, — сказал папа.

— Как в холодильнике?

— Да, — сказал папа.

Джамиля покачала головой, это было для нее удивительным.

После Джамиля с папой катались на санях с запряженной маленькой пони. Джамиле было очень весело. Затем про-

шлись к качелям и карусели, где никого не было, к такому же безлюдному сказочному городку с деревянными теремками. Вскоре у Джамили замерзли руки. Папе пришлось дышать на ее руки, и он еле-еле отогрел их. Он велел дочери держать руки в карманах, потому что она забыла надеть варежки. Но вскоре у Джамили стали мерзнуть ноги. Папа велел прыгать на одном месте, чтобы ноги согрелись или идти к автобусной остановке. Джамия закапризничала, ей никак не хотелось покидать Зеленый остров. Тогда папа поднял ее на руки:

— Зайдем к дяде художнику, его мастерская недалеко от озера, — и он понес ее на руках.

Когда они пришли в мастерскую, художник стоял у мольберта и, глядя в окно, рисовал.

— Гости дорогие, заходите, — обрадовался бородатый дядя.

Джамия подошла к нему и спросила:

— Дядя Художник, а что вы рисуете?

— Я рисую зиму, снег, — ответил дядя Художник.

— А почему вы рисуете зиму, снег? Я замерзла. Я хочу, чтобы вы нарисовали лето, — смущенно сказала Джамия.

— У меня есть картины, на которых нарисовано лето. Я тебе сейчас их покажу. А чтобы ты согрелась, сейчас поставим чай и будем его пить с яблочным вареньем.

Дядя Художник поставил чайник на печку и стал показывать картины с нарисованным летом. Джамия с большим интересом рассматривала нарисованные цветущие яблони, ярко-желтое подсолнуховое поле, растущие на зеленом берегу белые ромашки, голубое небо с ярким солнцем, от этого ей в самом деле стало тепло.

— Я согрелась от лета, — сказала она и даже сняла свое синее пальто и красную вязанную шапочку.

Затем все они вместе сели за стол пить чай с яблочным вареньем. Чай был вкусный, а еще вкуснее кисло-сладкое варенье. Джамия, хотя и знала, что это нехорошо, но не могла сдержать удовольствия и после каждого глотка с восторгом чавкала. Всем было хорошо в наполненной множеством картин теплой мастерской. Много говорили, много шутили. Дяде Художнику не хотелось расставаться с гостями, и только когда стало темнеть, он проводил их до автобусной остановки.

Джамия вернулась домой довольная прогулкой. Мама хотела позвать ее к столу кушать, но усталая Джамия прилегла на диван и тут же уснула. Мама пыталась ее разбудить — все было напрасно, тогда она осторожно раздела ее и уложила в кроватку.

Ночью Джамия кашляла, у нее болело горло, поднялась температура. Сквозь сон она слышала, как мама ругала папу за то, что позволил ей есть снег, и за то, что так долго гуляли на холоде. Мама и папа всю ночь ухаживали за больной Джамией. Наутро у нее совсем пропал голос. Она пыталась что-то сказать, но ни единого звука не выходило из ее рта. Мама сильно разволновалась и послала папу за лекарствами в аптеку. Каплан-гирей, как только поел, опять убежал на улицу. Мама пошла на кухню, чтобы приготовить что-нибудь вкусное. Джамия заскучала одна в комнате. Она встала с кровати и, взяв со стола альбом и цветные карандаши, легла обратно в постель.

Через некоторое время папа вернулся с лекарствами.

— Что ты делаешь? — спросил он.

«Я делаю лето», — хотела сказать Джамия, но у нее только шевельнулись губы.

Папа взглянул на рисунок и, увидев на нем нарисованное голубое небо, желтое солнышко, деревья с зелеными листочками и разные цветы, догадался, что Джамия рисует лето...

Вскоре Джамия выздоровела, но рисовать не бросила, рисовала каждый день... А когда подросла еще на год, то ее рисунок взяли на проходившую в городе выставку детского рисунка.

* * *

Предисловие к книге «Шел человек по улице», издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

Одни ищут уединения в степи, в горах; там они открывают для себя красоту природы, широко и вольно философствуют о бытии, о вселенной, там их посещают далекие от повседневности откровения. Другие замыкаются в кабинете или в дачном домике, где к ним нисходят великие догадки, где, струясь томительной дымкой, наплывают волны воспоминаний, и все чаще в этом уединении озаряются разные стороны их многогранной души.

Я же имею троих детей, многочисленную родню, и дома уединяться для такой цели мне практически невозможно: слышны голоса детей, игра соседа на пианино, то и дело кто-нибудь приходит или звонит; в дачном домике — то же самое: соседи по участку — среди них немало друзей — скорее

всего решат, что ты горюешь или чем-то опечален, если сидишь там наедине с самим собой и о чем-то там размышляешь; они непременно поторопятся на помощь, постараются облегчить, освободить мою душу от якобы гнетущих мыслей, попытаются любым способом отвлечь от них... Как объяснить им свое уединение? У меня свой характер, у них свои нравы.

Я живу в городе, поэтому получается так, что о душевных прогулках по степи или по горам даже и мечтать не приходится. Если и тешу себя, то лишь невеселыми воспоминаниями: «Когда это было — я скакал на коне и не мог наглядеться на вольный простор; когда это было — я поднимался по крутым тропам горного леса и, выйдя на альпийский луг, безмятежно любовался бело-голубыми ледниками?!» У меня для этих уединений есть улица. Улица родного аула, где прошло детство и начали открываться глаза на большой мир; улица города, где стоит мой дом, где родились дети и живут родители, где много друзей; улица столицы, где прошли студенческие годы...

По ней, по улице, проходишь, преследуемый воспоминаниями, размышляешь, сравниваешь впечатления...

Единственная в мире улица, обжигающая своей раскаленной пылью босые ноги, ты видишь на ней себя — мальчугана, бегущего и размахивающего от восторга ручонками... высоко в небе застыло знойное солнце, по обе стороны — исчезнувшие, и уже навсегда, саманные домики с камышовыми и черепичными крышами; с тобой бегут твои друзья, такие же босоногие и по пояс голые, с бронзовыми от загара лицами. Вечный веселый ребячий гвалт стоит над этой улицей. У знакомой калитки — редко выходящая из дома, старенькая, с белым морщинистым лицом бабушка, она зовет тебя, а ты не слышишь и бежишь. Самая дорогая, самая теплая и близкая сердцу улица! Окажись ты на сверхсовременных проспектах и площадях в любой точке мира — она всегда будет тебе видеться и сниться...

И студентом, проходя по улицам столицы, поражаясь ее громоздкому великолепию и огромному труду, вложенному людьми в ее застройку, я все же непременно представлял, что она начиналась с таких же, как и моя улица детства, пыльных и теплых улочек. Они и сейчас видятся мне, заслоняя иногда в воображении каменные громады. Но они дороги мне еще и тем, что хранят живую память о многих великих наших предшественниках. Только возле Тверского бульвара, где в Доме Герцена расположен памятный тебе на всю жизнь Ли-

тературный института, улицы носят имена Пушкина, Горького, Герцена, а общежитие краеугольным камнем соединяет улицы Добролюбова и Руставели. Восхищаешься оставленным нам опытом, каждый памятный камень вызывает благоговение, перед глазами оживают страницы истории, губы восторженно шепчут незабываемые строки, а главное, помня о жизни великих, сверяясь с ними, как с образцом, мысленно прокладываешь и свой путь...

А вот улица, на которой ты живешь. Твой громадный четырехквартирный дом в девять этажей, в нем можно поселить жителей целого аула. Аллея из каштанов и лип, новый театр, напоминающий большой желтый пароход; но встречаются и крашенные в разные цвета заборы и за ними одноэтажные домики с садами и огородами. Эта улица утвердилась в сознании своей обыденностью, здесь проходят будни, здесь ты весь сегодняшний, живущий сейчас. Проходя по ней, ты чувствуешь себя хозяином: здесь ты сажал деревья, прибирал улицу на воскресниках, украшал ее к праздникам, ты видел здесь все перемены, радовался, когда строили новый дом, сожалел, когда сносили примечательное здание...

На улице мне и встречаются мои герои: реальные и вымышленные.

Они идут вместе со мной, они делятся самым сокровенным, я вживаюсь в них, а они — в меня. Главное, — что я вижу их, вижу идущими. Они — живые, они — как я сам...

Одни застенчиво улыбаются, хотят пройти незаметно, я окликаю их, расспрашиваю о печалях и радостях. Другие сами догоняют меня, представляются, сумбурно или же лаконично, иногда с подробностями ведут свой рассказ. Третьи глядят на меня из окон многоэтажного дома или высовывают голову из-за почерневшего плетня; они молча приветствуют меня, я зову их на улицу — они идут со мной, стыдливо повеествуют о своей несложившейся жизни или, горячась, торопливо изливают наболевшее.

Мой герой идет вместе со мной.

Его откровения становятся и моими, его радость переходит ко мне, его печаль становится и моей печалью. Мы вместе отбрасываем ненужное, освобождаемся от лишнего, суетного...

Глубокой ночью я сажусь за письменный стол. Я пишу о том, как «шел человек по улице». Человек идущий. Человек, оставляющий след.

Мой герой воздействует на мой характер, на мои мысли, на мои чувства. Был бы рад, если и я смогу воздействовать на читающего мои книги моего героя.

Из дневников разных лет

* * *

Часто в снах я общаюсь с совершенно незнакомыми людьми. Что интересно: в снах я никогда не одинок, наоборот, чувствую себя в горниле жизни. И, напротив, наяву я себя чувствую совсем одиноким, и общение с людьми тяготит меня.

* * *

Мысль о том, что люди на земле в роли командированных на некоторый срок, сама по себе не нова. В разных интерпретациях она высказывается издревле. Мне же кажется, что наше присутствие на земле всего-навсего временное перевоплощение материи. Пожив свое, мы уйдем в землю, удобрим ее, нашими останками насытятся пресмыкающиеся, а их и растения, которые вырастут из нашего удобрения, поедят животные, хищники, а их — в свою очередь — люди. Мы — что вода, земля, камень, дерево, трава... Часто мое внимание привлекает река. Я считаю, что она думает. А почему нет. В самом деле, реку можно повернуть в любую сторону, чаще она сама поворачивается куда ей надо, ее можно иссушить, убить, изменить ее состав, образ жизни. Наконец, она издает звуки, в которых слышится радость, беда, покой. У нас в стране покоряют реки — о том, как их калечат, сказать может только сама река.

Карабатыр

Рассказ

Я вспоминаю аул моего детства и тогда вижу его лицо — лицо старика ногайца. А может быть, это и есть лицо аула? Ведь неотделим же лик человека от лика земли. Единственное абрикосовое дерево на его пыльном, соседствующем с нами дворе мне является иногда тоже в облике старика. Ведь люди и деревья бывают так похожи, если к ним внимательно приглядеться.

Порою мне кажется, что все это было очень давно, когда еще не существовало городов, а бескрайние ковыльные степи вздрагивали только под копытами ногайских лошадей, таких же неутомимых, как их всадники.

Вот он мчится ко мне, всадник, сквозь вихрь тысячелетий, и я узнаю в палящей дымке скуластое лицо старика ногайца за нашим плетнем. Вижу идущего на привязи сменного его скакуна. Всадник не хочет терять времени на остановки. Вот он выхватывает из тороки кусок пропитанного лошадиным потом вяленого мяса... Вот припадает иссохшими губами к небольшой ранке на холке коня, чтобы утолить жажду струйкой свежей крови...

Но куда и зачем спешит этот человек?

У ногайского народа черный цвет всегда был в почете. Кара-тенгиз — Черное море, ближайшее из морей. Не за темные воды так оно прозвано, а за необъятность свою; море бескрайнее, словно ковыльная степь. Орел-каракус — черная птица. Нет величественней этой птицы в небе! Кара-халк — черный народ. Так подчеркивали древние ногайцы силу и многочисленность своего народа. Карабатыр — черный богатырь. Так зовут моего старика за нашим плетнем. Редкое по теперешним временам имя. Имена, как и мир, тоже меняются.

Мне кажется, что он никогда не знал минут радости. Вся его жизнь была борьбой за существование. Замкнутый, осторожный, ко всему враждебно-недоверчивый, готовый, казалось, в любую минуту к коварной хитрости... Разве это не повадки древнего кочевника? Но почему он остался таким и потом, когда все вокруг менялось в лучшую сторону?

Наши дворы разделял плетень, облепленный заплатами кизяка. Бабушка любила топить печь кизяком, хотя дров у нас

было предостаточно. Среди ивовых прутьев плетня я знал одно место, откуда можно было увидеть двор старика Карабатыра. Возле саманной сараюшки на привязи всегда понуро стояла лошадь. Даже когда вышел запрет, старик все равно не расстался с лошадью: возил фураж, воду на полевой стан... В колхозе махнули на него рукой и оставили ему конягу. Они вместе состарились. Как давние товарищи, молча и привычно занимались своей работой: косили сено в дальней балке и отвозили его домой, запасали на зиму.

Я мог часами смотреть на эту лошадь, с хрустом жующую овес. У моего дедушки (тогда я жил у старшей сестры отца, ее я называл бабушкой, а ее мужа — дедушкой) были серый ишак и арба. Но разве сравнишь ишака с лошадью?! Этот ишак мне давно осточертел, я даже перестал на него взбираться, а при случае исподтишка норовил отхлестать ивовым прутом или забытой дедушкиной плетью. Потом этой же плетью доставалось и мне.

А если вдруг во дворе Карабатыра не оказывалось лошади, я все равно часами мог глазеть то на кур, то на кучу круглых речных камней, оставленных здесь еще со времен строительства дома.

При появлении старика я с непонятным испугом отводил глаза, но потом снова льнул к щели, понимая, что он меня не видит. Особенно было жутко, когда я ловил устремленный в мою сторону колючий взгляд. Со всех ног я несся к дому, а старик, загоня кур, злобно кричал: «Вот я вас, собачье отродье...» Но все же у высокого нашего порога я перебарывал страх и оглядывался, успевая заметить, как старик нагибался, хватал камень и кидал в бестолковую домашнюю птицу.

Ох, и боялся же я Карабатыра! Но тогда чем же он притягивал меня, что в нем мне казалось таинственным, что так будоражило мое детское воображение?

Жил он бедно. Но бедность эта не вызывала в ауле жалости к нему. Одет всегда был в посеревший старый ватник, ветхие залатанные ватные штаны. Потертая кожаная шапка-ушанка, побуревшие от времени кирзовые сапоги. Носил он это и летом, и зимой.

Небольшой дом из трех комнат тоже был стар. В нем жили, кроме старика и старухи, еще и сын с семьей, и вдовая дочь с детьми — всего десять душ. Как они там размещались — уму непостижимо!

Говорят, был у Карабатыра еще один сын, старший. Он давно отделился и жил на другом конце аула. Еще поговаривали, что сын жил неплохо и совсем забыл про отца. Старик получал скромную по тем временам пенсию. О них так и говорили: «В этом доме и родственник, и друг — бедность». И еще ногойцы говорят: «Ярлылык — ялгызлык». Бедность — это одиночество. Может быть, потому наши соседи жили столь замкнуто?

На улице Карабатыр нехотя кивком отвечал на приветствия и молча проходил мимо. Люди знали его таким всю жизнь и не осуждали. Не осуждали даже за то, что, дожив до седых волос, Карабатыр не посещал ямагат, где собирались его ровесники поделиться новостями и обсудить дела.

Я не помню случая, чтобы Карабатыр переступил порог нашего дома, не помню его, заглядывающего к нам через плетень, — ведь могут же соседи перемолвиться словечком. Нет, такого не случилось. Ни жена его, ни невестка, ни внуки никогда не заходили в чужие дворы. Все это было для меня удивительно, но не настолько, чтобы разбираться и задумываться, — все было привычным.

Однако через двор Карабатыра, от следующих соседей, мы носили колодезную воду для домашней скотины. Точнее сказать, носил я. Бабушка всегда ругала меня за то, что хожу через чужой двор. Но мне, маленькому, невмоготу было с тяжелым ведром делать лишний крюк по улице.

Я знаю, почему еще ворчала бабушка. У аульчан, как, наверное, и всюду, существовала примета: человек с порожними ведрами приносит беду и разорение встретившемуся. Вот и ждал я случая, когда двор старика оставался пуст. Очень уж не хотелось тащиться вокруг. Иногда все же мне попадался навстречу сам старик Карабатыр. Затаив дыхание, я проходил мимо, не сказав обычного: «Арувсизбе?» («Как ваше самочувствие?»). Всем взрослым я говорил эти обязательные слова — кроме старика соседа! Мне было мучительно неловко и стыдно оттого, что я не поинтересовался здоровьем старшего. Но, может быть, в этом был отчасти виноват он сам?

Однажды, когда я уже подрос и легко мог нести ведро с водой, я все же отправился к колодцу через двор Карабатыра. «Арувсизбе?» — пролепетал я ему, но он даже не повер-

нул головы в мою сторону. Старший его сын тоже не отвечал мне на приветствие, но тот хотя бы взглядом давал понять, что меня слышит и видит. Жена старика хотя и равнодушно, но всегда тихо отзывалась: «Хорошо, душа моя».

Как-то, возвращаясь через соседский двор, я не заметил в огороде старика (он, согнувшись, окучивал картофель), да еще и забыл закрыть на крючок калитку. И лишь когда калитка за моей спиной резко хлопнула, я оглянулся и встретился с черными жгучими глазами Карабатыра. С его сомкнутых губ готово было, как мне показалось, сорваться проклятие. Но он промолчал, лишь чуть улыбнулся — то ли презрительно, то ли обиженно. Я отвернулся и заспешил к дому.

Таким он бы, наверное, и остался в моей памяти — молчаливым, неприветливым, внушающим непонятный страх, с суровым лицом и колючим взглядом, — если бы не тот день. Произошло это весной. Бывают такие весны, которые запоминаются потом на всю жизнь. И у меня была эта весна...

Небо сияло ясной голубизной. Вдали отчетливо блестели серебряные вершины гор. Близкие равнины покрылись яркой зеленой травой. Пригревало солнце. Пришла пора цветения абрикосовых деревьев. Цвели они и в нашем саду. И цвело единственное дерево у старика Карабатыра. Оно росло перед огородом, где только что посадили картофель и еще не сравнялись свежие лунки. Под деревом лежало старое бревно, на котором теперь часто сидел, грелся на солнышке старик. Прежде чем убежать на улицу к ребятам, я, по обыкновению, прильнул к плетню. Увиденное там, в соседнем дворе, меня поразило. На фоне черных перекопанных рядов картофеля, словно в какой-то сказке, светилось цветущее абрикосовое дерево. На бревне застыл старик, откинув обнаженную голову, подняв лицо к солнцу. Старая кожаная шапка лежала у него на коленях. Короткие серебристые волосы, казалось, тоже излучали легкое свечение. И смуглое морщинистое лицо старика было освещено нежным бледно-розовым светом. Глаза его были закрыты, а костлявая, черная от работы рука машинально гладила серебристый ежик на голове, лоб, щеки, подбородок. Лицо было каким-то отрешенным, но ему блуждала странная, блаженная улыбка. И от этой улыбки, как мне показалось, тоже исходил розоватый свет. Может ли быть такое, чтобы лицо человека источало свет? А может

быть, это сама душа проснулась, очнулась — и засветились? Да, именно так! Так я думаю и по сей день.

Впервые я долго смотрел на старика и не боялся. Он гладил голову, лицо, наклонялся к земле, показывая макушку с щеточкой поседевших волос. Улыбка не сходила с его губ. Потом, не меняя выражения лица, он повернулся в мою сторону. Наши взгляды, казалось, встретились, но я не отступил боязливо, как, бывало, раньше, а продолжал смотреть, ведь он не мог видеть меня. Вдруг Карабатыр раскрыл рот.

— Мальчик! Иди сюда, — по-стариковски ласково окликнул он меня.

От неожиданности я почувствовал дрожь в коленках, присел. «Неужели он меня видит?» — мелькнула мысль.

— Не прячься, я тебя вижу, — сказал Карабатыр все тем же ласковым голосом.

Словно пойманный на месте преступления, уличенный в чем-то нехорошем, постыдном, я готов был провалиться сквозь землю. Мои ноги подогнулись, и я чуть ли не ползком, осторожно пробрался в сад, перелез через глиняный заборчик и побежал на улицу к приятелям, желая лишь одного — поскорее забыть о происшедшем.

Целую неделю — а это совсем немало для детской памяти — я не мог забыть о случившемся и пуще прежнего боялся встречи со стариком. Ведра с водой таскал в обход, боясь и на улице попасться ему на глаза. Но проходили дни, воду носить было надо — теперь уже двумя ведрами: хоть и тяжело, зато вдвое быстрее. По старой привычке я заглянул в соседский двор — он был пуст. И я рискнул. Сгибаясь от тяжести ведер, я заторопился, желая побыстрее пересечь чужую территорию, и тут мне навстречу вышел из сараюшки Карабатыр с щеткой для чистки лошади. Увидев меня, он улыбнулся, как тогда под деревом. Его зубы сверкнули на солнце.

Деваться было некуда, и я робко проговорил:

— Арувсизбе?

— Арув, мальчик, — неожиданно ласково отозвался он. Потом показал на то место, где я всегда стоял за плетнем, и добавил: — А ноги твои я всегда вижу...

Плетень ведь не доходил до земли, внизу была щель — как я о ней раньше не подумал? И мне вдруг сделалось отчего-то легко и светло. Я облегченно вздохнул, с благодарнос-

тью посмотрел в черные глаза старика. Нет, теперь я не боялся его. И совсем не страшное у него лицо! Я глянул на единственное абрикосовое дерево в его дворе — оно излучало, как и тогда, розовый свет. Потом я снова посмотрел на старика, и мне опять показалось, что это свечение исходит и от его смуглого обветренного лица, глаз, улыбки.

Он больше ничего мне не сказал. Я пошел к себе, чувствуя необыкновенную легкость в руках — не так уж и тяжелы два ведра с водой.

Я люблю подолгу всматриваться в картины художников-портретистов. Иногда мне ничего не удастся разглядеть такого, чего бы хотела, наверное, встретить моя душа. Но порою лицо на полотне вдруг оживает, и я ощущаю это трудноуловимое, но в то же время явственное свечение. Так, наверное, бывает с подлинными произведениями искусства. Свечение это для меня всегда несет легкий розоватый оттенок, как у того абрикосового дерева, как у лица старика, сидевшего под ним.

Не знаю, может быть, у других это свечение имеет иные оттенки?

Давно нет старика Карабатыра, нет и его двора с абрикосовым деревом и лошадкой, хрумкающей овес. Разросся и приобрел современный облик аул моего детства. Но мне все время кажется, что это было со мной не тридцать и не сорок, а может быть, тысячу лет тому назад, когда ногайская ковыльная степь заполнена была стуком копыт и свистом плетей. Я оставляю моего старика там, в глубине веков. Потому что история скупа и доносит до нас лишь память о жестоких битвах, о переселениях целых народов, о смене общественных формаций. Трудно в ней разглядеть одинокое абрикосовое дерево и сидящего под ним старика ногайца. Я его оставляю там еще и как укор той роскоши, в которой утопали неизвестные мне владыки. А он был простым тружеником, кочевником, недоверчивым и осторожным в том враждебном и опасном мире. Но и у него были минуты, когда он ощущал себя частью земли, частью солнечного мира, когда он радовался и поклонялся земле и солнцу. Эту способность древние передали нам, сегодняшним людям.

Я верю, что и там, за стеной тысячелетий, существовали такие же понятия, как и у нас, — теплота и нежность...

Окно в будущее

Рассказ

Передо мной чистые листы бумаги и необходимость их заполнить: я должен написать рассказ. Считается, что в рассказе обязательно должны быть острый сюжет и драматический конфликт, но всего этого нет сейчас в моей душе. Такие рассказы мне вообще редко удавались, обычно приходилось заставлять себя искать острые ситуации и исключительные состояния для своих героев; рассказы эти, может, и нравились кому-то, но я никогда не был ими доволен.

Я часто задумываюсь: нельзя ли просто рассказать о том, чем живешь и что чувствуешь?

Последнее время я веду борьбу со своим внутренним редактором. Купил для этого фотоаппарат и магнитофон. Фотографировать я стараюсь внезапно и то, что еще не успел оценить, осознать полностью. И записываю без подготовки, случайно — опять-таки для того, чтобы сохранились искренность, непосредственность, безыскусность.

Много раз я оставлял магнитофон включенным, думая, что собеседники его не заметят, но толку мало: сплошь паузы и обрывки ничего не значащих фраз, иногда даже невозможно представить себе интонацию говорящего...

Но одна запись все же кажется мне интересной — это запись моей беседы с односельчанином Асаном.

Мы сидели с Асаном в его маленькой летней кухне, он пил вино. Пил он не только со мной, но и со всеми, кто помоложе. Причем, пил Асан на дармовщину. Одни, как я, не могли отказать ему, другие магарычом выказывали свое почтение к его годам. Асану за шестьдесят, а жена у него моложе лет на пятнадцать. Она слыла сварливой бабой, и соседки сторонились ее. Работала она на стройке в городе, дорабатывала до пенсии. Пьяницу Асана не бросала только потому — так считали люди, — что ему принадлежали дом и огород. Асан получал немаленькую пенсию, и хотя часть денег пропивал, больше половины уходило в карман жены, она бережливо откладывала; а жили они за счет своего хозяйства. Так считали люди. И это была правда. Бага была еще не старой женщиной, ребенка у нее от Асана не было, любви к нему тоже. Уйдя на пенсию, Асан совсем одряхлел и с трудом справлялся с хозяйством. Деваться ему было некуда, а жена имела над ним власть, и если он вдруг отказывался что-то делать, со двора слышалась осатанелая брань.

В тот день мы забрались в их маленькую кухню. А надо заметить, что супруги постоянно здесь жили, потому что — аульчан и на этот счет свое мнение! — Бага берегла дом от «вонючего старика» (так она называла старика Асана). Мы сели за низкий столик — сыпру. Асан достал из ветхого комода твердый домашний сыр, луковицу и домашний хлеб с обгорелой коркой. Я разлил вино по стаканам. Асан тяжело дышал, но, когда пил, охал, выражая этим свою радость. Он не закусывал и ничего не говорил. Видя, что я скучаю, он несколько раз заросшим седой щетиной подбородком поводит в сторону телевизора — предлагал что-нибудь посмотреть. Я отказывался, потому что телевизор мне и дома осточертел. Сам Асан не смотрел телевизор и только оглаживал ладонью свою щетину. Обычно я не переносу пауз и всегда стараюсь как-то их заполнить; спрашиваю о чем-нибудь или рассказываю какие-нибудь истории. В этот же раз я был сердит на Асана и никак не мог успокоиться. Своего недовольства я ему, как старшему, конечно, не высказал и поэтому ждал, пока оно пройдет. Когда Асан хотел выпить, он подходил без всякого стеснения. Но на этот раз я был занят работой во дворе. Асан же, видя мою занятость и нежелание связываться с ним, пристал как банный лист.

— Сынок, голова разламывается, — канючил он и ходил следом по всему двору, просительно глядя на меня воспаленными от вина глазами.

В конце концов я не выдержал, достал деньги и протянул ему, сказав, чтоб он послал кого-нибудь в магазин. Но тут он вместо того, чтобы поблагодарить, буркнул:

— Ноги еле носят меня, сам знаешь, так что кого-нибудь пошли или сам сходи!

Я не удивился его поведению, ведь он и раньше так делал, но наглость его была возмутительна: мало того, что оторвал от работы; еще и посылает черт знает куда. Не знаю, почему он так вел себя: то ли помнил, что я городской и вежливый, то ли думал, что такая наглость — лучшее средство... Я ходил в магазин, но негодование мое усилилось, потому что я без надобности и без настроения сел за выпивку. Чего это ради я должен испытывать себя и свои нервы и чего ради пить, когда не хочется, — да пусть катится он на все четыре стороны. Захотелось убраться восвояси. В этот момент Асан негромко кашлянул и, посмотрев мне в глаза, доверительно

произнес мое имя, после чего сделал вид, что задумался. Я, ожидая от него чего-то важного, на всякий случай нагнулся и включил свой магнитофон. Но надежды на содержательный разговор у меня не было, потому что Асана я знаю давно и ничего путного никогда от него не слышал.

— Иса, — повторил он опять мое имя, — разве думал я когда, что буду таким... Мать твою... — выругался он безадресно. — Ноги не держат... — Легким движением руки он хлопнул себя по колену.

Возникла пауза.

— Умру я скоро, — тихо сказал он и сжал губы. Опять помолчал некоторое время. — А ведь я в ансамбле танцевал, — как-то пронзительно-тоскливо добавил он.

— Ты танцевал?! В ансамбле?! Каком?! — Я был очень удивлен. Я знал, что личность Асана примечательна только одним — тем, что до войны он был вором. В воровском мире у него была кличка Дырявый, данная ему за то, что он мог пролезать в любую щель, хотя в тюрьмах «дырявым» называли за другие неприглядные качества и, какой бы она ни была унижительной и не соответствующей действительности, она прилипла к нашему земляку.

Кличку эту знали в ауле, и даже мальчишки, озорничая, называли его так. Правда, и я, и подобные мне, не склонные к унижающим шуткам люди стеснялись называть его так. В молодости он был вор знаменитый и любил порассказать о своих приключениях, но за последние десять лет поостыл к своим «подвигам». Понял, видно, что ничего героического тогда не совершил. В войну Асан смывал свой позор в штрафных батальонах и даже заслужил боевые награды, но стать другим человеком так и не смог: во-первых, по-прежнему дебоширил, дрался, не раз сидел за свои выходки. А вот о том, что Асан был танцором, я не слышал, и это никак не укладывалось в голове.

— Да, танцевал в «Эльбрусе», — повторил он.

— В «Эльбрусе»? — Я был поражен, услышав название ансамбля, известного не только в области, но и по всей стране. — А в какие годы?

— Тридцать пятый, тридцать шестой. Совсем мальчишкой был. Сбежал из ансамбля в Киеве и к блатным пристал... — Он замолчал на полуслове, потом добавил: — Танцевал я... И как танцевал! — Он еле слышно цокнул языком. — Умру я

скоро. — Последние слова он произнес просто, будто констатировал факт.

Обычно, говоря такое, ищут сочувствия. Но я — и это самое удивительное — выслушал его без всяких сантиментов. Я прямо посмотрел ему в глаза. Он же отрешенно глядел на стол, и лицо его ничего особенного не выражало.

Мы посидели молча. Вспомнив о включенном магнитофоне, я выключил его.

Потом налил вина Асану.

— Ты меня очень удивил, — рассмеялся я.

— Так-то, — заключил он, но как-то рассеянно.

Эта запись и по сей день представляет для меня немалый интерес. Я чувствую, что этот небольшой диалог содержал нечто большее, чем записанный разговор... О том, что он скоро умрет, Асан сказал так, будто сделал ничего не значащее сообщение, и я проявил к его словам полное равнодушие. Видимо, в этом разговоре я проникся его состоянием и отреагировал на его слова так, как отреагировал бы он сам. А ведь я никогда не был черствым человеком, проявляю сочувствие даже из-за мелочей. Я много раз прокручивал эту ленту друзьям, и ни у кого слова Асана не вызывали сочувствия. А те, кто его знал, говорили: «Правильно, умрет», — и равнодушно пожимали плечами.

Я задумывался: почему же мы все так безразличны к словам Асана? Наверное, оттого, что знаем, как много умирает молодых, красивых, добрых, благородных людей, смерть которых потрясает живых. А кто такой Асан? Вор, дебошир, многоженец, пьяница, наконец, просто старик, которому давно пора умирать, так что пусть благодарит судьбу, что дала ему больше шести десятков лет...

Так, наверное, рассуждали все, слушая его старческий голос.

И все же я поражался, что отношусь к словам Асана столь рассудительно. Меня всегда возмущала мысль о том, что конечный пункт человеческого бытия — смерть, и считал это высшей несправедливостью нашего мира. Особенно жутко было, когда я видел мертвого, меня поражало, что человек, который за день до этого дышал, ходил, разговаривал, смеялся, мыслил, — исчез, будто вовсе не существовал. А теперь я не ужаснулся даже тогда, когда представил себе бедного Асана мертвым и в облике совсем не человеческом. И

на ум мне пришла ногойская пословица, в которой выражено спокойное отношение к смерти: «Душа человека, как душа мухи: есть она — и нет ее!»

Вот сколько размышлений дала мне эта мало о чем говорящая запись... Остальные записи у меня так себе. Фотографии, конечно, более привлекательны. Ну, раз уж речь зашла об Асане, можно посмотреть и фотографии, тем более что их не так много.

После того разговора я заинтересовался танцевальным прошлым Асана. В списках «Эльбруса» значилась его фамилия: «Асан Рашидович Мамбетов, родился в 1919 году в ауле Эркин-Юрт, по национальности ногоец». Просматривая довоенные документы, я обнаружил и его фотографию. Она ничем не отличается от фотографий тех времен, сверху даже надпись есть: «Привет с Кавказа». Низкорослый, худощавый Асан, одетый в национальный костюм, с кинжалом, стоит на носках, подняв левую руку над головой, а правую вытянув в сторону так, будто готов взлететь. А самым примечательным на снимке были глаза Асана, устремленные — по правилам фотоискусства тех лет — прямо в объектив. Если хорошо приглядеться, в этих глазах можно было найти какое-то мальчишеское озорство. В целом же фотография не представляет никакой ценности. Мои были намного интереснее. В них Асан не позировал, и сам я фотографировал внезапно, заставая человека врасплох и даже сам не успев подумать о будущем снимке.

Вот хотя бы эта фотография... На ней запечатлен сидящий за столиком-сыпра Асан, в его правой руке стаканчик с вином, а в левой он, приподняв, держит початую бутылку. Асан жадно смотрит на бутылку, и на его морщинистом лице необычное изумление. Я и думать не думал о будущем снимке, тогда я собирался сфотографировать своих друзей, помогавших мне в строительстве пристройки к дому, но когда, захватив фотоаппарат, шел к ним, то застал Асана и, не задумываясь, щелкнул затвором. До этого мы обедали все вместе. Асан знал, что никакая талака (коллективная помощь) не обходится без выпивки, и с самого утра вертелся рядом. Для друзей я припас бутылку, но, видя, что Асан не отстает от нас, послал, как водится, мальчишку за его традиционным «черным» вином (так в ауле называют дешевое ягодное). Мои приятели, поев, снова взялись за работу, а Асан остался со

своим вином и, пока никого не было, решил полюбоваться на свое богатство — в этот-то момент я и щелкнул затвором фотоаппарата.

Раньше, когда Асан работал, он имел при себе наличные деньги и каждый день выпивал по две бутылки: одну утром, другую вечером. И тогда, и сейчас он почти ничего не ел, только пару сырых яиц выпивал да маленькую чашечку сметаны. После ухода с работы с наличными стало туго, жена получала его пенсию, и на выпивку ему почти не перепало. Теперь он мог рассчитывать только на случайное угощение. С утра Асан выходил и узнавал, где какое торжество, без особой назойливости вертелся там, и его не оставляли без внимания.

Я смотрю на фотографию и ощущаю радость Асана. По глазам видно, что у него осталась только одна радость в жизни и одна-единственная мечта — иметь каждый день драгоценную бутылку «черного» вина. Я смотрю на фотографию и не понимаю: куда же подевалась остальная жизнь Асана?

Через руки Асана прошло видимо-невидимо денег, и аульчане еще помнят времена, когда он швырял их направо и налево. Помнят и о том, что у Асана был когда-то целый миллион. Еще до войны встретился с ним в Донецке аульчанин, после недолгого разговора Асан раскрыл чемодан, который до отказа был набит деньгами, и предложил земляку взять, сколько тот хочет... Только земляк понял, что дело тут нечисто, и постарался избавиться от него поскорее. В ауле лет двадцать рассказывали хабар о том, как Асан с миллионом разъезжает по стране.

— Скажи, был у тебя миллион, правду люди говорят? — спросил я как-то.

— Мать их так, эти деньги! Из-за них меня тогда посадили! Толку-то от того, что был?.. — пробормотал Асан, но истории с миллионом так и не рассказал.

А фотография получилась неплохая. Можно было бы и на фотоконкурс послать, но воспротивятся члены жюри — кто такой Асан, скажут, для нашего здорового общества? У нас много красивых и замечательных людей, а если уж вскрывать недостатки, так делайте это на других, более ярких примерах! Да, члены жюри всегда бывают беспощадны к таким маленьким людям, как Асан. Поэтому я храню это фото для себя, хотя где-то в глубине души надеюсь, что когда-нибудь оно может заинтересовать многих. Все может быть...

А вот другая фотография... Она менее удачна в художественном отношении, но в ней больше информации. На фото Асан и его жена Бага, они снимают с веток какого-то дерева крупные плоды. Что это за плоды, невозможно разобрать. Все, кто видел фото, с трудом угадывали в этом дереве вишню, и многие даже решили, что у нас в ауле есть другие, похожие на вишню деревья, дающие такие большие плоды. На самом же деле это были красные и белые тыквы, повисшие на вишне. Весной или ранним летом во время прополки Асан закинул длинные стебли на дерево, — без всякого умысла, чтобы не мешали полоть сорняки, — стебли отросли, дали плоды, а осенью урожай пришлось снимать с дерева. Как сейчас помню, чтобы сфотографировать, я окликнул Багу, и она так и вышла на фото, обернувшись к обществу. Правда, она мало на себя похожа, узнаваем, пожалуй, только хитрющий оскал ее, а цвет лица получился темноватым, хотя на самом деле она белокожая. Зеленые глаза, конечно, тоже не удались; еще на снимке у нее плотно сжаты губы, можно подумать, что от нее слова не добьешься, а ведь в жизни Бага, как я уже говорил, очень крикливая женщина.

После того как Асан ушел на пенсию, она сильно его подмяла. А ведь Асан и старый был не из тихих мужей, в ауле он имел шесть жен, но ни с одной не поладил. Может быть, оттого, что мужчин было мало в послевоенную пору, а может, находили какие-то достоинства в его внешности, но женщины шли за него, не страшась горькой участи своих предшественниц. Асан пил, дебоширил, жены вечно ходили в синяках и уходили, когда жить с ним становилось уже совсем невозможно. В первые годы Бага тоже получала от него немало тумачков, но свое выждала. Она и сама не раз бывала замужем, и основной причиной разрывов был всегда ее заносчивый характер. Когда они только сошлись с Асаном, аульчане говорили, что это достойная пара, потому что их ссоры и крики ставили на ноги всю округу. В соседнем ауле, откуда она родом, у Баги жила дочь с зятем, да и отец был жив, аульчане поговаривали, что ради них Бага и доживала свой век. У Асана тоже были дети от разных жен, но никто из них не навещал старика. И сам он не питал никаких родительских чувств, по крайней мере о детях своих никогда не заводил речи, а если кто упоминал о них, говорил, что ему до детей дела нет, матери сами рожали, сами пусть и расхлебывают

свое горе. Бага всеми силами старалась взять верх над Асаном, а он долгое время продолжал упорствовать и при случае показывал свой норов, хотя с каждым годом становился все податливее и в конце концов подчинился.

Уход за огородом и скотиной полностью лег на плечи старого Асана. Со скотиной он справлялся, а вот на огород силенок не хватало, старость сказывалась. Бага прибегала к разным уловкам, а самым верным средством было обещание поставить ему бутылку. Асан очень одряхлел, Бага повсякому обзывала его, и, как уже было сказано, прозвище «вонючий старик» просто прилипло к нему. О какой-то любви или человеческой привязанности супругов трудно было говорить. Бага работала на стройке наравне с мужчинами, и по всему было видно, что ее энергии хватит на двух Асанов. Всем было ясно, что она ждет смерти мужа, чтобы забрать себе дом, продать его, а потом уехать к себе, туда, где жил ее отец. Этим соседи и объясняли наглое поведение Баги. Асан хотя и слыл вором, но, сколько помнила округа, до Баги в ауле ничего не пропадало. Сам Асан не раз заявлял:

— Я курятником никогда не был!

И вдруг у соседей Асана начали пропадать домашняя птица, утварь и вещи со двора. У одних — ведро и сковородка, у других — топор и кастрюля, а у молодых новоселов стали пропадать индюки. На Асана никто не хотел думать, и соседи только говорили о пропажах, не зная, кого подозревать. Както у тех же молодоженов, Ильяса и Алии, сняли с бельевой веревки новый, один раз надетый детский костюмчик. Кто-то из соседнего аула сообщил, что точно такой же видели на внуке Баги. Разговор этот дошел и до Баги, и та сразу же побежала во двор к молодоженам объясняться.

— Ротозеи! — кричала она. — Кого только не носит по улицам, а вы поразвесили свои вещи — взял кто-то, вот и все!.. А моя дочь месяц назад тот зеленый костюм на базаре купила!

— Бага, мы же ничего не говорим про тебя. У нас со двора стали пропадать вещи — разве это хорошо? Если говорим — только об этом... — Алиа не рада была, что пришлось связаться с Багой.

А та, чувствуя это, не унималась:

— Фабрика тысячи таких костюмов выпускает! И у нас с тобой платки одинаковые! — кричала она, показывая на свою косынку.

Следующий раз у соседа, с которым у них не были разгорожены участки, пропал мешок картошки прямо с порога дома. Пропал среди бела дня, за тот час, когда соседи отлучились по делам в сельсовет. Разъяренный сосед — звали его Мурадасил — не стал стесняться ни старого Асана, ни дерзкой Баги. Он обшарил весь их двор, ворвался в дом и из-под кровати вытащил свой мешок.

— Это что?! Бесстыжие! — орал Мурадасил, показывая на свой мешок.

Асан, ничего не сказав, потихоньку улизнул из дома, зато Бага, даже уличенная в воровстве, не сдавалась.

— Откуда известно, что это твоя картошка?! Ты что, на каждой картофелине свое родовое клеймо ставишь?! У нас тоже вон какой огород! Что мы, с голоду помираем?

— Нахалка! Мешок-то мой, вот, красная полоска у горла!

— У нашего мешка тоже полоска есть! — не сдавалась Бага.

Мурадасил унес домой свою картошку, а Бага оправдывалась потом перед всей округой: не знаю, мол, как появился в доме этот мешок с картошкой, может, «вонючий старик» приволок, чтобы на бутылку заработать.

Только люди не верили, что дряхлый Асан мог утащить мешок с картошкой.

Было ясно как день, что Бага ждет смерти старика, чтобы продать дом, а после — с глаз долой, а до тех пор вытворяла, что хотела.

Одного вида Баги пугались люди. Сухопарая, светловолосая, лицо красное, побуревшее будто от накипевшей злости, видно, что в любую минуту она готова ринуться в ссору. Хитрющие злые глаза. Вот они, отлично видны на фотографии.

Асан на снимке вышел жалким замухрышкой. Приплюснутая кепочка едва держится на голове, из-под тенниски видно худое и костлявое тело, и очень уж карикатурно выглядят его грязные, в пятнах брюки с широкими, как у запорожского казака, штанинами. При всем том Асан силится улыбнуться — это самое примечательное на фотографии.

О тенниске в лазурно-оранжевую полоску я еще расскажу, но прежде хочу вспомнить о другой фотографии. Снимок с изображением заката на Рижском взморье, наверное, один из самых худших. Это и понятно, ведь в черно-белом изоб-

ражении закат не мог получиться во всем великолепии красок. На самом же деле меня, жителя юга, эта божественная картина не только изумила — она показалась мне просто фантастической, я никогда не видел в природе ничего подобного. На фоне бледно-синего неба скучивались и громоздились тучи, в их расщелинах прорезались лазурные, оранжевые, сиреневые отблески солнца, небо казалось естественным продолжением моря, и закат предстал каким-то неведомым, сказочным царством. Он напоминал мне картины Чюрлениса, а точнее, наоборот, картины Чюрлениса напоминали этот чудный пейзаж. Я щелкнул закат со своего балкона в доме отдыха.

В тот самый момент, когда я это сделал, мне привиделся мой далекий аул на Кавказе и Асан, сидящий па табуретке в своем дворе. На нем была та самая тенниска в лазурно-оранжевую полоску. И я вспомнил наш давнишний разговор.

— Из Риги прислали, — сказал Асан, указывая пальцем па тенниску.

— Кто? — удивился я.

— Дочка, — виновато улыбнулся Асан.

— У тебя в Риге дочь? Что же ты раньше про нее не рассказывал?

— А что рассказывать? — махнул рукой Асан.

— Ты в Риге жил? — не отставал я.

— Было дело... Еще она теплое белье прислала. Бага продала. Зачем оно мне?

Асан отошел, явно не желая продолжать разговор.

Он направился к центральной улице, где хотел дождаться какого-нибудь мальчишку на велосипеде, чтобы послать за вином в магазин; видимо, Бага раздобрилась и дала на бутылку из вырученных денег. Я, немало удивленный сообщением о дочери, живущей в Риге, стоял и смотрел вслед еле передвигающему ноги соседу. Во время войны у него были изранены ступни, и раны на старости лет сказались, из-за ног он и ушел с работы. Пройти он мог не более ста метров, а после нужно было отдыхать, поэтому дальше угла своей и центральной улицы он никуда не ходил.

Продолжая начатую работу в огороде, я заметил возвращавшегося Асана и, бросив дело, направился к нему в летнюю кухню.

Асан, увидев меня, не остановился. Не обращая на меня никакого внимания, он торопливо откупорил свою бутылку и, как человек, измученный жаждой, едва переводя дыхание, отпил несколько глотков прямо из горлышка.

— Асан, посижу с тобой.

— Сиди, — великодушно разрешил он и снова прильнул к бутылке. — Хорошо! — вздохнул, ставя бутылку на стол.

— Асан, так Расскажи о своей рижской дочери, — как бы между прочим попросил я, хотя пришел, собственно говоря, именно за этим.

— А что рассказывать-то? Это когда я еще блатной был. Перед самой войной. Судьба закинула меня в Ригу. Пристроился я у одинокой бабы. Кларой звали. Ничего не утаил от нее, только главное скрыл, что вор я. Утром уходил, будто на работу, вечером возвращался, денег много, только на такси ездил. Однажды в дом меха и всякие безделушки принес — она и смекнула, кто я. Я рассказал ей все и ушел... В конце войны опять в Ригу попал, нашел Клару, пожил у нее несколько дней и снова — на фронт. После войны через Ригу возвращался, она мне уже дочку показывает, остаться просит, а я по аулу соскучился, новую жизнь захотел начать. Несколько лет назад дочка написала мне, а я уже писать разучился, и Бага не захотела писать... Так и не ответил. Да и что писать-то? Тут у меня от каждой по ребенку, никаких отношений с ними, какой я отец?.. Вот прислала, — и опять показал пальцем на тенниску...

Вспомнил я об Асане и его тенниске, и все остальное время, пока жил в Прибалтике, меня назойливо преследовал его образ. Иду ли берегом моря, сижу ли в кафе, мне так и видится Асан, устроившийся у себя во дворе на низкой табуретке. Я ездил со взморья в Ригу, и каждый раз в душе рождалось предчувствие, что я должен встретить латышку, жену Асана, или же его дочь. Я взволнованно вглядывался в лица проходящих женщин, стараясь распознать жену своего аульчанина, даже надеялся, что какая-нибудь из них догадается, что я из далекого кавказского аула, где живет ее Асан.

У меня в руках еще одна, последняя фотография Асана... На ней он снят со спины и держится руками за бельевую проволоку, протянутую в его дворе. В тот момент он был очень пьяный; приходил какой-то родственник с водкой, родственник ушел, а Асан, вышедший его проводить, не мог добрать-

ся до летней кухни; сделав несколько шагов, он приостановился, чтобы не упасть. Как раз перед тем, как мне его снять, Асана так качнуло, что я подумал, он рухнет на землю и никогда уже не поднимется. Но Асан, как утопающий за соломинку, уцепился за висящую проволоку. Перед этим я хотел подбежать к нему и поддержать, видя же, что мое беспокойство напрасно, щелкнул затвором фотоаппарата. Мне кажется, что этот снимок очень символичен. «У уходящего из жизни мы видим только спину», — так бы я назвал эту фотографию.

Я часто просматриваю фотографии Асана и слушаю ту магнитофонную запись. И сейчас, когда передо мной чистые листы бумаги, которые надо заполнить, образ Асана не дает покоя моей душе. Но внутренний редактор пресекает меня и говорит, что образ Асана недостоин того, чтобы быть описанным. Редактор сильнее меня...

Вообще-то об Асане можно было бы написать... Он воевал, а за взятие вражеского «языка» в Сталинградской битве даже награжден орденом. По рассказам боевых друзей, отчаянный и мужественный он был вояка, больше десяти «языков» самолично перетащил из-за линии фронта. Эта часть его жизни заслуживает быть описанной, но как умолчишь обо всем остальном. Его неудавшаяся молодость и неблагоприятная старость не годятся для рассказа, и руки мои опускаются.

Чистые листы бумаги неожиданно представляются мне окном в будущее, и я отстраняю их от себя. Включаю магнитофон:

— ...Ноги не держат... Умру я скоро... А ведь я в ансамбле танцевал... — раздаются пронзительно-тоскливые слова Асана Мамбетова.

80-е г.

(Комментарий издадека. В рассказах «Карабатыр» и «Окно в будущее» все события соответствуют действительности, но имена героев я специально изменил. Чтобы не обиделись родственники моих героев, ныне живущие в нашем ауле.)

В зоопарке

Медведь живет в железной клетке.
Пускай в неволе, но живой...
К нему играть приходят детки,
И крыша есть над головой.

Вокруг его железной клетки
Растут деревья до небес.
Из клетки видит мишка ветки
И думает, что это лес.

Хоть дверь распахнута нередко,
Медведь не думает бежать:
Он так привык к железной клетке,—
Не жизнь, а просто — благодать!

Чего ж ревешь ты, бедолага?
Да не реви ты, не реви...
Без клетки не пройти ни шага.
Живи... но только так живи!

* * *

«То, чего на свете нету,
Не догнать на скакуне» —
Наших предков мудрость эту
Довелось услышать мне.

Только, мудрости не внемля,
Здравый смысл не взяв в расчет,
На рысях прошел всю землю
Беспокойный мой народ.

В путь зовет степная лира,
И седлаю я коня.
Все, как Мусеке-батыра¹,
Нынче радует меня.
«Ты, туман, — моя дорога,

¹Мусеке-батыр — исторический герой, автор многих песен, жил в 17 веке

Покрывало — облака» —
В песне радость и тревога,
Ковылем звенят века!

Вечный странник, пел он много,
Славный подвиг — по плечу...
Так и я в конце дороги
Вечность обрести хочу!

* * *

Не тороплюсь я жить беспечно,
Жизнь оборвется — что с того?..
Я знаю, время бесконечно,
А это значит — нет его...

Перед пространством страх мне не дан,
На свете всех земель не счесть...
Простор был предками изведен.
Я твердо знаю, что
Я — есть!
Я — сын отца, я — сын народа.
Земля-кормилица — мне мать.
Мне высшая дана свобода —
Творить добро, любить, страдать!

Когда ж унизят вдруг надменно
Меня, пренебреженьем зля,
То я напому непременно:
Я так же вечен,
Как Земля!

* * *

Увы, история богата
Следами низости звериной —
Мы помним подлость Герострата,
Глумление над Кюль-Тегиним.

¹Кюль-Тегин — древнетюркский хан. Существовала аллея Славы, воздвигнутая в честь этого героя. Разрушена в древности.

Нам в школе с точностью отменной
Расскажут все про времена:
О разрушенье Карфагена,
Об униженье Вавилона.

О том, как алчные Тимуры
Наш край незвано навещали,
Сдирали с наших предков шкуры,
Селенья в пепел превращали.

В наш век нехватки нет в примерах —
Немало знаем мы историй
О всех фашистах-изуверах,
Про пытки, газ и крематорий.

Наш мир наслышан о подонках,
Которых мать вскормила грудью...
...Велик флейтист, игравший звонко
Один в долине, на безлюдье.

Простому каменщику слава,
Построившему дом в пустыне.
Да славится праматерь Хава¹,
Потомки чтут ее и ныне.

Будь славен тот, кому над страхом
Подняться гордо жребий выпал.
Святится пращур, что над прахом
Отца курган в степи насыпал!

* * *

Ночной мой город спит.
Темны под месяцем дома.
Знакомый вид. Стою
У своего окна. Темно.
Вдруг вижу я: вдали горит окно.
Под тем окном, как здесь,
Ночь без конца и дна,

¹Хава – библейская Ева.

И у окна тот человек
Все смотрит, смотрит в ночь
С таким же чувством, как и я.
И я не прочь пойти
На свет его окна.
Мы встретимся на полпути.

* * *

Солнце на меня глядит в окно,
Я же из окна на мир взираю.
Знаю, что идти пора давно.
Но куда? Зачем?..
Того не знаю.

В парк знакомый тихо я вхожу,
Повстречав знакомого, киваю.
По тропинкам долго я кружу,
Но зачем я здесь? Увы, не знаю!..

И, как будто что-то натворил,
Долго маюсь, от стыда сгорая.
А потом плетусь домой без сил
И живу, живу... Зачем? Не знаю...

Песня героя

Я тьме бросаю вызов свой!
Пусть враг мой
во сто крат сильнее
И ждет меня неравный бой —
Я струсить права не имею.

Не преклоню пред ним колен,
Не стану сожалеть украдкой
О том, что я не сдался в плен,
А выбрал смерть
в кровавой схватке.

Я знаю, враг неодолим,
Но сердцем гибель не приемлю:

Все грежу,
как схвачусь я с ним,
И в битве — он
падет на землю!

* * *

Когда придется умереть,
Я стану ветерком беспечным:
Мне очень нужно посмотреть
В глаза врагам своим извечным,
Тем, что, не пропустив ни дня,
Душили доблестно меня ...

Когда забудусь в смертном сне,
Я стану чист, как воздух горный:
Пусть детям дышится просторней
И легче, чем дышалось мне.
Хоть прекратится боль моя,
Незримо с ними буду я...

* * *

Живите, дети, подрастайте.
Пусть счастье светит вам в пути!
Мытарств и горестей не знайте,
Что нам пришлось перенести.

От испытаний плечи гнутся,
Седеют люди с юных лет.
Планета может содрогнуться
От всех лихих отцовских бед!

Не озирайтесь же напрасно
С опаскою по сторонам.
Позор — глядеть подобострастно
В глаза отпетым подлецам!

Открыто по земле шагайте
И знайте: страх преодолим!..
Живите, дети, подрастайте
И пойте голосом своим!

Ни эллину, ни варвару,
Ни Библии, ни Гомеру
Не преклоняюсь
И к ним не взываю.
Нет смысла...
Я — колючий кустарник,
Перекасти-поле,
Быть может, татарник.
Я оброс шипами,
Как раковой плотью.
Химическими снарядами
Мою почву взрыхляли.
Стальными танками
Меня истоптали.
Радиацией мира
Меня излучили,
Но до конца
Не замучили.
Ухищрений не знаю —
И потому
Ни эллину, ни варвару,
Ни Библии, ни Гомеру
Не преклоняюсь
И не взываю.
Нет смысла.
Я из ада ногоец.
Моя жизнь с нуля.
Я планеты младенец.

Аманакэй когда вернется?

Рассказ-быль

В жизни бывают моменты, когда, усталый от всех дрязг, от неприкаянности, не находя себе места ни дома, ни в обществе, ищешь одиночества, чтобы осмыслить собственное существование. Такое со мной случается зимой, особенно когда она успевает надоесть своими затянувшимися холодами, застоявшимся снегом, однообразными темно-синими сумеречными днями. Вокруг образуется беспросветная пустота, негде и нечем отогреть свою душу. В молодости я находил утешение в общении с приятелями, находил с ними какой-либо угол и проводил время за бутылкой, изливая скорее не приятелям, а самому себе все, что накопилось внутри. Удивительно, но это общение облегчало душу, с нее будто осыпалась ржавчина, исчезала инородная мутная накипь, очищенная таким образом душа готовилась растить новые всходы, заряжалась новой энергией. Теперь же общение за бутылкой мало чем помогает, хуже того: в этом видится что-то банальное, наивное. Может, от того, что сейчас в выпивке не видишь той радости, того озорства, которое было раньше. Да и приятели стали не те, во многих давно разочарован, потерял любопытство, с которым прежде познавал их характеры и повадки, ничем они не привлекают, общение с ними кажется напрасным времяпрепровождением.

Когда наступает такой момент, я тороплюсь уйти из дома и до изнеможения гуляю по прилегающим к дому улицам, по заснеженным аллеям центрального парка, при виде знакомых делаю жизнерадостное выражение лица, стараюсь показать, что озабочен важным делом, всячески скрываю, что на душе скребут кошки и подтачивает болезненная тоска. Я боюсь задерживаться возле таких людей, особенно возле тех, кто когда бы то ни было близко общался со мной. Я знаю, что никто из них не проникнется сочувствием к моему душевному состоянию, напротив, они даже могут порадоваться, что мне хуже, чем им. Поэтому с ними я более всего осторожен, быстро обмениваюсь дежурными словами и как можно правдоподобнее делаю вид, что тороплюсь по очень важным делам.

В тот день, прохаживаясь по парку, я ощущал особую тоску, до обиды было больно за себя. Я казался самому себе очень жалким, никому не нужным, одиноким человеком. Хотя я сам никого не искал, никому не хотел доверяться, все же было обидно, что нет участливого к моей жизни человека, хотелось услышать доброе, сочувственное слово, ощутить постороннюю теплоту.

Так гуляя, я хотел вспомнить что-то хорошее из своей жизни, но, как говорят в таких случаях, хоть убейте, ничего такого в голову не шло, все попытки были тщетны. И это немало удивляло. Ведь были же в жизни хорошие минуты, чем-то я был доволен, чему-то радовался, были приятные встречи с хорошими людьми, удачи, что-то получалось в творчестве. Но все эти радости и удачи расплывались в прошлом...

Я пытался зацепиться за что-нибудь в своих воспоминаниях, более конкретизировать свои поиски, но все равно все тонуло расплывалось в каком-то абстрактном тумане. Так борясь в мыслях, я решил сделать это с помощью какого-либо предмета, и остановил свое внимание на снеге. Я решил восстановить что-то касающееся какого-либо предмета, явления природы, внимание мое заострилось на снеге. Я даже взял в руку комок серого снега, сжал его в ладони, превратил в ледяную сосульку. Разглядывая сосульку, я ее понюхал, ноздри обдало холодом и сыростью. Я ощутил запах, знакомый с далеких времен: он сразу вызывал у меня в воображении образ зимы мне часто напоминал вообще зиму. И я постарался восстановить в сознании какую-либо памятную зиму. Задумался над тем, что же я делал в прошедшем году. Но толком ничего не вспомнил. Перед глазами плыл снежный туман... «Ужас! — подумал я. — И вспомнить нечего. Неужели дошел до такой жизни?! Может, склероз?» — Я постарался ухватиться за эту мысль, как за спасительное оправдание. На самом деле, хотя мне едва перевалило за сорок лет, я иногда ощущал провалы в памяти, но бывали моменты, когда какие-то вещи вспоминал до малейших подробностей, чем немало удивлял и жену, и знакомых. Скорее всего, это происходило от работы сознания, которое оставляло только самое необходимое и избавлялось от ненужного.

Запах снега стал сильнее будоражить мою память, и я не заметил, как вышел на самый край парка. Увидев кучку молодых людей, стоящих на тротуаре, я резко повернул обратно, свернул с тропинки в сторону почерневших кленов и по-

шел по нехоженому снегу. Прошлую зиму я так четко и не вспомнил, поэтому сознание унеслось в другие зимы. Перед глазами всплывал снег, ветер, ходьба по тротуарам, езда в такси, теплое московское метро. Я отметил, что в последние годы зимой чаще, чем в другие сезоны, бываю в разъездах, большей частью навещаю Москву, поэтому я уцепился за московскую зиму, перед глазами проносилось столичное метро, гостиницы, в первую очередь огромная «Россия» с ее разнообразными блоками и подъездами, сложной пропускной системой, устланные коврами номера, буфеты и рестораны...

Я напрягал память, желая вспомнить что-то знаменательное, но вместо этого из кладовой памяти извлекались мимолетные встречи, шапочные знакомства на семинарах или совещаниях, приходили на ум посиделки в номерах, изысканная для провинциала гостиничная еда: останкинское пиво, сосиски, балык из буфета. Неожиданно вспомнилось давнишняя, лет за десять до того, зима. Тогда, по-моему, был съезд российских писателей. В номер по телефону позвонил земляк, живущий в Московской области: нашел он меня по справочной гостиницы. Вообще-то Каирбек искал моего отца, думая, что он-то обязательно должен прибыть на съезд, но в ту зиму не отец, а я был избран делегатом. Я обрадовался этому неожиданному звонку...

Отец часто рассказывал, как познакомился с Каирбеком... Дело было зимой и тоже во время какого-то писательского съезда. После одного из заседаний вечером отец возвращался к себе в номер. Когда он подходил к гостинице, неожиданно услышал знакомую мелодию. Отец обернулся и увидел сидящих на заснеженном бетонном парапете двух мужчин с домбрами в руках. Он прислушался к музыке и подошел ближе. Игравший до той поры высокий мужчина приостановил свою домбру, но игру сразу подхватил второй — низкорослый, полноватый мужчина. Отец был удивлен тем, что в центре Москвы, на морозе, в темноте люди состязались в игре на нетипичном для столицы инструменте. Он прислушался к игре низкорослого домбриста и узнал казахскую мелодию. Пригляделся к лицам, к одежде. По виду незнакомцев на артистов не походили, очень уж по-простецки, даже по-сельски они были одеты. «Интересные казахи... Заговорить с ними на родном языке или нет?» — подумал отец (ногайский и казахский языки очень близки, можно изъясняться без переводчика). Низкорослый, доиграв мелодию, зажал домбру между коленями и стал дыханием согревать замерзшие пальцы.

— Давай теперь ты, — сказал он напарнику по-казахски.

Высокий потер ладони, легко стал перебирать струны и еле слышно щелкать пальцем по деке инструмента.

Мелодии и манера исполнения на домбре у казахов и ногайцев схожи, но есть отличительная черта, которую могут распознать люди, часто слушающие сазы наших народов. Эту отличительную черту отец заметил распознал сразу, когда обернулся на звуки, но тогда он побоялся довериться первому впечатлению. Отец слушал родную мелодию, затаив дыхание, но никак не мог решиться узнать у незнакомца, откуда она ему известна. Высокий, заканчивая игру, заключил ее щелчками пальцев по дереву домбры.

— Понял, как надо играть? — с чувством превосходства сказал он низкорослому на чистом ногайском языке.

Тогда отец подошел вплотную и нерешительно спросил:

— Вы ногайцы?

Высокий встrepенулcя, вскинул руку с домброй над головой, радостно вскрикнул:

— Конечно, ногайцы! — и кинулся обнимать отца.

Он обнял его, как будто знал всю жизнь. Это и был Каирбек, рабочий одного из подмосковных заводов. После армии он не вернулся в родной аул в далекой Ногайской степи, женился на русской девушке и сделался жителем Московской области. Низкорослого казаха звали Мырзатай, они были почти одинаковой судьбы с Каирбеком, но Мырзатай успел развестись и жил один. Дружили они на почве игры на домбре, а еще оба любили выпить. Мырзатай знал, что на съездах писателей можно встретиться с казахскими писателями. Знал также, что писатели народ общительный, с уважением относящиеся к музыкантам, вместе с Каирбеком приходил сюда, и не было еще случая, чтобы они оставались без приглашения в писательский номер, где их всегда хорошо встречали и обильно угощали.

Таким чудесным образом отец познакомился с Каирбеком. Каирбек о том, что у ногайцев есть свои писатели, и не помышлял. Так что и он не меньше отца был удивлен этой встрече.

После этого знакомства Каирбек каждый год, как по расписанию, приезжал летом к нам и гостил дней десять — пятнадцать. Отец всегда встречал его с радостью, угощал, возил в аул. В ауле отец собирал родственников, соседей, знакомых, чтобы они послушали домбру Каирбека. У наших но-

гайцев, на Кубани, домбра исчезла еще до войны. Не все аульчане были охочи слушать музыку домбры, кроме этого, все желали, чтобы музыка сопровождалась словами, а Каирбек в большинстве случаев исполнял музыку без слов, текстов песен он мало знал, к тому же он исполнял очень редкие мелодии. По инициативе отца его игру записали для музыкального фонда радио. Аульчане же не вникали в музыкальные тонкости, поэтому даже женщины, приходящие послушать гостя, сожалели о том, что музыкант мало поет.

Каирбек хотя и говорил на родном языке, остро ощущалось, что он начал его забывать. Он не находил нужных слов и часто мешал их с русскими. Конечно, сказывалось то, что, живя долгие годы на чужбине, он годами не общался с соотечественниками. По всему своему внешнему виду он был ярко выраженный степной ногаец: смуглое лицо, узкие глаза, черные как смоль волосы — да и очень выдавал его нерусский акцент. Сколько я его помню, он говорил всегда одно и то же. Немногословно расспрашивал о житье-бытье и предельно кратко отвечал на заданные вопросы. Серьезно с ним беседовать было невозможно. Он не мог точно выразить мысль, терял нить разговора и часто некстати вставлял слова. Я думал, что он так разговаривает только на родном языке, но как-то сидя в компании, говорящей на русском языке, заметил, что по-русски он говорит еще хуже. Меня сильно удивляло, что он при всем своем косноязычии может сосредотачиваться в музыке и искусно умеет передавать свой душевный настрой. Что ни говори, а косноязычие зачастую выражает неполадки в душе... Каирбек знал на память множество народных мелодий.

В тот день я, изрядно подуставший от напряженного съездовского дня, лежал на кровати гостиничного номера с единственным намерением: сомкнуть глаза и отдохнуть часок-другой. По вечерам делегаты обязательно собирались у кого-нибудь и бурно общались за бутылкой. Все мы, съехавшиеся с разных концов страны, в этом общении находили особое удовольствие, которое для нас даже затеняло наши официальные заседания. На такой случай каждый из нас припасал одну или две бутылки крепкого напитка. Помню, что я уже начал дремать, когда раздался звонок.

Я поднял трубку.

— Суюн, родной! — назвал имя моего отца радостный всхлип в трубке. — А я тебя нашел! — закончил он устало.

— Кто это? — удивился я.

— Я тебя нашел по справочной в гостинице, — не слыша моего вопроса, продолжал о своем голос в трубке.

— Хорошо, хорошо. Но кто это? — терялся я в догадках.

— Ходил, ходил вокруг гостиницы... Один из ваших писателей встретился, он и посоветовал спросить в справочной. Я тебя нашел, Суюн!

— Я не Суюн. Я его сын, — поправил я.

— А-а! Иса, сынок, это я, Каирбек!

Я спустился в холл гостиницы. Каирбек стоял возле проходной, он был весь осунувшийся, видимо, замерз на улице. На нем было темное выцветшее пальто, на голове каракулевая шапка-ушанка, в руке он держал завернутую в газеты и обвязанную нитками домбру. Он тоже увидел меня издали, погладив ладонью заросшее редкой щетиной лицо и поправляя очки на переносице, кинулся мне навстречу. Налетев на меня, крепко обнял, тут же отпрянул, восхищенно посмотрел и хлопнул ладонью по своей шапке, выражая особый восторг. Я сразу вспомнил эту манеру приветствия Каирбека, но все равно растерялся от такого горячего всплеска чувств.

— Как живешь?! Как дома? Все живы-здоровы? Как отец, как дети? Как твоё здоровье? — Каирбек скороговоркой выпалил шквал вопросов и снова обнял меня и долго не выпускал из своих рук.

Я почувствовал запах крепкого винного перегара.

— Пил, что ли? — спросил я, не торопясь с ответами на его вопросы.

— Ерунда, главное нашел тебя! Это жена мне сказала, что съезд писателей начался. Ну, думаю, своего друга найду, а тут ты, друга сын... Все равно отлично! — ликовал Каирбек. Он радостно хлопнул меня по плечу. Потом уставился на меня, и я заметил, как у него из-под очков блеснула слеза и покатилась по заросшей щетиной скуле. Каирбек был готов разрыдаться. Я испугался этого и, дернув его за рукав пальто, повел к себе.

Мы поднялись в номер. Я на скорую руку накрыл на стол: вытащил заранее купленные нарезки сыра, колбасы, поставил бутылку водки. Вначале разговор у нас не клеился. Каирбек спрашивал про мою жизнь и, не дожидаясь ответа, спрашивал об отце, затем следовал вопрос об ауле или еще о чем-то. Я не успевал отвечать, и между нами устанавлива-

лась недоуменная пауза. Ясно было, что между нами нет никаких точек соприкосновения: сказывалось различие в возрасте, а главное, различный круг интересов. Еще в первые встречи я сделал вывод, что Каирбек типичный представитель московского рабочего класса. Это впечатление не проходило и сейчас. Я приблизительно так рассуждал о нем: день его проходит на заводе, за станком, семейная жизнь зиждется на том, что он примерно приносит домой получку, естественно, оставляя себе заначку, которой всегда мало, но в первые дни после зарплаты ее хватает на то, чтобы он вносил свою долю и, как принято, распивал со знакомыми бутылку на троих; а как только заначка кончается, он рано приходит домой и до сна проводит время перед «ящиком». Передача зарплаты жене — это его святая обязанность, бутылка же — определенный стимул жизни. Может, мое предрешенное отношение тоже мешало нашей беседе.

— Как твой сын? — задаю я дежурный вопрос.

— А что с ним? С ним ничего не случится. Здоров как бык! С тещей живет. Один ребенок у него. Воспитывает, — самодовольно отвечает Каирбек.

— А я и не знал, что он женился. Значит, ты свой отцовский долг исполнил, теперь тебе не о чем тужить, — поддерживаю я его самодовольный тон.

— Как бы не так. Еще исполняю.

— Как это понять?

— Просто. Каждый месяц, в день зарплаты, за помощью приходит. Родная кровь! Помогаем!

— Сколько можно. Должен же он родителей пожалеть.

— Он ничего и не спрашивает. Думает, что так и положено. Как на дойку коровы, с ведром и чистыми руками приходит в день зарплаты. А мы со старой вымя подставляем. Что делать? Пожалуйста. Нам с женой хватает.

— Каирбек, надо же о старости подумать? Обеспечить надо свою старость...

— Что старость? У нас молодые прямо за станком отключаются — и вся твоя старость! Некогда думать о старости. Государство не даст нам пропасть.

— А на родину переехать не хочешь? На чужбине помирать нехорошо...

— А что плохого? Какая разница, где костям гнить?! — он резко вскинул головой, поправил очки на переносице и внимательно посмотрел мне в глаза.

Я ничего не сказал. Водку мы закончили. Каирбек несколько раз брал в руки бутылку и разглядывал, что осталось на дне, затем вопросительно глядел на меня. Я отворачивался от его взгляда. Когда Каирбек окончательно убедился, что выпивки больше нет, сделал обиженное выражение лица и откровенно заскучал. Мне стало чуть неловко за то, что я не угостил его как следует.

— Ты подожди в номере, а я посмотрю, что есть в ресторане, — хоть и лень мне было идти на поиски спиртного, я, извиняясь, встал из-за стола.

— Это другое дело! — воодушевился Каирбек.

Когда я вернулся в номер с бутылкой водки, Каирбек не смог сдержать своего восторга:

— Молодец, сынок! — вскрикнув, он даже подпрыгнул на месте.

Мы выпили по стопке. Каирбек в приподнятом настроении стал разворачивать газеты и доставать домбру. Вытащив, он сел поудобнее в кресле и лихо стал перебирать струнами и щелкать по корпусу инструмента.

Я, как и мои земляки, предпочитал музыку со словами и потому поторопился сказать:

— Каирбек, давай со словами.

— Что слова? Это пустышки, — пробубнил он себе под нос. Кончив настраивать домбру, он резко вскинул голову и усмехнулся. — Слова — это то же, что одежда, обувь, шапка у человека. Все это изнашивается, их меняют и меняют. Так и слова в жизни человека изнашиваются...

— Но без слов мы с тобою не могли бы общаться, не правда ли?

— Правильно. Без одежды мы тоже не сидели бы.

— Без одежды еще можно, — усмехнулся я.

— Без слов тоже можно жить, — улыбнулся Каирбек. — Я в армии целый год почти ни с кем не разговаривал, потому что по-русски ни одного слова не знал... Так что слова это не главное.

— А что же главное?

— Главное? Главное — вот! — он ударил себя по груди.

— Сердце, душа?

— Да. На душе жизнь держится, — и он еще раз ударил себя по груди.

Он опять стал играть на домбре. Сперва перебирал попеременно на каждой струне в отдельности, создавая два

самостоятельных звука, после ускорил темп игры, эти два звука незаметно стали сливаться и вскоре казалось уже, что играет целый струнный оркестр. Затем он стал замедлять темп, и вдруг полилась какая-то просящая, жалобная, будто кого-то ищущая музыка. Я сразу вспомнил, что уже слышал от Каирбека эту мелодию. Он удивительно варьировал домброй: сначала казалось, что о чем-то просил или искал помощи какой-то маленький, бессильный человек, но сразу после явственно ощущалось, что голоса просящих крепнут и в самом апогее остро чувствовалось, что это огромная толпа, целый народ взывает к небесным силам о помощи. Каирбек уже не смотрел на домбру, взгляд его был направлен куда-то вверх, и в этом взгляде я почувствовал какую-то фанатическую отрешенность. Каирбек еще несколько раз повторил этот наигрыш, затем, как обычно, щелкнул пальцами по деке домбры и резко остановил игру. Я заметил текущие по его лицу слезы и был немало этим удивлен.

— Ты что, Каирбек? Что с тобой?! — всполошился я.

— Обидно, Иса. Очень обидно! Никто не слышит этой нашей музыки. Домбра хотя сделана из дерева, но это живой инструмент. Из него жизнь исходит...

— Не принимай так близко к сердцу. Многим нравится твоя музыка. И мне нравится твоя игра. А эту мелодию я запомнил еще с прошлого раза, — попытался я успокоить его.

— Когда играют на домбре, то положено, сомкнув губы, подпевать мелодию, а кто не умеет этого делать — хотя бы кивать головой в такт. Когда это делается, домбрист видит, что его слушают. Он же не для себя играет, а для людей. А у нас сидят как чурбаны...

— Просто я не знал этого. Теперь буду поддерживать, — сказал я.

Каирбек налил себе стопку и, не дожидаясь меня, быстро выпил. Немного задумавшись, он с усилием улыбнулся и стал играть прежнюю мелодию. Я стал ему подпевать, сначала робко, затем все громче и громче. Каирбек одобрил мои действия и стал вдохновенно подпевать и сам.

— Хорошо! Правильно! — прикрикнул он и еще больше усилил игру.

Я тоже вошел в раж и даже стал в такт мелодии раскачивать туловищем. Каирбек, кивая головой, показывал мне, что все правильно. Затем опять резко остановил игру. Я подумал, что он остановился, чтобы передохнуть, но он нагнулся к домбре и стал наигрывать другую мелодию.

— Аманакай куда ушел?! — вскрикнул он слова доселе мне незнакомой песни и тихо запел:

— Аманакай куда ушел?!

— Ушел в пески.

— Что делать там?

— Чтоб ветки нарубить,

Чтоб сделать сани,

Чтоб сделать сани,

Чтоб сделать сани.

— Что сделал он с санями?

— Запряг коней буланых в них,

На свадьбу праздновать поехал,

На свадьбу праздновать поехал,

На свадьбу праздновать поехал.

— Аманакай когда вернется?!

— Аманакай весной вернется,

А может — осенью,

А может, сегодня даже.

Тебе, сыночек мой,

Конфет и яблок он привезет,

Тебе, сыночек мой,

Конфет и яблок он привезет.

И-иии, и-иии, и-иии...

Каирбек с пронзительной тоской запел припев. Я тоже подхватил припев. И мы оба в такт музыке стали раскачиваться. Каирбек стал сильнее бить по струнам и запел громким голосом:

— Аманакай куда ушел?!

— Запряг в арбу верблюда,

Поехал в горы,

Поехал в горы,

Поехал в горы.

— Аманакай когда вернется?

— Аманакай, вернется к полдню,

А может — к вечеру,

А может — завтра,

Тебе, сыночек мой,

Конфет и яблок он привезет,

Тебе, сыночек мой,

Конфет и яблок он привезет.

И-иии, и-иии, и-иии...

Он еще раз повторил мелодию, но только без слов, затем, щелкнув пальцами по домбре, с лихачеством остановил песню. Каирбек весь сиял от радости и несколько раз подряд глубоко вздохнул и залпом выдохнул. Меня раздирало любопытство:

— Что за интересная песня? Первый раз слышу ее, — обратился я к нему.

— Я ее давно никому не пел. Обычно эту песню пою один. Домашние мои ничего не смыслят в нашей музыке: ни сын, ни жена. Они насмежаются над моей домброй, поэтому при них стараюсь ничего не играть. Иногда на каких-либо праздниках, так, для потехи, «Катюшу» или «Подмосковные вечера» сыграю — и на этом все...

Каирбек тотчас настроил домбру и сыграл сначала мелодию «Катюши», затем — «Подмосковных вечеров». Эти песни на домбре прозвучали очень необычно. Я не сдержал восхищения:

— Каирбек, отлично! В твоей семье только за это должны всю жизнь благодарить!

— Это им нравится! А вот нашу музыку они совсем не понимают, — усмехнулся мой гость.

— Каирбек, ты мне про эту песню расскажи!

— А-а, про Аманакая? — он улыбнулся, поправил очки на переносице. — Я ее в детстве от дяди слышал. Кстати, дядю тоже Иса звали, как тебя. Он меня и на домбре научил играть. Когда он пел про Аманакая, я был совсем маленький, еле доставал до висящей на стене домбры. Удивительный человек был дядя: своих детей шестеро, а когда нашего отца не стало, то к его шестерым наших трое прибавилось. Вот все девять один меньше другого жили в одной тесной комнатенке. Жили впроголодь, но самым страшным был холод. У нас в степи зимой нечем топить, кизяка никогда не хватало. В эти холодные и голодные дни дядя нас и забавлял игрой на домбре. А нам, детям, больше всего нравилась песня про Аманакая. Когда-то в нашем ауле жил человек с таким именем. Дядя сам видел живого Аманакая. Он появлялся в ауле, когда аульчанам становилось очень туго. Он то зерно привозил, то соль доставал. То на арбе, то на санях ездил, и всегда выручал своих земляков. Больше всего его любили дети, у него всегда был для них гостинец. Они к нему так и липли. А песня про него еще при его жизни родилась, ее только дети и пели, никто не знает, кто ее сочинил, считай, настоящая

народная песня. Я эту песню всегда как заколдованный слушал. И все время ждал Аманакай. Если в ауле появится добрый человек, то про него говорили: «Совсем как наш Аманакай!» Хотя он давно умер, мы, дети, никогда не верили этому. Даже взрослые верили в его бессмертие и часто говорили, что он разъезжает по другим аулам и скоро должен у нас объявиться. И мы свои взоры от дороги не отрываем, любую арбу принимаем за аманакаеву, любого путника принимаем за Аманакай... А что слова? Проще и слов не найдешь. — Сказал Каирбек с грустью, опять взял домбру и стал играть.

— Аманакай куда ушел?!

— Запряг в арбу верблюда,

Поехал в горы,

Поехал в горы,

Поехал в горы.

— Аманакай когда вернется?

— Аманакай вернется к полдню,

А может — к вечеру,

А может — завтра,

Тебе, сыночек мой,

Конфет и яблок он привезет.

Тебе, сыночек мой,

Конфет и яблок он привезет.

И-иии, и-иии, и-иии.

Каирбек долго и пронзительно пел припев. Я тихо, но без прежнего оптимизма поддерживал его. Закончив пение, он внимательно посмотрел мне в глаза:

— Разве дело в словах? Конфет и яблок мне не надо. А вот до сих пор жду Аманакай, человека, которого я никогда не видел... Ты думаешь, что я не скучаю по родине. Скучаю, друг, еще как скучаю. И по людям своим скучаю. Ты даже не представляешь, как я хочу, чтобы кто-нибудь намеренно или случайно навестил мой дом. Сижу дома и месяцами, годами жду. Запираюсь в своей комнате, тихо играю эту мелодию и жду Аманакай. А его нет да нет... После армии я в родные места не вернулся. Во время службы познакомился со своей будущей женой, с ней и остался на всю жизнь. В конце 50-х это случилось. Время такое, тогда особо не разъездишься, честно говоря, мне домой возвращаться не хотелось. Дома меня против моей воли женили на жене покойного старшего брата. Такой обычай существовал, делалось это для того,

чтобы детей брата за родом сохранить. А мне каково?! Я молодой парень... Разводиться нельзя. А жить с женой брата не мог, поэтому я и не вернулся домой. Пусть как хотят думают обо мне родственники. Только через пятнадцать лет я навестил родной аул. Все сделали вид, что все позабылось, но я даже у них не остановился и после не останавливался, я к ним не ездил, и они ко мне не ездят. Вот жизнь какая! Я жду своих Аманакаев, а их все нет. Жду тех, кто может понять меня, жду участливых аульчан, хочу все рассказать, все объяснить... Трудно без понимающего человека. У меня перед своей семьей одна правда, а перед родными в ауле — другая. Моя сегодняшняя жена, всего раз в ауле была, а сын не был и слышать не хочет о моей родине, потому что жена с утра до вечера твердит: «Аул, пустыня, дикость!» А сын машинально повторяет за ней ее слова. В аул как приедешь, сестра, племянники, племянницы ради приличия спросят про жизнь, а после — молчок. Ни слова. Говорить не о чем. Как будто мои им враги... — Каирбек глубоко вздохнул, покачал головой, цокнул языком. — Вот и жду своего Аманака, должен же он должен быть на белом свете. Неужели его нет, неужели я его так и не увижу?! — Каирбек вопросительно посмотрел на меня.

— Должен он быть, — согласился я.

— Для кого-то должен быть, а для кого-то его нет, — задумчиво проговорил Каирбек.

Как раз в это время в дверь постучали. В комнату вошли мои приятели писатели.

Настроение сразу изменилось. Началось шумное кавказское застолье. Посыпались остроумные тосты, дежурные приветствия, комплименты, иногда просили Каирбека играть на домбре, под его игру устраивали танцы, хлопали в ладоши, стучали по столу, как по барабану. Песню про Аманака Каирбек больше не исполнил. Писатели разошлись поздно. Каирбек прямо в одежде заснул на диване. Я пытался раздеть его, но так и не добудился.

Утром он встал затемно, быстро собрался, завернул в газету домбру. Я приподнялся с постели, хотел одеться, но он не позволил.

— Лежи, лежи, я пойду, мне надо на работу успеть. Если, что не так, извини, — проговорил он под нос и быстро вышел из моего номера...

Я ходил по заснеженному парку, а перед моими глазами стоял играющий на домбре Каирбек. Иногда вместо него возникал образ белобородого старца в черном тулупе, в каракулевой папахе, с обвязанным вокруг шеи белым башлыком. Старик улыбался и безмолвно спрашивал: «Чего же ты хочешь? Что тебе нужно?» Я же не знал, как ему ответить. «Чего же я хочу? Что мне нужно?» — спрашивая себя, я ходил по аллее. В ушах звенела просящая мелодия Каирбека и я, сомкнув губы, стал про себя произносить слова песни:

– Аманакай куда ушел?
– Аманакай когда вернется?
– Аманакай вернется к полдню,
А может – к вечеру,
А может – завтра...

Я стал тихо напевать песню. Душа моя оживала, налет черствости сходил с нее сам по себе, мир казался светлее и добрее. Мне очень захотелось увидеть Каирбека или похожих на него людей. Теперь я был почти уверен, что сам Каирбек и есть тот самый Аманакай из песни.

* * *

(Я люблю фольклор. Очень люблю народные песни и сказки. Мне давно хочется, чтобы на ногайском языке была книжка, подобная «Азбуке» Л. Н. Толстого. Из-за того, что не могу издать сказки и песни отдельной книгой, я их часто вплетаю в свои произведения. Вот и в «Мониста» вставляю свои любимые короткие сказки.)

Девочка с гормошкой

(ногайская сказка)

Давным-давно жила маленькая девочка-сирота. У нее была гармошка, она очень любила на ней играть. Как-то она пошла на окраину аула и, взобравшись на вершину высокого дерева, стала играть на своей гармошке. Услышав музыку, прибежали к дереву собака и кошка.

— Слезай с дерева! — замыкала кошка. Девочка не слезла, даже не посмотрела на кошку.

— Слезай с дерева! — залаяла собака. Девочка не слезла и еще громче заиграла на своей гармошке. Собака и кошка хотели взобраться на дерево, чтобы согнать девочку, но не смогли. Бегали, лаяли, мяукали, а девочка играет себе.

Тогда собака побежала по дороге и привела двух бродяг. Бродяги пришли, подняли головы и смотрят на девочку.

— Слезай с дерева! — сказал первый бродяга, но девочка не слезла.

— Слезай с дерева! — сказал второй бродяга.

Девочка не слезла и еще веселее заиграла на гармошке. Бродяги попытались взобраться на дерево, но не смогли. И так, и сяк смотрели на девочку, сидящую на макушке дерева, и сильно разозлились. Тогда они пошли в аул. Один нашел топор, другой — пилу. Вернулись бродяги к дереву. Один стал рубить, другой — пилить. Собака и кошка вокруг дома бегают — радуются.

Когда дерево закрипело, гармошка у девочки остановилась.

Она сама испугалась и заплакала. Дерево зашаталось, вот-вот рухнет на землю... И тогда с неба спустилась серебряная нить и окутала девочку. Дерево рухнуло на землю, а девочка, окутанная нитью, полетела по небу.

Бродяги, собака и кошка задрали головы к небу и диву даются, а летящая по небу маленькая девочка играет на гармошке свою любимую песню...

Вот какая сказка!...

Ессентуки

(ногайская легенда)

Богат и знатен был ногайский князь Иштерек. Бесчисленные стада и табуны его паслись по раздольный ногайским степям. Синий дворец князя был полон золота и серебра. Народ Иштерека жил в довольстве и прославлял его, желая долгих лет здравствия и благополучия. Самые именитые князья отдавали ему своих дочерей в жены, но ни одна жена не родила ему сына.

В одном из походов князь Иштерек захватил в плен золотоволосую красавицу. Князь полюбил её, и она через год родила ему сына. Наследника! Но вот беда!... Сын родился очень хилым, без ногтей и волос, и даже ресницы у него не росли. Большую награду обещал князь тому, кто вылечит сына. Со всех концов ханства съезжались к нему в синий дворец знаменитые лекари, но ничего не могли они поделывать с хворью.

Тогда, совсем исстрадавшись, Иштерек отправился с сыном кочевать: вдруг Аллах проникнется сочувствием к его горю и снизошлёт средство спасти наследника. Много рек, много гор объездил князь, но не нашел целителя.

По дороге домой его кочевье сделало привал в окрестностях Пятигорья. Один из местных жителей сказал хану, что неподалеку живет затворной жизнью шейх и что он иногда занимается исцелением людей.

Князь взял сына и поехал к шейху. Подъехал он к юрте, а вокруг юрты пар клубится, старика нигде не видно. Заглянул князь внутрь и увидел посреди юрты родник, испускающий пар, разглядел сквозь пар и шейха, молящегося Аллаху. Завершив намаз, шейх вышел к князю.

Иштерек рассказал о своей горе. Старик взял ребенка и велел князю прийти за ним через семь дней. В указанный срок шейх вернул Иштереку наследника с черными пушистыми ресницами, густыми волосами и ногтями на ногах и руках.

Говорят, что старик лечил ребенка водой из родника. И с тех пор люди стали называть то место, где жил шейх, «ессен-тук», — благополучный волос. Сейчас там вырос знаменитый на весь мир курорт, ведь эссентукская вода обладает такими свойствами, что все хвори снимает.

Наглый петух

(ногайская сказка)

Однажды петух рылся в куче золы, и ему в ногу вонзилась колючка. Побежал он к женщине, что пекла в печи лепешки, и закричал:

— Кукареку! Мне в ногу колючка вонзилась!

Женщина вытащила колючку и бросила её в огонь. Через некоторое время петух набросился на женщину:

— Верни мне мою колючку! Если не вернешь, то я хлеб у тебя заберу!

Схватил петух лепешку и бросился бежать. Бежит он день, бежит другой... Встречается по дороге петуху чабан. Он сидит на своей шубе и пьет молоко без хлеба.

— Чабан, я тебе лепешку принес, на, ешь! — говорит петух... Чабан обрадовался и съел лепешку. Только зря он обрадовался:

— Кукареку! — закричал петух. — Отдай мою лепешку. Если не отдашь, то я у тебя овцу заберу!

Кинулся петух к отаре, выбрал самую жирную овцу и пустился наутек. Бежит день, бежит другой. Прибегает он с овцой к ханскому дворцу, У хана дома свадьба играется, хан дочь замуж отдает. Петух хану овцу подарил. Хан петуха на самое почетное место посадил. Слуги овцу зарезали, мясо в котел положили. Гости пируют: мясо едят, бузу пьют. Когда мясо съели, петух к хану обращается:

— Отдай мою овцу! Где она?!

— Перед гостями не позорь меня, петух, — просит хан.

— Нет! Или овцу верни, или дочь свою за меня отдай!

Хан сильно рассердился. По его приказу слуги взяли петуха и в казан бросили. Очень вкусное петушиное мясо было, гости с удовольствием поели.

Всякой наглости конец бывает.

Старик с калачом

(Сказки нашего детства)

У нас, ногойцев, говорят: у каждого старика за пазухой — калач. Что же это за калач? Это то, что человек нашел на длинной дороге своей жизни. И то, что он потерял на ней. Это мечты, что не дают ему спать по ночам. И дают силы жить... Теперь вы поняли, что за калач?

Я никогда не видел дедушку Сулеймена днем. Сказки всегда приходят по вечерам. Дедушка Сулеймен приходил вместе со сказками. Вернее, они приходили вместе с ним. Он садился на скамейку возле своего дома. Из-под огромной каракулевой папахи смотрели на нас светло-голубые глаза,

словно васильки, выгоревшие на солнце. Белая борода спускалась почти до пояса. Истрепанный каптал лоснился от старости. Мягкие разношенные сапоги обуты в остроносые резиновые калоши. А обе руки лежали, отдыхая, на отполированной временем ореховой палке.

Дедушка Сулеймен был похож на всех дедушек, которых я знал. И не был похож ни на одного из них. Он жил на нашей улице. И жил совсем в ином удивительном мире, мире сказки.

Мы липли к нему, как мухи к халве. И вовсе не потому, что карманы дедушки Сулеймена оказывались всегда полными гостинцев. Хотя, конечно, и от гостинцев никто не отказывался. Мы одинаково радовались конфете, зачерствавшему прянику, половинке пресной лепешки, а то и просто молодой остроносой морковке, только что вырванной дедушкой Сулейменом на собственном небогатом огороде. Но карманы его старенького каптала были невелики. Поэтому зачастую один из нас с упоением обсасывал скользкую поверхность леденца, а другой лишь вспоминал ее приторно-сладкий вкус, облизывая собственный палец. Однако обиды никакой не было. Уж как-то так получалось, что в конце концов все до единого получали угощение поровну.

Он подзывал кого-нибудь из нас к себе, сажал рядом, вкладывал в руку лакомство и расспрашивал о прошедшем дне, поглаживая черный ежик волос на макушке. И ладони у него были прохладными и добрыми...

Но больше гостинцев мы любили сказки дедушки Сулеймена. Ведь они доставались сразу всем. Ах, что это были за сказки! Смешные, как десять тысяч клоунов, о которых мы тогда знали только понаслышке. Страшные, как живущий за горой циклоп, которого мы не увидели и когда стали постарше. И всегда мудрые-мудрые...

Давно нет на свете дедушки Сулеймена, а его сказки нет-нет, да приходят ко мне по вечерам. Я закрываю глаза и слушаю чуть хриловатый голос доброго сказочника...

Сказка о глупом осле

Давно это было... А может, и того раньше. Только старые люди говорят, что в те времена пшеница на льду росла, на камне просо сеяли, люди и звери на одном языке говорили, скворец был кадием, а воробей доносчиком у хана.

Был этот хан злющий, как зимний ветер, и жестокий как ногайская плеть. И любил он на свете только одно — свое богатство. Но все ему казалось, что мало пока у него золотых. Поэтому он требовал от своих подданных золота еще и еще...

— Носите мне столько золотых, чтобы я со счета сбился, говорил он.

Но никак он не хотел сбиваться со счета. Уж больно хорошо умел золотые считать. Так и сидел все дни и ночи напролет да считал.

Вот какой это был хан. А больше о нем я ничего рассказать не могу. Да и не о нем тут речь...

Служили у хана два работника — осел и верблюд. Как и все, они из последних сил носили хану золотые. А потом и эти силы у них кончились. И тогда верблюд сказал ослу:

— Мой добрый осел, пусть другие ослы носят золотые этому злющему жестокому хану, а мы с тобой должны бежать. Бежать на Волю. Есть такая страна. О ней рассказывал мне мой отец. Там доброе солнце, высокое небо и сочная трава. Там можно жевать репейник, играть в чехарду, а когда устанешь, сладко спать в тени зеленого дерева. И там никто не взвалит тебе на спину мешок с золотыми, от которого ломит суставы и еле двигаются ноги...

Как порешили — так и сделали. Выбрали ночь потемней да убежали... Долгим был их путь на Волю. Шли верблюд с ослом по крутым тропкам, мимо глубоких пропастей, через быстрые реки... И наконец пришли на Волю. Туда, где доброе солнце, высокое небо и сочная трава...

Целый день жевал верблюд свою любимую колючку. Целый день объедал осел зеленые листочки на кустах. И все равно не смог обчистить всех кустов, зеленеющих на полянах. А потом они начали играть в чехарду. Разбежится верблюд и прыгнет через осла. Затем осел разбежится и прыгнет через верблюда. Только если верблюду приходилось прыгать один раз, то осел прыгал два. Потому что, как вы знаете, у верблюда на спине два горба. Вот осел и прыгал сначала через один горб, а потом через другой. В общем, славная получалась жизнь...

Но тут ослу приспичило:

— Друг мой, я хочу спеть.

— Зачем? — удивился верблюд.

— Просто так.

— Прошу тебя, дружок, не пой. Я тоже, может быть, спел бы от радости. Хан узнает, где мы прячемся, и тогда ...

— Я не хочу больше слышать про этого глупого хана. Я хочу петь. А если ты сам петь не умеешь, то не мешай, — и осел заголосил свою любимую песню:

И-а, и-а, и-а,
Как громко я пою.
Не спеть и соловью
Песнь дивную мою...

Конечно, то, что он пел, только ему самому казалось песней. Но пел он, действительно, очень громко. И вышло все так, как и предсказывал умный верблюд.

Песню осла услышал воробей. Он тотчас доложил хану, где скрываются осел и верблюд. Хан вызвал своих стражников и повелел привести беглецов обратно во дворец. Стражники отправились на Волю, схватили осла и верблюда и повели к хану. Но чтобы дорога во дворец не показалась беглецам сахаром, стражники навалили на них огромные мешки. Мешок осла оказался на сей раз так велик, что ноги его подкосились и он упал. Недолго думая, стражники взвалили осла вместе с его ношей на верблюда.

— Ничего, — смеялись они, — двугорбый все вынесет...

Тяжело было верблуду, но он шел... Когда же они проходили мимо бездонной пропасти, он сказал ослу:

— Знаешь, дружок, мне что-то очень захотелось потанцевать.

— Зачем?

— Просто так.

— Что ты, что ты, — испугался осел. — Посмотри, какая бездонная пропасть. Разве в таком месте танцуют?

— Если ты запел, когда в том не было никакой надобности, то почему я не могу танцевать в таком месте? — Сказав это, верблюд закружился и сбросил виновника своих несчастий в пропасть...

Ну, теперь вы поняли, что ничего на свете нельзя делать просто так?

Пусть шаг любой,
Любой твой шаг
Не будет сделан просто так.
Тогда лепешка и башмак,
Кувшин и платье, стол и дом —
Все будет сделано с умом.

Сказка о лисьей дружбе

Я рассказывал вам сказки о храбрых джигитах. И вам хотелось стать такими же храбрыми. Я рассказывал вам о великих подвигах. И вам захотелось совершить не меньше. Я рассказывал о верной дружбе. И вы клялись в вечной верности своим друзьям.

Сегодня я расскажу вам сказку о лисьей дружбе, чтобы вы никогда не захотели быть похожими на эту лису.

... Давным-давно птицы летали без крыльев. Деревья без корней плоды давали. Плохие жеребята скакунами становились. А плохих друзей на земле вовсе не было...

В каком году это было, не помню. В какой стране это случилось — не ведаю. Правда ли это или сказка — не мне судить. Но дружила Лиса с Овцой. Уж такие они были друзья — водой не разлить. Каждый день в гости друг к другу ходили. Последнюю черствую корку пополам делили. Песни у них — и те общие были. А однажды, когда у лисы даже обглоданной куриной косточки не осталось, верная Овца всю свою шерсть обстригла и продала, чтобы угостить свою подружку на славу. То-то пир получился! Конечно, зимой мерзла Овца без шерсти, но ее согревали воспоминания о той дружеской пирушке.

Но вот у друзей не осталось ни черствой корочки, ни высушенной травиночки.

— Ничего, — думала верная Овца, — зато у меня есть друг. С другом никакие беды не страшны.

— Ну и дела, — размышляла хитрая Лиса. — Так недолго и ноги протянуть. Надо что-то предпринять...

И задумала Лиса черное дело.

— Верный друг мой, — сказала она Овце. — Тут неподалеку живет еще один мой верный друг — Волк. Не сходишь ли ты к нему в гости? Он непременно обрадуется друзьям и сытно угостит...

— Вот какой у меня замечательный друг, он всегда что-нибудь придумает. Не даст пропасть, — подумала бедная доверчивая Овца и отправилась вместе с Лисой к Волку.

А у того у самого от голода вот-вот ребра кожу проткнут. Увидел он Овцу — аж слюнки потекли.

— Милый Волк, познакомься: это мой друг Овца. Может, поедим? — невинным голосом проворковала Лиса, подмигивая Волку и кивая на Овцу.

— Конечно, поедим, — сразу повеселел Волк, подскочил к Овце и вмиг задрал ее.

Славно пообедали Волк и Лиса мясом Овцы. Еще и про запас оставили. Потом Волк облизал свои когти и сказал:

— За то, что ты меня от голодной смерти спасла, буду я тебя, Лиса, всегда охранять, и клянусь тебе в вечной дружбе. И в залог своей дружбы дарю тебе шкуру этой глупой Овцы.

— И я, Волк, клянусь тебе в вечной дружбе. Буду твоей тенью. Буду делиться с тобой добычей. Жизни не пожалею ради друга. А шкуру Овцы я повешу на стене своей норы в память о нашей встрече...

Так подружились Волк с Лисой. И долго бы, наверное, они дружили, не появись в один прекрасный день поблизости охотники.

Теперь вы, надеюсь, поняли, что это была за дружба, если любой появившийся неподалеку охотник мог положить ей конец...

И вот как это случилось. Гнался охотник за Волком и Лисой. Скакун под ним быстрый, ноздри раздувает, сейчас добычу настигнет. А у Волка с Лисой душа прямо в пятки ушла. И от этого ноги у них еле-еле двигаются. Кажется, все — не уйти им. Но вдруг конь охотника споткнулся, ногу сбил... А этого Волку с Лисой только и надо. Успели они в лес нырнуть. Однако и тут не останавливаются, бегут из последних сил... А в лесу капкан старый стоял. Вот Волк-растяпа в него и угодил. Думаете, Лиса остановилась другу помочь? Ничуть не бывало. Улепетывает пуще прежнего.

— Друг мой Лиса, — взвыл обиженный Волк, — остановись, спаси меня. Тенью моей ты обещала быть. Жизни за меня обещала не пожалеть, а теперь убегаешь...

Остановилась Лиса в дальнем конце полянки, прислонилась к дереву, отдышалась немного, да и говорит Волку:

— Ах, Волк, Волк! стыдно мне за тебя. А еще друг называется! Да ты радоваться должен, что хоть сам и попался, зато я спаслась. И был бы ты настоящим другом, так ты бы мне, наоборот, посоветовал бежать отсюда поскорее...

Вот как все повернула Лиса, потом хвостиком вильнула и была такова. Тут появился на поляне охотник и пришел Волку конец...

Так и жила Лиса на свете, своих друзей предавая. А оставалась одна — тоже не грустила, напевала свою любимую песенку.

Мне не жаль Овцу и Волка.
В дружбе, право, мало толка.
Я всегда одна хожу.
Я сама с собой дружу.

Я самой себе, поверьте,
Лучший друг до самой смерти.

Но песенка — песенкой, а одной по лесу бродить все же скучновато. И встретила как-то Лиса с Перепелкой. Очень веселая это была Перепелка, никогда не унывала. Много песен знала, много разных игр и забав придумывала.

— Давай подружимся, — предложила ей Лиса.

— Отчего же не подружиться мне с красавицей лисой. Если жить и не дружить, будет очень скучно жить, — запела в ответ Перепелка.

Все понравилось Лисе: и то, что у перепелки нрав легкий, и то, что она Лису красавицей называла, и то, что с ней дружить согласилась

— Ну, раз мы теперь друзья, — обрадовалась Лиса, — накорми меня.

— Ешь да пей, ешь да пей. Только дело разумею. Лучшей доли в мире нету, чем кормить своих друзей, — прощепетала Перепелка и повела Лису на дорогу.

А по дороге тем временем свадьба из одного аула в другой перебиралась. В ауле невесты уже отгуляли, теперь в аул к жениху ехали. На передней арбе молодые сидели. У невесты губки аленькие. У жениха брови черные. А дальше на арбах сваты со сватями, кумовья и прочие родственники один другого краше. А на последней арбе угощение везли: халву, сладости, баранину жареную, баранину вареную.

Подлетела Перепелка к первой арбе, села на оглоблю, да как запоет:

Эй вы, сваты, женихи!
Ха-ха-ха да хи-хи-хи.
Я простая Перепелка,
Я слабей Лисы и Волка.
Вам поймать меня недолго.
Кто поймает меня, тот
Сразу счастье обретет.

Что тут началось! Сваты с кумовьями да родственниками со своих мест повскакивали, давай Перепелку ловить. Даже Жених невесту бросил и за Перепелкой погнался. Видать, и ему очень счастья хотелось. Да разве счастье так просто поймаешь! Улетела Перепелка.

А Лиса в этой суматохе выхватила из последней арбы самую большую баранью ляжку и деру. Наелась до отвала, а

Перепелке, между прочим, и самого маленького кусочка не оставила.

— Ты настоящий друг, — сказала Лиса Перепелке, когда они встретились снова, — а теперь ты должна насмешить меня.

В ближайшем ауле в этот самый момент старик приказал своей старухе корову подоить. К нему друзья пришли, а угостить-то их, кроме молока, нечем. К их двору и подвела Перепелка Лису. Лиса за забором спряталась, а Перепелка возьми и сядь на голову старухе. Увидел старик такое дело и обрадовался: будет теперь, чем друзей угостить. Схватил он, недолго думая, свой посох, как замахнется... Но Перепелка вовремя вспорхнула, и угодил старик прямо своей старухе по голове. Та ведро с молоком уронила, разохалась, разохалась, шишку на голове поглаживает, старика бранит...

Лиса от такой потехи смеется-заливается, чуть живот не надорвала.

— Здорово ты меня насмешила, — сказала Лиса. — А теперь ты должна меня напугать. Только по-настоящему, до смерти...

Перепелка рада для друга снова постараться.

Раз, два, три, четыре, пять.
Начинаю я пугать.
Только ты глаза закрой
И смелей иди за мной.

Лиса глаза закрыла, а Перепелка вывела ее на Большую Ногайскую дорогу. По дороге ехал Хан со свитой, с собаками и соколами. На охоту они собирались. Увидели ханские борзые Лису и бросились с лаем вдогонку. Натерпелась Лиса страху — просто жуть. Думала уже с жизнью проститься. Да ханские слуги вовремя борзых остановили. Не хотелось хану из-за какой-то Лисы в дороге задерживаться. Хан на большую охоту ехал.

— Разве так пугают? — едва придя в себя, набросилась на Перепелку Лиса. — Теперь я поняла, наконец, какой ты друг. Ты смерти моей хотела, и за это я сама тебя съем.

Не растерялась Перепелка, только петь не стала.

— Видно, Лиса, твои глаза от страха и впрямь никого не видят. Вон же охотник бежит. И нам с тобой обеим сейчас смерти не миновать.

— Где? испугалась Лиса, завертела головой да и выпустила Перепелку.

Перепелка вспорхнула, полетела по лесу и всем-всем рассказала о лисьей дружбе. С той поры ни один зверь с Лисой не дружит...

Страшнее пули и нужды,
Страшней ненастья и беды,
Страшнее всех врагов вокруг,
Когда неверен верный друг.

Сказка о лгунье

В одной стране... А может, и не в стране. Потому что стран тогда еще никаких не существовало. Значит, жил-был... Нет, не так. Был, но не жил. Вы спросите, как такое возможно? А очень просто. Быть-то он был, но жизнью его жизнь назвать никак нельзя. Почему? Сейчас узнаете.

В общем, был один человек, и был у него большой-пре-большой нос. А под носом была подпорка, чтобы нос рот не прикрывал. Хотя подпорка была хорошей и крепкой и человек этот спокойно мог бы говорить, он все равно молчал. Молчал он потому, что ему было стыдно. А стыдно ему было из-за дочери. Вот дочка-то его как раз не молчала, а постоянно говорила. И не то чтобы просто говорила, а обманывала. Что ни слово — то обман. И папе, и маме, и соседям, и друзьям, и всем-всем-всем. И никто ее от этой лжи отучить не мог. Вот почему жизнь ее отца никак жизнью назвать нельзя.

Но сказка моя не о нем. Сказка о его дочери.

Стояла как-то маленькая лгунья у ворот своего дома. А мимо шел слепой.

— Есть тут кто? — спросил слепой.

— Нет, — как всегда соврала девочка.

— Ты девочка? — снова спросил слепой.

— Нет, мальчик, — никак не хотела сказать правду девочка.

— Я хочу есть, принеси мне, пожалуйста, кусочек хлеба, — попросил слепой.

Девочка, конечно, поняла, что путник ничего не видит. А если не видит, то значит, и обмануть его можно запросто. Пошла она и принесла ему вместо хлеба камень. Ведь у человека, который все время обманывает, и доброты-то в сердце не остается ни капельки.

Взял слепой в руки камень и сразу все понял...

И тут такое началось... Ни я такого не видел, ни дедушка мой, а уж он всякое повидал. На том месте, где стоял чело-

век, поднялся черный смерч и обернулся слепой огромным орлом. Не успела девочка и опомниться, как схватил ее орел своими страшными когтями и унес высоко в поднебесье. Долго они летели и опустились возле одинокого дома у подножья крутой горы. Тут орел снова превратился в человека, но уже в зрячего. И сказал:

— Ты, девочка, слишком много обманываешь. И за это я хочу тебя наказать. Семь месяцев ты будешь таскать на макушку вот этой самой горы вот по этой крутой тропинке ведра с водой. И должна будешь каждый день наполнять по двадцать бочек. Если исполнишь все прилежно и разучишься врать, тогда я отпущу тебя домой, даже раньше срока.

Сказал это человек и исчез.

На следующий день проснулась девочка, когда солнце уже выше горы поднялось. Потянулась и принялась воду таскать. Но была она не только лживой, но и ленивой. Да и где вы видели лживого, да трудолюбивого. За целый день еле-еле она наполнила одну бочку. Устала и отдыхать улеглась. А вечером появился тот человек и спросил:

— Ну, сколько ты бочек сегодня наполнила?

— Двадцать, — не моргнув глазом, соврала девочка.

— Ах, ты опять за свое, — сокрушенно покачал головой человек и снова исчез.

...Три месяца таскала девочка воду на гору. И никак не могла больше одной бочки натаскать. Но когда приходил человек, она по-прежнему обманывала. А он только головой качал и исчезал.

А однажды вечером хотела она на его вопрос по привычке соврать, да не может. Но и честно сказать, что она только одну бочку наполнила, тоже боится. Поэтому просто промолчала.

— Тогда еще таскай, — молвил человек. И так стало девочке обидно, что села она прямо на обочину дороги и горько заплакала.

— Девочка, а девочка, — вдруг услышала она чей-то ласковый голос. — Ты чего плачешь? Может, тебя обидел кто?

Оглянулась девочка по сторонам, но никого округ не увидела.

— Это я, дорога, прямо под тобой лежу и с тобой разговариваю. Расскажи мне о своем горе.

— Домой я хочу! Устала я очень. И не хочу я больше эту воду таскать.

— А ты убегй домой, — советует девочке дорога. — Вставай и беги за мной. Я как раз к твоему дому веду.

Обрадовалась девочка такому совету, встала и побежала. А дорога впереди нее бежит, путь указывает и напевает тихонько:

Я обманщица такая,
Я дорога кольцевая.
Незаметно заверну —
Кого хочешь обману...

Не слышит девочка этой песни, бежит, еле ноги уже передвигает. Мимо речки быстрой бежит, мимо леса, мимо ущелья глубокого... Есть хочется, пить хочется, на землю вечер опускается, а родного дома все не видно. А когда совсем темно стало, вывела ее дорога — обманщица к тому самому дому, из которого она утром убежала.

— Ха-ха-ха! — залилась смехом дорога. — Как здорово я тебя обманула!

— Зачем же ты меня обманула? — заплакала девочка. — Я же ничего плохого тебе не сделала.

— Да ты что — глупая? — удивилась дорога. — Ведь обманывать — это так интересно. Я всех-всех обманываю... И раньше, когда я девочкой была, я тоже всех-всех обманывала. Меня за это в дорогу и превратили. Но я все равно обманывать не перестану. Мне без обмана жить скучно...

— Да это ты сама глупая! — так девочка рассердилась на дорогу после ее речей, что даже слезы на щеках высохли. — Ну, подумаешь, ты меня обманула! Я как-нибудь переживу и все равно домой попаду. На самом деле никого ты, кроме себя, не обманываешь. Была бы ты девочкой и жила у себя дома, а теперь ты дорога, лежишь в пыли и не любит тебя никто. Да и за что тебя любить, если ты всех путников не туда заводишь? И скоро ты совсем одна останешься, никто по тебе ходить не будет. Вот и выходит, что придется тебе тогда саму себя обманывать. Только не получится. Потому что ты все свои обманы давным-давно сама знаешь...

И стала девочка ведра с водой на гору носить. Полночи носила и весь день, совсем из сил выбилась, но лишь две с половиной бочки набрала... Присела она передохнуть, пригорюнилась, а тут как раз и тот человек появился.

— Ну, — спрашивает, — как твои дела?

— Плохи мои дела, — отвечает девочка. — Полночи я таскала ведра и целый день, но только две с половиной бочки набрала...

— Ну, тогда твои дела вовсе не плохи, а хороши, — улыбнулся человек, засмеялся, обернулся снова орлом и отнес девочку домой.

С той поры она никогда никому не говорила неправды. А папа ее перестал молчать и оказалось, что он очень веселый и добрый сказочник. И все теперь про него говорили, что он не просто был, а жил да был. И нос у него стал нормальным, и подпорка куда-то запропастилась. Но это уже совсем другая сказочка...

Проста у этой сказки суть.
Запомните, друзья:
И маму можно обмануть,
И папу можно обмануть,
И всех на свете обмануть.
Себя — никак нельзя.

Ну, теперь вы поняли, что за калач у дедушки Сулеймена был за пазухой? Конечно, сказки! Ах, что это были за сказки...

Из дневников разных лет

* * *

Да, я не могу не огорчиться тем, что мой народ находится в плачевном состоянии. Может быть, правы те, кто бессердечно заявляет о полном крахе ногайского народа и о том, что у моих соплеменников для национального развития нет никаких перспектив. Однако я могу с твердой уверенностью сказать, что ногайский народ жив, целостен, сохраняет язык и свой национальный мир. Наш народ жив в литературе. В нашей классической поэзии, в стихах Шал-Кийиза, Асана Кайглы, Досмамбета, Казтувгана, Мусеке и других. Народ наш проявил себя и в современной литературе. В произведениях отца, Гамзата Аджигельдиева, Кадрии, Кельдихан Кумратовой, Мурата Авезова, а также — хотя это, может быть, и нескромно, но думаю, что и в моих. Мы тоже показали национальный мир ногайцев, в наших произведениях тоже виден огромный духовный потенциал народа. Перечисленные мной авторы, дополняя друг друга, в своих произведениях показали народ во всех возможных плоскостях человеческого духа. Наш народ ничем не уступает народу Пушкина, Шекспира, Оноре де Бальзака... Одна беда — что у нас не было затребованной для мировой литературы творческой личности. На мировой арене оценка произведений искусства и литературы происходит под постоянным влиянием политических, государственных и религиозных интересов. Приход личности мировой величины во многом зависит от могущественности нации, народа. И вообще, мировое признание во многом дело случайное. В каждом государстве есть гениальные писатели и поэты, но миру известны единицы. А другие как будто и вовсе никогда не существовали. Из наших соплеменников когда-нибудь обязательно появится творческая личность мирового масштаба, и тогда извлекут из недр забвения наши литературные сапфиры и рубины, т.к. будут искать национальные истоки той личности. Ногайцы, как мне кажется, сделали для мировой литературы не меньше, чем все турки, арабы, венгры, скандинавы и другие. Самая высокая наша

заслуга в том, что народ создавал свою литературу в невыносимых условиях.

* * *

Дятел стучит. Дробь его стука разносится по всему лесу, хотя этот стук выделяется из лесной симфонии, но он органичен и привычен для леса, он никого не пугает и ничего не изменяет в природе. Стучит и стучит себе птица. Большая загадка, даже тайна кроется в этом явлении. Дятел так делает для прокорма. Казалось, чего проще поймать жучка на земле, в воде, в воздухе. Однако же ему для жизни надо стучать. Самое интересное, что и лес не может обойтись без стука этой птицы. А вы посмотрите на оперение дятла! Настоящий франт, щеголь! А самоуверенности хоть отбавляй. В нашей жизни стукачи тоже импозантны, самоуверенны. Этим самым привлекают и вызывают на разговор любого.

За что же природа эту птицу столь щедро одарила? Видимо, стук и в лесу высоко ценится. Стучи птица, стучи... Бог тебе судья.

* * *

Гнил на ветке старый плод,
От себя изнемогая.
Дням последним вел он счет,
Вял, о скорой смерти зная.

Будто, выбившись из сил,
Он отдался воле рока...
В недрах искру он носил,
Скрытую от глаз до срока.

Видно, время подошло,
Как всему приходит время...
И под солнцем проросло
Новой, буйной жизни семя!

* * *

Зная, что годами не увидит
Он порог отеческого дома,
Без прощания и без лишних вздохов,
Молча уходил ногай, ведомый
Силой неизвестности великой.
То ли он боялся путь свой сглазить?
Так сильна была к дороге тяга,
Что была она дороже дома.
Дом кочевника — одна дорога,
Вечная дорога — от порога,
Ведь в пути он — словно птица в небе,
Только здесь находит вдохновенье
Дух свободный вольного ногайца.
Так века назад ушел народ мой
Из родного дома, не простившись,
В неизвестность, как в небытие...

* * *

Там, где солнце путь свой отмеряет,
Юрты расселил народ ногайский,
Кожу его треплет легкий ветер,
А глаза его целует солнце,
И дорогу трудную, земную
Вечного скитальца освещает.

* * *

Много в жизни моей
Было тяжких ошибок,
Сколько раз я врагам
Свою грудь подставлял,
Обнажая ее,
Сколько ран и ушибов —
След на сердце моем,
Как звериный оскал.

Молодая пора
Пронеслась безвозвратно,
Как река протекла,
След соленый остыл.
Только тайна одна
Мне открылась внезапно —
Надо сад посадить,
Чтобы дети могли любоваться.

(Выступление на 7 съезде писателей РСФСР.)

Психологи утверждают, что миллионер и нищий видят совершенно разные сны. Один из представителей древних, коренных народов России — ногаец — тоже видит совершенно непохожие ни на чьи другие сны. Для творчества писателя его сны могут быть утешением. Но сны эти вовсе неутешительные. Наш народ находится в крайне тяжелом положении. Я писал о судьбе ногайского народа в «Литературной России», в этой газете в прошлом году была напечатана моя статья «Верить в идею бессмертия». И в центральной печати в последний год появилось несколько публикаций о жизни нашего народа. Общественность страны благодаря перестройке получила возможность узнать еще об одной трагедии, происшедшей на бескрайних просторах нашей многострадальной России. Прямые предки ногайцев — степняки Евразии — сыграли немаловажную роль в истории Руси. В средние века, помня былую независимость, из состава Золотой Орды выделились племена и образовали союз, который получил название Ногайская Орда. Сейчас в Академии наук СССР переиздаются первые документы в истории русской дипломатии — это «Посольские связи Руси с Ногайской ордой». Ногайцы, потеряв государственность, навечно стали российским народом, на протяжении многих веков судьба ногайцев тесно переплетена с судьбами народов России. Крупнейшие русские ученые никогда не опускали роли ногайцев в истории своего государства. В этой связи достаточно назвать имена Карамзина и Соловьева. В дореволюционной России публиковались обширные труды по истории, этнографии и культуре ногайцев, русскими учеными записывался и публиковался ногайский фольклор. Представители известных дворянских родов, таких, как Ермоловы, Юсуповы, Урусовы, Колчаки и другие не чурались своего ногайского происхождения. Ногайцы искренне поверили в социалистические идеи и приняли самое активное участие в установлении Советской власти. Но затем произошла национальная катастрофа. Наступили «окаянные» годы. Как другие народы, ногайцы не получили своей автономии, и это пагубно отразилось на развитии народа. Окаянные ученые, учитывая близость ногайского языка к другим тюркским языкам, распорядились так, что ногайцы Астраханской области (и Крыма) были вынуждены изучать татарский язык, а ногайцы равнинного Дагестана — кумыкский. Таким образом был заложен фундамент для быстрой ассимиляции ногайцев в этих

регионах. В начале 30-х годов поднялось национальное самосознание, ногайцы задумались о своем автономном образовании. Но было уже поздно. Задолго до сталинских репрессий 1937—1938 годов в ногайских аулах под видом борьбы с религиозными деятелями стали преследовать грамотных людей: их вывозили на арбах и истребляли в городах. Тогда лишь малая часть интеллигенции смогла спастись, меняя место своего жительства. Как и другие народы нашей страны, ногайцы подверглись известным жесточайшим испытаниям, пережили насильственную коллективизацию, страшный голод 1933 года, репрессии 1937—1938 годов, войну и послевоенный голод. И в эти тяжелые годы шла борьба Ставропольского края и Дагестанской АССР за владение Ногайской степью — местом компактного проживания ногайцев и терского казачества. Исторически степь входила в Ставропольскую губернию. Но с 1922 по 1937 год она была включена в состав Дагестанской АССР.

В 1937 году Ногайская степь отходит к Ставропольскому краю, и на ее базе создается Кизлярский национальный округ — автономия для ногайцев и терских казаков. В 1944 году попадают под репрессию чеченский и ингушский народы. Кизлярский национальный округ передается во вновь образованную Грозненскую область. Тогда ногайцам даже предлагали занять плодородные земли чеченцев и ингушей, но ногайцы отказались от такого безрассудного шага. Через 13 лет выселенные народы вернулись на родину. 9 января 1957 года указом Президиума Верховного Совета РСФСР, не спрашивая мнения ногайского народа и терского казачества, Ногайскую степь разделили на три части, поделенные земли передали Ставропольскому краю, Дагестану и Чечено-Ингушетии.

В эти годы в срочном порядке закрываются школы на ногайском языке, идет немислимая борьба с любой формой национального самовыражения, интеллигенция полностью находится в опале. Между разделенными группами ногайцев обрываются всякие экономические и культурные связи. Доходит до того, что даже обрезают существовавшие телефонные линии: если кто пожелает, то может увидеть в Ногайской степи остатки спиленных тогда столбов. Срочным образом в эти годы перекраивались исторические карты и карты того периода. Из школьных учебников исчезла средневековая карта с изображением Ногайской Орды, исчезла из современных карт название Ногайская степь, в печатных изданиях автономных республик возник термин «Черные земли», Кизлярские пастбища. Окаянство принимает массированные формы.

Все бывшие соседи ногайцев, у которых сегодня имеются государственные образования, в истории своих народов единомысленно опускают период взаимоотношений с ногайцами. Даже родственные народы, в чьих эпических песнях ногайские богатыри выступают защитниками, порою и от имени их народов, тоже игнорируют ногайцев, а фольклор свой фальсифицируют, в текстах выбрасывают слово «ногай», и особенно это стало выражаться в переводах на русский язык.

Я не буду вдаваться в подробности безотрадной жизни моего народа. Все это мне видится как страшный сон. Желая узнать о подробностях может познакомиться с материалами 2-го объединенного съезда ногайцев и 3-го чрезвычайного съезда ногайцев и терских казаков. Представители ногайцев и терских казаков с требованиями съездов об автономном образовании были у Нишанова и Ельцина, с ними был и я.

Сейчас наше положение усугубляется тем, что автономные республики объявляют свой суверенитет. Чечено-Ингушская АССР уже объявила его и даже заявила о выходе из России. Давайте поразмыслим: куда это ведет?

Шелковской район, где издревле живут ногайцы и казаки, лишь в 1957 году произвольно был включен в состав ЧИАССР, а теперь этот район вдруг оказывается в другой стране. Если и Дагестан объявит подобный суверенитет, то ногайцы сразу окажутся разбросанными, разделенными по нескольким странам. Трагедия моего 75-тысячного народа наводит меня на другую параллель. Если у нас в стране и дальше будет происходить такой произвол по отношению к народам, то недалек тот день, когда 150-миллионному русскому народу придется потерять несколько десятков миллионов своих соотечественников...

Но у нас в стране брошены зерна раскола народов — и брошены они давно, еще на заре Советской власти. Государственное обустройство народов было в корне неверным. Некая благая рука бесчинствовала над картой России. Она распорядилась примерно так: вот, мол, у самоопределяющегося народа нет пашни — возьмите пашню, нет пастбищ — возьмите эту степь, нет выхода к морю — возьмите себе этот берег. Результаты оказались очень злыми, порою совершенно неразрешимыми. Так, абхазы и осетины оказались в Грузии, татары — в Башкирии, башкиры — в Татарии, украинцы и гагаузы — в Молдове, лезгины — в Азербайджане и т. д., и т. п...

В России народы уживались веками, их судьбы органически выросли в прошлое и будущее. Искусственное расчленение чревато непредсказуемыми последствиями. Некоторые даже не представляют, с каким огнем идет игра...ногайцы

сами по себе — политически несамобытный народ, политическая самобытность наша — в единстве с народами России. От крайностей нас сдерживало то, что хотя мы были административно разделены, но проживали в единой России... Поэтому еще раз обращаю внимание на судьбу ногайцев в плане параллели единства страны России...

В июне этого года в Черкесске собралось около 30 ногайских литераторов и 5 членов СП СССР, на этом собрании была создана Ассоциация ногайских писателей. У ногайцев в 2—3 раза меньше членов СП, в 3—4 раза меньше выходило книг, чем у равночисленных народов, у нас не изданы фольклор, средневековая поэзия, нет полных научных трудов по истории литературы, словарей и т. п. Ногайские писатели не участвовали ни в одном пленуме, секретариате СП РСФСР, ни разу не имели возможности собраться вместе. Все это вынудило нас объединиться в ассоциацию. Мы могли бы законно действовать при своей общественной организации, но для полной эффективности мы хотели действовать в рамках Союза писателей России. Я с этим вопросом дважды обращался в секретариат, обратился в поддержку ногайских писателей с обширным письмом и алтайский писатель Бронтой Бедюров. Я не хочу здесь высказывать обиды, так как вполне понимаю обстановку, создавшуюся в Союзе писателей. Я только хотел просить российских писателей с пониманием отнестись к трагедии нашего народа, а также создать чрезвычайную комиссию по нашей литературе, обсудить проблемы ногайской литературы на одном из секретариатов и, конечно, существенно нам помочь.

Газета «Литературная Россия», 21 декабря 1990 г.

* * *

До моего выступления на съезде писателей России было яркое и, не побоюсь сказать, ошеломляющее для широких кругов выступление Кельдихан Кумратовой на учредительном съезде компартии РСФСР. В мае 1990 года начался 28 съезд КПСС, который закончился в июне учредительным съездом компартии РСФСР. Фактически из-за возможности выступить Кельдихан согласилась стать делегатом 28 съезда КПСС. Я поехал вместе с ней в Москву. наших троих детей около двух месяцев смотрели мои сестры и сестра Кельдихан. За это мы были бесконечно им благодарны. Без их поддержки невозможно было выступление на съезде. Кро-

ме нас двоих о том, что она собирается выступить, никто не знал. Власти не дремали, и к нам почти каждую неделю приезжали гонцы из родных пенатов. Им нужна была информация, мы об этом догадывались. Конечно мы не знали, на кого грешить, и чтобы не гадать, свои намерения держали в строгой секретности. КПСС хотя и разваливалась, но еще являлась могучей силой в управлении страной. И выйти на трибуну было не так просто. Кельдихан, чтобы взять слово, приложила немало усилий, она познакомилась со многими известными людьми. Ни Гамзатов, ни Назарбаев, ни Примаков не откликнулись на ее просьбу. Может быть, просто им в это время было не до этого, тем более, что никто из них до съезда с ней не был знаком. Мы так до конца и не узнали, но, кажется, Рафик Нишанов как-то способствовал тому, чтобы ей дали слово. По крайней мере, он ей так сообщил. Слово Кельдихан взяла только на учредительном съезде. Партийная номенклатура России все равно оставалась лидирующей в стране. Поэтому за российским съездом партии наблюдал весь СССР. Выступление прозвучало как гром среди ясного неба. Многие партийцы отвернулись от Кельдихан и даже перестали здороваться. Речь полностью была опубликована в газете «Советская Россия» за 26 июня 1990 года. На местах были попытки опровергнуть содержание речи. Были организованы письма в центральную печать от ногайцев Дагестанской АССР, кое-где в коллективах предприятий проводились обсуждения. Однако джинн был выпущен из бутылки. Ногайский вопрос, который обсуждался только в кулуарах, сразу стал достоянием самой широкой общественности. Партийцы, да и сам Горбачев, были хорошо осведомлены о положении ногайцев. Не желая лишней головной боли, они упорно не замечали проблемы. Да и не до этого было. На глазах рушился оплот власти — всемогущая КПСС. Б. Н. Ельцин, тогда Председатель Верховного Совета народных депутатов РСФСР, принял делегацию ногайцев и терских казаков в своей приемной. Ногайцы поразили меня своей неорганизованностью. Я, конечно, допускаю, что какая-то часть ногайцев была специально подослана из регионов для создания разлада. Но в такие моменты даже животные объединяются, а тут речь шла о будущем народа. Одни уводили разговор в русло мелких проблем, другие набрасывались на соотечественников из других регионов, обвиняя в местничестве, третьи откровенно закатывали истерику. Я еще до приема понял, что с этими людьми не совершить конструктивных дел. Б. Н. Ельцин принял и выслушал всех. Он был очень удивлен сотрудничеством ногайцев с казаками. Но утешительного ответа не дал. «Будем думать...» — сказал он, заканчивая беседу.

Из дневников разных лет

* * *

Коммунисты преднамеренно лишали народы нашей страны истории. Они хорошо знали, что народ без истории, как ребенок без родителей. Они хотели сделать нашу страну детдомом и все народы воспитать на свое усмотрение, навязать коммунистическое миропонимание, создать новую общность людей. Однако это у них не получилось. И не могло получиться: родители искали своих детей, да и дети хотели знать о своих родителях. Это была естественная потребность. Гнуснейший пункт в идеологии коммунистов! Противоестественный! К равенству люди должны стремиться, но не таким путем, который избрали коммунисты.

* * *

Еще одно место в идеологии коммунистов вызывает ряд недоумений. Это: кому принадлежит земля? Коммунисты решили просто: земля принадлежит народу! Я часто не мог понять такого разрешения глобальной проблемы. На самом же деле у коммунистов земля принадлежала государству, которым управляли партийные деятели. А не народу! Т. к. народ состоял из людей, а раз не было частной собственности, то она народу не принадлежала. Мне кажется, что такая путаница возникла машинально. Коммунистические идеологи, хотя и ломали вековые устои и традиции, все же оставались русскими людьми со своим национальным менталитетом. В России же земля принадлежала государю, а тот являлся помазанником божьим и только он мог наделять землей своих подданных. В свою очередь русские монархи пользовались евразийской идеей, уходящей корнями в глубокие времена.

В тюркских, монгольских, китайских государствах лишь каган мог наделять землей своих подданных, она же оставалась ничейной, т. е. боговой, а все исключительные права принадлежали только кагану — «сыну Неба».

Коммунисты, как и евразийские императоры, часто повторяли: «Ни пяди родной земли никому не отдадим!». Истоки этого призыва находятся в древней истории тюркских каганов. Приведу одну из распространенных легенд, которую передавали каганы своим приемникам...

«Когда Мо-Тун (китайское имя легендарного Огуз-хана, часто пишется в транскрипции Моде) взошел на престол гуннов Азии (209 г. до н. э.), их южные соседи, Тун-Ху, считались самым сильным государством. При вести о новом правителе Тун-Ху, отправив к гуннам посла, потребовали знаменитую лошадь отца Мо-Туна, которая без остановки могла пробежать тысячу миль. Мо-Тун собрал курултай. На курултае все высказались против требования Тун-Ху, мотивируя свои мнения, что такая лошадь очень важна для самих гуннов. Но Мо-Тун возразил:

— Разве одна лошадь стоит дороже, чем соседи?! — и отдал лошадь Тун-Ху.

Тун-Ху, получив лошадь и расценив действия нового правителя как слабость, послали гуннам посла с требованием молодой жены Мо-Туна. Мо-Тун снова собрал курултай. Все возмутились наглостью Тун-Ху. Предлагали организовать поход на их землю. Но Мо-Тун сказал:

— Разве одна женщина стоит дороже, чем соседи?! — и отдал жену.

Совсем обнаглевшие Тун-Ху потребовали пустынную землю, где никто не жил, Мо-Тун снова собрал курултай. Некоторые, подумав над прежними решениями своего правителя, согласились отдать пустынный клочок земли. В ответ на это Мо-Тун закричал страшным голосом:

— Земля — основа ханства, она нам дана Небом! Как вы можете отдать ее другим! — и велел казнить сторонников отдачи земли Тун-Ху и готовиться к походу».

Сегодня в Москве демократы никак не могут решиться издать закон о частной собственности на землю. Потому что такое решение не уместается в сознание россиянина, по своей сущности евразийца.

Вообще-то этот вопрос рассматривался и в Библии, хотя библейская история ставит и другие глубинные философские задачи. Как известно, первыми детьми Адама и Евы (по нашему Хавы) были Каин и Авель. В священной книге подчеркивается, что Каин был земледельцем, а Авель скотоводом. Каин не мог спокойно смотреть на своего брата, и однажды вывел Авеля в поле и беспричинно убил. Может быть, все-таки причиной убийства был образ жизни братьев?.. Бог проклял Каина и сказал, что на нем будет особый знак — «каинова печать», по которой люди станут его узнавать и не будут убивать. В большом смысле вечная жизнь являлась наказанием, так был наказан в нашей мифологии старец Коркут. Но в данном случае Бог фактически обессмертил имя Каина, чтобы люди помнили его страшный грех. Грех Каина оставил глубокий след в истории человечества. Люди с тех пор занимаются братоубийством. Но нам интересно и другое: то, что с тех незапамятных времен земледельцы враждуют со скотоводами, в широком понимании этого определения оседлые народы не уживаются с кочевыми. Симпатии так называемых прогрессивных народов на стороне людей с «каиновой печатью». Но в тексте Библии видна симпатия безвинно убиенному Авелю. Кажется, объяснима и эта симпатия священной книги. Земледелец, несомненно, был собственником земли. Кочевник же таковым не мог быть, и он, естественно, был ближе к богу. По божественному же определению человек не может быть собственником земли, так как не он ее создавал. Более того, по Библии сам человек создан из земли. Авель всегда был правым, и погиб он за свою правду. Люди с «каиновой печатью» всегда побеждали Авелей. Удивительно, что Священное писание не называет главной причины убийства.

Но народы Евразии по какому-то наитию знали о первоначальном грехе человечества, и всегда старались уживаться. Главный предмет раздора — землю — они обожествляли и считали небесным даром, как солнце и долгожданный дождь, хотя войны из-за нее происходили часто.

Если в современной России опять победят люди с «каиновой отметиной», то ее ожидают новые потрясения. Пора ей обратиться в сторону Авеля и продолжить традицию человеческого добра и подвижничества.

* * *

В исторической науке очень часто наивно заблуждаются ради придания труду чисто художественных черт, ради беллетристики. Многие специально идеализируют прошлое, чтобы вдохновить будущие поколения. Такую литературу необходимо разоблачать для торжества правды и справедливости. Однако в науке всегда было немало трудов, преднамеренно искажавших прошлое. В одних это делалось для придания легитимности и возвышения правящей династии, в других — в религиозных целях, в третьих — для оправдания завоеваний и утверждения за собой захваченных территорий и т. д. На вопрос: «Ради чего?» — грядет ответ: «Только ради обмана». Ради обмана современников и грядущих поколений. И таким образом исторический труд становится источником лжи, хотя намерения при его написании были благими.

* * *

История любого народа неизменна. Ее изменяют нерадивые историки. Очень часто обыкновенная домашняя кошка представляет себя в шкуре тигра — на таких кошек похожи нерадивые историки. Советская идеология многие страницы истории сделала запретной. В эпоху гласности запреты были сняты, а сама проблема усугубилась... Перестройка широко открыла двери зверинца, в который запросто попадает наша домашняя кошка, чтобы увидеть свой идеал воочию. Но когда кошка, вдоволь наглядевшись на тигра в клетке, выходит из зверинца, она начинает фанатично верить в то, что видела своего прародителя. Эти ученые пишут много лживых сочинений по истории. Их надо игнорировать, запрещать невозможно. Однако игнорировать очень трудно. Некоторые вещи возмущают до предела. Мне надо начать публиковать исторические материалы: документы, сообщения очевидцев, труды серьезных историков. Есть задумка написать собственный исторический труд.

* * *

Ногайцы живут на своей исторической земле. Российская земля — наша историческая родина! Даже земля Север-

ного Кавказа вся, до самых горных вершин испещрена ногайскими топонимами и гидронимами. Эльбрус, Кубань, Терек, Сулак, Койсу, Зеленчук, Баксан, Малка, Дарьял, Кизляр и многие другие названия являются ногайскими.

* * *

В конце концов задумайтесь над тем, что вся территория современной России когда-то входила в государство Золотая Орда, которое просуществовало почти триста лет. После распада Золотой Орды образовавшиеся на ее территории Московское княжество, Казанское, Крымское, Касимовское, Сибирское ханства, Большая Орда, Ногайская Орда просуществовали более столетия. Последнее из них Крымское ханство — до конца 18 века. Во всех названных государственных образованиях, за исключением Московского княжества, ногайцы находились на первом плане и являлись основной военной силой. А получилось так из-за того, что основным народом Золотой Орды были ногайцы, хотя их часто называли татаро-монголами. В мировой истории часто народы известны под другими названиями (грузины, немцы, черкесы, финны и т.д.). Нерадивые историки, чтобы принизить роль ногайцев в истории, возникновение государства Ногайская Орда в междуречье Урала и Волги в 15 веке хотят увязать с появлением ногайского этноса. Это был не новый этнос. Ногайцы в это же время были главной военной силой и в Казани, и в Астрахани, и в Крыму, и в Сибири. Куда же делось столь большое население? Это другой вопрос. Ногайское население систематически уничтожалось в распрях между ханствами, очень много людей погибло от рук царских войск, ассимилировалось другими народами. Вплоть до Октябрьской революции ногайцы сохранялись и в Крыму, и в Поволжье, и в Сибири, и в Приазовье, но коммунисты в 1926 году насильственным образом в этих областях переписали ногайцев татарами. Кроме этого, о ногайском компоненте в своих этносах хорошо помнят и татарские, и башкирские, и казахские, и каракалпакские, и узбекские ученые. Самое главное, почти все тюркские народы на территории России и Украины унаследовали ногайский героический эпос. Основатель Ногайской Орды Эдиге (умер в 1420 г.) — национальный герой и татарской, и башкирской, и казахской, и каракалпакской истории.

* * *

Белла Ахатовна Ахмадулина как-то в интервью татарскому журналу «Идель» высказывалась: «...У нас вот порядочных людей раскулачили, выслали их... Выживают-то ведь раскулачивающие, конвоирующие и плодятся не раскулачиваемые и конвоируемые, а раскулачивающие и конвоирующие...»

Судьба ногайцев неразрывно связана с судьбой страны, у нас тоже извели порядочных людей: расстреляли, сгноили в лагерях. Только, в отличие от других, у нас почти не было раскулачивающих (так как во власти были единицы) и конвоирующих. У ногайцев были доносящие друг на друга, в основном выжили и расплодились они.

Это не вина людей. Ногайцы при советской власти были управляемы извне. У нас всегда преследовались люди с чувством собственного достоинства. Прежде всего они казались чуждыми, «белыми воронами» в самой народной гуще.

* * *

В мире все больше беспутных людей. Человечество само ведет себя к закату.

* * *

Последние годы очень часто приходится быть на похоронах, поминках. В памяти не задерживается радостное. Время отмеривается печальными событиями. Последний раз хоронили одного моего знакомого, скончавшегося без болезни. Всех ввела в недоумение эта внезапная смерть. И только я знал, что он не выдержал ярости земной. У него лопнули «струны души» от вселенской музыки негодования...

* * *

Ногайскую поэтессу Кадрию зверски убили и сожгли... Предчувствие этой трагедии задолго до истинной смерти ощущается в ее стихах. Ее поэзия, подобно чистоте утренней росы, была неестественной в мире грязи и бесчестия.

Кадрия — цветок, рожденный и погубленный ненастьем. Появление поэтессы такого ранга для нашего народа было явлением преждевременным.

Кадрия — летящая звезда, появившаяся на небосводе и исчезнувшая навсегда.

Она в стихах часто обращалась к звездам.

Страшная смерть, связанная с огнем, ей была уготована, чтобы осветить человечеству ее поэзию.

К сожалению, русские переводы зачастую не соответствуют оригиналу стихотворений. Необходимы новые переводы...

Яркая жизнь — и столь же необычная смерть — все это говорит о незаурядности Кадрии.

Моя повесть «Гармонистка» посвящена ее незабываемому образу.

Наши соотечественники еще вернуться к поэзии Кадрии. И каждый раз она будет порождать вздох сожаления.

Наш древний поэт Юсуф Баласагун писал:

Печаль и тоска проходит,
Остается лишь сожаление.

Кадрия написала свою книгу сожалений.

Истинные художники всю жизнь пишут одну эту книгу. «Тихий Дон» М. Шолохова, «Шум и ярость» У. Фолкнера — это книги сожалений об уходящем навсегда.

* * *

В известном нам мире повсеместно идет разрушение личности. Цельные, духовно крепкие люди — большая редкость. Это возмездие человечеству за насмешку над богами. Ничего лучшего, чем Бог, люди еще не придумали. Это становится очевидным в преддверии третьего тысячелетия.

* * *

Бог необходим мыслящему существу, животному он — ни к чему.

* * *

Когда у людей теряется вера в Бога, тогда пропадает и воля народа.

* * *

«Пророк Иса (Иисус) своим дыханием оживлял мертвых.». В каждом творце — писателе, художнике, скульпторе — заложено такое начало. Он, творец, может оживить тех, кто ушел из этого мира тысячу лет назад. Он может из небытия показать людям грядущего героя.

* * *

Гениальный творец — всегда пророк.

* * *

Мы с ногайским писателем Валерием Казаковым учредили художественно-публицистический журнал «Половецкая луна», нашли деньги для регистрационного сбора и для издательских расходов. Я поехал в Москву для регистрации. В Министерстве печати РФ случилось совершенно непредвиденное. Я отдал учредительскую документацию в нужный кабинет и собирался уходить. По разговорам других регистрирующихся я должен был явиться через несколько дней. Принявшая бумаги девушка в окошке, бегло просмотрев бумаги, вдруг всполошилась, засияла, куда-то позвонила, затем, быстро выйдя из кабинета, остановила меня в коридоре. Обратившись по имени-отчеству, попросила зайти к ее начальнику. Я был удивлен подобной реакции. В кабинете, куда завела девушка, сидела молодая женщина в очках. Она посмотрела на меня с головы до ног, улыбнулась:

— У вас луна половецкая, а я Виктория Половецкая. Вот не ожидала!

Так мы познакомились с начальником Юридического отдела Министерства печати. Регистрация прошла быстро. Такое начало предвещало многое. Для выпуска первого номера очень внушительно помогли глава Ногайского района Дагестанской АССР Аскер Аджиев и председатель Агропрома этой республики Нарбек Аджигайтканов. Они готовились к празднику 600-летия ногайского героического эпоса «Эдиге» и журнал сделали составным элементом этого эпохального торжества.

Я много сил отдаю журналу. Фактически идейную часть делаю один, моя супруга, Кельдихан Кумратова, несколько раз перепечатывает материалы, занимается почтой, неоценимую помощь оказывают редактор Валентина Буяльская и производственный редактор Муслимат Дышекова. К этому времени я издал свой роман «Книга отражений» на ногайском языке, рукопись перевода на русский ходит по рукам в московских издательствах, трудно издаваться. Я перестал писать свои вещи. Я охладел к «Барже»... Журнал меня сильно увлекает, и я отдаю всего себя ему.

Мы издали девять номеров.

ПРЕДИСЛОВИЯ К ЖУРНАЛУ «ПОЛОВЕЦКАЯ ЛУНА»

Дорогие читатели!

Наш первый номер журнала «Половецкая луна» посвящается знаменательному событию в жизни страны — 600-летию ногайского народного эпоса «Эдиге». Кроме всех известных беззаконий, совершенных по отношению народов нашей многонациональной Родины, сталинизм в сороковые годы совершил еще одно: наложил запрет на любимую эпическую песнь нашего народа. Была арестована песня! Незаслуженно обвинив ее в антинародности, представители командно-административной верхушки более сорока лет держали песню в заточении. И вот наконец общественность имеет возможность отметить славный многовековой путь эпоса «Эдиге». Мы печатаем первый художественный перевод его с ногайского текста, но мы знаем, что этим жизнь песни на русском языке не ограничится (есть различные варианты эпоса на родном языке), и великая песнь еще заинтересует многих любителей русской словесности — в это мы твердо верим.

Направление нашего журнала — тяга к истории, к корням. На протяжении многих веков история и культура нашего народа привлекали внимание лучших умов России. В этом номере читатель найдет уникальные материалы о причастности к жизни ногайцев великих творцов человечества — Л. Н. Толстого и А. С. Пушкина. «Половецкая луна» и в последующих номерах намеревается знакомить вас с малоизвестными примечательными фактами из жизни народов, проживающих на юге России, с лучшими произведениями из современного литературного процесса. Просим всех откликаться на наши публикации, от вашего мнения зависит качество журнала.

Мы приглашаем вас, дорогие читатели, под нашу Луну. У всех народов ночное светило олицетворяло таинство, величие, вечность вселенной; образ светила нашел отражение в поэзии, искусстве всех народов. У каждого народа есть свое светило: оно объединяет нас на земле и в то же время оно у всех свое. Пусть же каждому осветит «Половецкая луна» неизведанные дороги, пусть озарит память и воспламенит надежду и стремление к добру, пусть согреет всех теплом дружбы и братства!

В связи с переходом к рынку, к новым экономическим отношениям наш народ оказался в крайне затруднительном положении. Ногайцам грозит полное обнищание. Прежде всего это связано с разделением народа и вхождением в различные административно-территориальные единицы. Из-за отсутствия единого государственного обустройства мы не в состоянии комплексно решать насущные проблемы народа, развивать культуру, искусство и литературу. В специальном выпуске журнала, в разделе «Заблудившийся крик» (кстати, заглавие заимствовано из названия романа известного казахского писателя, большого друга ногайского народа Роллана Сейсенбаева), мы рассказали о том, как на протяжении многих десятилетий республики, области полностью использовали трудовые ресурсы, богатства земли и не оставляли средств на социальное и культурное развитие народа. Этот процесс сегодня усугубляется и принимает откровенно наглые формы.

Представители нашей общественности обращались со своей болью во все структуры власти. В стране нестабильно, тревожно. И всем не до нас. Были они и на таких крупных форумах, как Алма-Атинский международный конгресс по защите прав человека, на нескольких заседаниях Ассамблеи тюркских народов, обращались к Ассамблее горских народов. Участники этих форумов выражали сочувствие и понимание, даже в поддержку законных требований ногайского народа принимались документы, но эти меры действенных результатов не дали. Поэтому в создавшемся положении нам всем вместе надо подумать о механизме выживания нашего народа. Может, надо образовать единый фонд по выживанию ногайцев; может, надо создать единый коммерческий банк или единую ассоциацию (корпорацию) предприятий?..

Еще хочу привлечь внимание читателя к нашим издательским проблемам... Из-за дороговизны на бумагу, из-за непомерных типографских и связистских поборов закрываются крупнейшие издательства в стране. У «Половецкой луны» нет спонсоров. Журнал выпускается усилиями двух учредителей. В это тяжелое время просто необходимо, чтобы хотя бы тысячная доля того, что производят ногайцы, оставалась им для развития культуры, искусства и литературы. Если хозяйства,

где работают ногайцы, продадут нам по сходной цене какую-то малую часть сельхозпродукции, то в результате коммерческих сделок мы сможем приобрести необходимую для печатного дела бумагу и поправить свое финансовое положение. Государственные издательства в 1992 году будут не в состоянии выпустить книги на национальных языках, а мы недавно в Министерстве печати РСФСР зарегистрировали приложение к журналу — «Библиотека «Половецкая луна» — и имеем совершенно серьезные намерения выпустить в этом году несколько книг для ногайского читателя.

Уважаемые соотечественники, предприниматели, руководители районов и предприятий, ждем от вас конкретных предложений.

© *Половецкая луна, 1992, №1*

* * *

Сбор материалов для очередного номера журнала мы производили по всем местам проживания нашего народа. Всюду мы слышали один и тот же вопрос: «Что будет с нами? Какова судьба ногайцев?» В пример ставились народы, повышающие статус своих государственных образований. Легализация их бывшей теневой экономики и открытие совместных предприятий, повальное приобретение состоятельными людьми государственных предприятий в собственность, экстремальные требования лидеров некоторых национальных движений — всего этого у ногайцев пока нет. За 70 лет властвования командно-административная система проявила достаточно усилий, чтобы ногайцы не смогли возродиться. Поэтому и больно было слушать соотечественников. Редколлегия нашла единственный выход: в ущерб художественности сосредоточить внимание на современных проблемах и подготовить специальный выпуск журнала.

© *Половецкая луна, 1991, №2*

* * *

(№2 1992 года вышел в год смерти выдающегося ногайского художника Сраждина Батырова)

ПАМЯТИ СРАЖДИНА

Когда я его вспоминал, еще при жизни, мне виделось черное солнце в красном небе. Предчувствие беды всегда наполняло мою душу...

При встречах же с ним мне не нравилось, что он пытается строить из себя озорника, не нравилось, когда в нем проskalьзывали признаки самолюбования и кокетства. После я корил себя за свои упреки и понимал, что такое поведение художника — хрупкая оболочка его защиты, которая больше подчеркивала незащищенность.

Я вспоминал Сраждина, и мне виделось черное солнце в красном небе... и чаще оживали в памяти картины.

Его степь — как золотая колыбель, качающая нас всех...

Кисть его тянулась к цвету золота. К вечному цвету, цвету совершенства... Золотая осень, спелые плоды, золотистый хлеб, желтый тастар бабушки, золотистый наш ногайский чай, золотое солнце и вечная наша луна...

Из-под черных надгробий струились письма покинувших душ — Сраждина тянуло и к этому образу.

В картинах я видел несломленные души Гамзата Аджигельдиева, Кадрии. Картины его закаляли нас и души тех, кто еще придет в этот мир. Мне так и хотелось крикнуть:

«Ай, живи, мастер! Ай, здравствуй, наша не щедрая на зеленые всходы, наша вечная земля! Ай, живи, ты — девочка с тонкими черными косичками!»

Хоронили Сраждина в ненастный весенний день. Хоронили обычно, без помпезности. Хоронили мы его как просто го ногайца — он им был всегда, а ведь он был и остается выдающимся художником, замечательным мастером!

Я вижу, как пылают костры в ночи.

Вижу, как его ученики с невозмутимым ликом танцуют вокруг костров древний танец солнца.

Судьба его — это борьба мира мрака с миром света.

Он сеял свет, добро.

Народ наш еще долго будет пожинать его добрые всходы.

Все попытки нашей интеллигенции объединиться и бороться за государственное обустройство ногайского народа рубятся на корню.

Общественной организацией «Бирлик» удачно были проведены первые съезды. Видя сплоченность на съездах, народ наш был вдохновлен и начал верить, что объединятся искусственно разрозненные районы и наконец наш народ приобретет в Ногайской степи автономное образование. До 1991 года эта надежда не угасала. Затем, когда в стране пошел всеобщий разлад, брожения среди ногайского народа стали выливаться в опасные тенденции. Этот процесс, если он пойдет дальше, будет означать то, что ногайцы не готовы к свободе.

Фактически из-за второстепенных для нас политических страстей, а больше из-за личных амбиций, более-менее представляющие народ лидеры готовы перегрызть друг другу горло.

Хочется от своего имени призвать к благоразумию руководство районов, интеллигенцию, членов общества «Бирлик» — на сегодня единственную способную объединять ногайцев организацию. Нам нельзя забывать главную нашу задачу — сохранение своей целостности, сохранение культуры, истории. В эти тяжелые дни нам необходимо найти пути к единению. Посмотрите, у нас появились беженцы из Шелковского района Чечни, ногайцы ищут убежище в Ногайском, Нефтекумском районах и даже в Карачаево-Черкесии. А мы безропотно молчим. Без единения мы их не защитим. Без единения наш народ превратится в кучку людей, лишенных чувства собственного достоинства, а еще хуже в сборище недомумков, дебилов. У нас на глазах соотечественников лишают Родины, у нас отнимается земля во всех регионах проживания, новоявленные «историки» лишают нас нашей собственной истории. Сейчас всем не до нас. Но для чего мы сами?! Почему мы должны вечно смотреть на воздействие извне. Наша сила в нас, в единении... Народ должен быть окрылен идеей будущности.

Первые два номера 1993 года, которые впоследствии были объединены в один, готовы были у нас еще в начале года, но из-за резкого повышения цен на типографские расходы мы не смогли сразу отдать его в набор. 19 июня 1993 года состоялась презентация нашего журнала, нам помогли средствами, и мы сдали рукопись в набор. Зная ограниченные возможности населения, получающего наше издание, мы предпочли не объявлять о подписке. Предстоят еще повышения цен на бумагу и услуги. Мы почти уверены, что наши читатели не смогут оперативно произвести доплату, да и мы из-за высоких цен можем не справиться с выпуском указанного в подписке количества номеров. У нас уже было так...

Из всех регионов к нам от читателей поступили поздравления в связи с презентацией журнала. Много писем пришли по поводу документального фильма «Половецкая луна», показанного по Российскому телевидению 20 августа 1993 года. Кстати, фильм частично финансировался из средств, поступивших во время презентации. «Половецкую луну» смотрели и в Якутии, и в Астрахани, и в Армавире, и в Чечне... Мы благодарим наших поклонников за отзывчивость, за поддержку наших начинаний.

Выдержка из почты №3 журнала, 1993 г. Далее в этом же номере мое вступительное слово к подборке стихов поэта Юсуфа Созарукова.

За десять лет до рождения Юсуфа Созарукова весь карачаевский народ был выселен из родных гор. Юсуф родился на чужбине, в Средней Азии. Будучи ребенком, в 1957 году он вместе со всем народом вернулся в Карачаево-Черкесию. Мать Юсуфа — ногайка, поэтому по воле судьбы он вырос в ногайском ауле Икон-Халк. Знает хорошо оба родственных языка — карачаевский и ногайский, а также черкесский, но стихи он пишет в основном на русском языке.

Юсуф Созаруков одним из первых среди своих соплеменников затронул в своем творчестве трагедию карачаевского народа. Мне памятно его стихотворение «Возвращение», опубликованное в 1978 году; берусь утверждать, что оно — первое напечатанное произведение на эту тему. А я помню, что тогда писать о великом горе народа было совсем небезопасно, тем более для начинающего поэта.

— Ой, анам!
Что за черные птицы за нами летят?
— Это горести наши.
Их мало осталось, сынок.
— Ой, анам!
Я боюсь их. О чем они это кричат?
— Они скоро умолкнут.
Но ты их запомни, сынок...

Так начинается это стихотворение.

И вот, мы дожили до того дня, когда насовсем умолкли «крики черных птиц». 2-го ноября в городах и аулах Карачаево-Черкесии прошли митинги и собрания, в столицу республики съехались представители общественности из всех регионов Северного Кавказа — отмечалось знаменательное событие — 50-летняя годовщина депортации и обретение полной реабилитации карачаевского народа. «Половецкая луна» с большой охотой представляет стихи поэта Юсуфа Созарукова — одного из первых литераторов, прокладывавших путь к реабилитации карачаевцев.

* * *

Как отмечалось во всех предыдущих выпусках, основная задача нашего издания — это сохранение и развитие культуры и истории ногайского народа и освещение добрососедских взаимоотношений ногайцев с другими народами в далеком прошлом и настоящем. С первой частью нашей задачи, по отзывам наших читателей, мы справляемся, со второй же дело обстоит несколько хуже. Поэтому мы решили большой объем очередного номера посвятить культуре, истории, литературе того или иного народа. Выбор наш пал на карачаевцев. Поводом послужила и наша почта, и то обстоятельство, что, к нашему восхищению, среди карачаевского народа оказалось немало наших почитателей.

Кубанские ногайцы издревле живут в добрососедских отношениях с обитателями горного Карачая. Нас объединяет не только многовековая история, но и единый с карачаевцами и балкарцами тюркский язык, наши народы вполне могут обойтись без переводчика.

Я сам с детства любил читать карачаево-балкарский эпос в оригинале, а став взрослым, читал и читаю современных авторов. Бывая в командировках в карачаевских селениях, встречался со старожилками, слушал их хабары о жите-бы-

тье, страшные воспоминания о выселении и множество преданий о ногайцах. От стариков я впервые узнал о нахождении сохранившихся по сей день ногайских кладбищ в горных районах Бийчесына, Кызыл-Калы, Койдана и Эльтаркача. Карачаевские аксакалы, в отличие от многих современных литераторов и ученых, никогда не проводили черту различия между нашими народами. Например, рассказывали какое-нибудь предание о ногайцах и сопереживали так, будто речь шла о жителях их аула. В карачаевских аулах живут немало семей ногайского происхождения. Одни помнят об этом, другие забыли. Да и в ногайских аулах живут представители родов, когда-то переселившихся из Карачая...

Помню год возвращения карачаевцев из Средней Азии. Мои земляки, эркин-юртовцы, всем аулом выходили на железнодорожную станцию встречать вернувшихся из ссылки. Женщины ведрами выносили чай, жареные лепешки, всевозможные национальные угощения, играла ногайская гармошка, сотни людей обнимались, находили близких, друзей, просто знакомых...

В ноябре 1993 года у нас, в городах и селах Карачаево-Черкесии, отмечалась трагическая дата: 50-летие депортации карачаевского народа. Для участия в этом знаменательном мероприятии в город Черкесск съехались представители всех республик Северного Кавказа, Ставропольского, Краснодарского краев и Ростовской области. Гости и жители нашей республики почтили память безвинно погибших, осудили виновников этого бессмысленного произвола над целым народом...

Эта дата стала главной и для очередного номера нашего журнала.

© *Половецкая луна, 1994, №1*

* * *

В России идет процесс возрождения казачества. Реакция на происходящие события в разных местах неадекватная. Хотя успехи, сдвиги к позитивному решению уже существуют. Никто не отрицает, что на заре Советской власти широкие слои российского населения (т. е. казаков) были жестоко репрессированы, и потому ищутся пути к их реабилитации. Вместе с тем основная причина репрессий и сегодня выносятся виной и преградой возрождению казачества. Хотя самих ка-

заков утверждение, что явление казаков в России — это не только сословное, но это и этническое различие, подтверждается и исследованиями крупнейших ученых, противники обособления казачества находятся и среди русского населения. А между тем это самобытнейший этнографический тип, сохранившийся среди тюрков и славян. Мы много говорим о русских казаках, говорим и о том, что в их этногенезе сыграли важную роль тюрки России, в частности, ногайцы. Почему-то мы совсем не упоминаем о целом тюркском казачьем народе, который сам себя по сей день называет казаками, но в царской России, чтобы не было путаницы с русским казачеством, их называли киргиз-кайсаками, а в советское время, хотя и вернули самоназвание, все же изменили одну букву и называют казаками.

В связи с сословным выделением в царской России, в русское казачество уже вступали представители многих народов. Видимо, это шло по наследственному принципу еще из Золотой Орды. Мы знаем о калмыцких, осетинских, якутских, ногайских российских казаках.

Мне лично видится естественным возрождение этой древней традиции у нас, ногайцев. Хотя в последнее время мы встретили совсем необоснованное сопротивление этому движению, казачий образ жизни в крови у всех горских народов. Возможно, что выработанный на заре Советской власти образ врага революции в лице казака срабатывает и сегодня. Я не отрицаю того, что казачество всегда выступало авангардом в завоеваниях России, притесняла покоренные народы. Но ту же роль то же самое казачество исполняло и в Золотой Орде, и также служило за интересы этого древнего государства. Надо заметить и то, что казачество и в Золотой Орде, и в России в основе своей было веротерпимым. Да иначе и не могли существовать принципы казачьего братства, равноправия. Но были эксцессы, в зависимости от общей политики государства. Так, при хане Узбеке в процессе исламизации Золотой Орды стали массами выезжать тюркские казаки — воины-язычники и христиане, (есть мнение, что это они и заложили основу российского казачества, первым атаманом Войска Донского был ногаец Сары-Азман). Вплоть до середины XVII века запорожские, донские, яицкие казаки в разном соотношении входили в войска татарских государств. А преследуемые царизмом за старообрядческую веру некрасовские казаки даже в XVIII веке вместе с ногайцами Копыла (столицы Малой Ногайской Орды, по-ногайски Капу) высту-

пали против царской армии, а затем вместе с ними же переселились в далекую Турцию.

Как бы ни разноречивы были суждения на счет этногенеза и роли казаков в истории, все единодушно в одном, что казаки у любого народа — это вольные, свободолюбивые люди. В любом обществе они отличались храбростью, преданностью, сплоченностью, виртуозным владением оружием.

В этом номере мы постарались дать несколько любопытных материалов о прошлом и настоящем казаков, коснуться самой удивительной темы — тесного переплетения судеб ногайцев и российских казаков.

© *Половецкая луна, 1995, №1*

Из дневников разных лет

* * *

В отношении творящегося в стране уважаемый мной аксакал Сепер Казаков, отец моего друга Валерия Казакова, как-то очень хорошо применил народную ногайскую поговорку: «Когда муравейник рушится, то у муравьев вырастают крылья». В этой поговорке звучала и ирония, и сожаление по поводу происходящего. Смысл ее таков, что, когда всеобщая беда, то насекомые, как и маленькие люди начинают себя считать значительными существами. Одновременно в этом сравнении подчеркивалась горькая участь наших граждан. Обидно, что мы не видим утешительных перспектив и не верим в свой завтрашний день.

Но ногайская поговорка неоднозначна. Она применима и в другом смысле. Ее можно отнести и к людям, находящимся в отчаянном, безвыходном положении. Аксакал же имел в виду первое значение.

* * *

Война в Осетии и Абхазии — это звонящий колокол по нам. Мы соседи с этими народами. Безвинно пролитая кровь мирных жителей, неприкаянность десятков тысяч граждан, лишившихся крова, с каждым часом давали нам знать: завтра подобное может случиться с тобой, с твоей семьей.

Однако война не всегда учит людей разуму. Нам было больно смотреть на осетин. Народ разделенный, беззащитный. Осетины даже не успели во весь голос заявить о том, что хотели объединения, как представители грузинского руководства попрали их права. Грузины, избавляясь от имперского владычества, сами проявили свои имперские замашки. Поразительно и другое: как повели себя беззащитные осетины в отношении ингушей, проживавших в Пригородном районе их столицы. С особой жестокостью они выдворили ингушей из республики Северная Осетия.

* * *

Все войны начинаются с объяснимых побуждений, но заканчиваются они всегда плачевно. Видимо, впереди большая кавказская война...

* * *

Волевые натуры, духовно богатые личности больше других чувствуют абсурдность человеческого бытия, однако разумом своим они создают позитивную модель жизни. И чем талантливее личность, тем органичнее и убедительнее его концепция. Уход в творчество — чаще всего это уход от абсурдности жизни. А в первую очередь ограждают людей от жуткой правды бытия религии. Религии созданы божественными людьми. Умирать надо со славой и добрыми делами — это хорошо уразумели сильные личности.

* * *

В Турции, в городе Измире, состоялся конгресс Ассамблеи тюркских народов. Благодаря приглашению ногайского поэта Мурата Авезова, мне впервые в жизни удалось побывать в капиталистической стране. В 19 веке основная часть моего народа эмигрировала в эту страну, потомки этих эмигрантов по сей день живут здесь. Каждый ногаец в СССР мечтал увидеть своих соотечественников. В советское время нас, ногайцев, не выпускали из страны, тем более в Турцию. Лишь отцу, тогда известному писателю, внешне почти во всем лояльному к советскому строю (в душе он его ненавидел), только в 1985 году удалось съездить в Турцию по туристической путевке. В это же время представители других горских народов неоднократно бывали в этой стране. О своих впечатлениях об Измирском съезде я рассказал в двух номерах ногайской газеты «Ногай давысы». Поэтому я не стану повторяться и расскажу об одном примечательном эпизоде, случившемся с нами. В мэрии Измира, где проходил съезд, в фойе висели национальные флаги всех тюркских народов. Нас, участников, сильно удивило то, что среди флагов был и флаг чеченцев, которые этнически никакого отношения к тюркам не имели. Чечня в это время воевала, поэтому, когда в зале чечен-

цев объявили членами Ассамблеи тюркских народов, никто не возразил, все подумали, что этот шаг предпринят из чисто политических соображений, в поддержку этого народа. Представителями Чечни на съезде были две женщины. Старшая из них, преподавательница университета, выступила с речью, обвинив Россию за развязанную войну, рассказала о страданиях народа, закончила свою речь объявлением Чечни независимым государством. Выступление ее было встречено аплодисментами и возгласами одобрения. Мы, ногайцы, молчали. У нас было свое отношение к этому вопросу. В самом конце заседания слово взял руководитель ногайской делегации, лидер общественно-политического движения Мурат Аvezов. Мурат рассказал о неисчислимых мытарствах ногайского народа, об искусственном разделении Ногайской степи в 1957 году и разбрасывании ногайских районов в Чечне, Дагестане и Ставропольском крае. Он призвал Ассамблею тюркских народов поддержать ногайский народ в его стремлении к воссоединению и созданию автономного образования.

В перерыв представители тюркских народов подходили к чеченке и высказывали свои сочувствия и поддержку. Мы тоже подошли к ней и спросили о положении ногайцев в Шелковском районе Чечни. Преподавательница, будто давно ожидала такого вопроса, тотчас ответила нам вопросом на вопрос:

— Слушайте, зачем вам, ногайцам, автономия? Жили бы себе мирно на своей земле... Чего вам не хватает?

— А зачем вам государство?! Жили бы спокойно вы на своей земле... — буркнул Мурат.

— Мы заслуживаем государство. У нас есть все предпосылки, — уверенно проговорила женщина.

— Как же вы его заслуживаете, если у вас нет никаких государственных навыков? У нас, ногайцев, все же свое государство было... — сдерживая возмущение, сказал я.

— Это когда было... Речь идет о современном положении, — отпарировала женщина.

Этот диалог я привожу к тому, что чеченские лидеры, требуя свободу и независимость, никогда не задумывались о том, что создание их государства совершенно незаконно оспаривает целый Шелковской район с русско-ногайским населением. Люди, живущие в этом районе, ни за какие блага не хотят оставаться в суверенной Ичкерии. Где же справедливость?

Конечно, тут нельзя не сказать о вине России, оставившей на произвол судьбы свое население. Ногайцы насильно были подвергнуты мобилизации в дудаевские военные фор-

мирования. Противившиеся этому были убиты, дома их разорены. Многие бежали за пределы Чечни, но в России не получили статус беженцев. Они, как могли, обустроивались в соседних регионах среди ногайцев. Самое страшное, многие из беженцев преследовались по подозрению в поддержке дудаевцев и были убиты.

* * *

Я много думал о войне в Чечне. Несомненно, что стремление к обособлению Чечни прежде всего связано с сопротивлением к ассимиляционным процессам. Но тут есть и другое. Война — это порождение разлагающегося тоталитарного режима, страх перед разложением, неприятие российской действительности склонил к войне разные слои чеченского народа. Мы помним, как в первые годы войны чеченцы получили поддержку в СМИ, тогда сочувствующих чеченцам было немало в стране. Такое возникло не из-за национальных чувств чеченцев, а из-за того, что это война была против коррумпированной верхушки России. Только этим объясняются высказываемые в российской прессе симпатии в адрес мятежников. Если бы Лебедь не подписал мир с Чечней, еще неизвестно, чем бы все кончилось. Война могла переметнуться в другие регионы.

* * *

Работа над выпуском журнала отняла много времени. Подготовлены к изданию еще два номера, но денег для издания нет. Я совершил большую оплошность. Доверял соплеменникам и проговаривался об источниках финансирования. Они же тотчас устремлялись в фонды и министерства просили деньги на выпуск газеты, содержание спортивной школы, танцевального коллектива, если им удавалось добыть средства, то тогда не давали денег для журнала. Постарались на славу! Я уже не говорю о том, какие поклепы они делали. Страшная неискренность. Журнал остановился. Чувствую, что все объективно. Такое издание для ногайцев преждевременное. Прихожу к очевидной мысли. Все, что создавали литераторы малочисленных народов, делали благодаря государственной политике и влиянию русской литературы. Без госу-

дарственной поддержки такие народы, как мой, не смогли бы издать даже одного учебника.

Все это время я не писал своих вещей. В голове часто возникали мысли дописать «Баржу», новые рассказы и повести. Да, есть и другая, более основательная причина. Это то, что я, как и многие творческие люди, был ошеломлен переменами в стране. Я всегда думал о том, что я никогда не увижу развала СССР, объединения двух Германий, возвращения крымских татар на родину, в Крым. Все это произошло в одночасье. Коммунисты были напуганы возмездием со стороны народа и прошляпили. 20 миллионов бездарей! Да, именно так! Прошляпили! Их разум не изменился, и вряд ли изменится... Я три раза подавал заявление для вступления в ряды КПСС, но все три раза мне возвращали мои документы местные аппаратчики. Формулировка отказа была одна: я не дорос для вступления в их партию. Слава Аллаху, что они не приняли в свои ряды таких, как я. Мы-то точно вышли бы на баррикады и организовали всенародное сопротивление. С одной стороны, я радовался краху КПСС и тому, что я дожил до этого часа. Но с другой стороны видел, что творится что-то неестественное, предаваться эйфории было рано. К власти рвались откровенные мошенники. Совершенно случайные люди становились миллионерами, депутатами, министрами — это настораживало.

Многие в это время заглушали свое возмущение и свои опасения водкой, ее-то в стране стало много. Она стала дешевле хлеба...

* * *

Когда подвергаешься большой несправедливости, и весь твой разум кипит от негодования, лучший способ облегчить внутреннее состояние — это остудить себя анализом своих поступков и найти свои ошибки. Надо даже признать за свою слабость то, что эта несправедливость выпала на твою голову. В этот момент надо найти ошибки, совсем не относящиеся к данному жизненному эпизоду, покаяться за них, и только тогда ты обретешь покой. Если сломя голову отвечать на несправедливость аргументированной правотой, то от этого только умножится несправедливость. Душевного удовлетворения никогда не будет. Волевой человек своим твердым духом обязательно покажет всем свою правоту и будет оправ-

дан. Импульсивный человек может пойти на крайность и вызовет раздражение противной стороны, чем усилит нападки. Есть и такие, которые будут съедать себя изнутри и наделают немало глупостей.

* * *

Будучи в Москве, я остановился в Доме творчества в Переделкино. Думал встретить коллег, но никого из знакомых не было. По-прежнему в главном корпусе — старушки (бабушки и матери писателей) из Москвы, а в новом корпусе — коммерсанты, новые русские. Скучно невообразимо. В Москве снимать гостиницу очень дорого, а тут, к тому же, в счет оплаты номера входит питание и все вместе стоит как номер в московской гостинице. А толку мало. Все дела в городе. Если выбираешься в Москву — питание пропадает, устаешь. Остаешься — ходишь как неприкаянный, места не находишь. Прогулки по аллеям удовольствие не для провинциалов. Накупил водки — и забросил все дела. Три дня загула. Номер превратился в бордель. Местные пьянчужки приходят под окно и просят на бутылку. Утром встал и сам себе дал слово: больше ни грамма. Однако на станции пристал один. Выпили с ним бутылку. Вернулся в Дом творчества и залег на целый день. Видимо, так спиваются русские мужики. От отсутствия цели в жизни, безнадежности, неприкаянности, без определенной деятельности и, конечно, без ответственности.

* * *

На следующее утро в Доме творчества, вдруг, меня осенило посетить мечеть в Москве. Добрался до остановки «Перспект Мира», нашел мечеть. Когда-то, еще в студенческие годы, я бывал здесь. Тогда — из любопытства, сейчас — сам не знаю, потянуло. Обошел двор, заглянул во все помещения. Людей много. Выделяются кавказцы, среди них много азербайджанцев, узнаваемы татары. Увидев вывеску на стене мечети, я зашел в редакцию «Трибуны ислама», познакомился с сотрудниками, они меня с охотой снабдили номерами своей газеты. Уходя из мечети, возле ворот наткнулся на старушек, просящих подаяние. Мое внимание привлекла старушка, очень похожая на мою недавно умершую бабуш-

ку. Она была в таком же сером плаще, в черном с зелеными листками платке. Лицо, как у бабушки, белое, морщины отпириваны, лиловые тонкие губы сомкнуты. Я сильно поразился сходству. Дал старушке бумажные деньги. Она рассмотрела их и неторопливо положила в карман плаща, оставив на ладони мелочь. Я вспомнил, что сегодня сороковины со дня смерти бабушки, и понял, что неспроста меня потянуло именно сегодня в мечеть. «За упокой ее души и души моей матери», — произнес я про себя и покинул мечеть.

* * *

Видел сон. В руках держал беленькую чистенькую курочку, с нею зашел в какой-то двор, который мне был очень знакомым. Большой вспаханный огород, по краям огорода растут яблони. Во дворе я отпускаю курочку. Она начинает кружить по двору. Я восхищаюсь ее резвостью. Вдруг она исчезает со двора. Я беспокоюсь, ищу ее. Куда она могла подеваться? Наконец вижу, что она бежит за оградой. Откуда ни возьмись, появляется волк, почему-то лохматый, черный — таких волков я никогда не видал. Он осторожно подкрадывается к моей курочке. От того, что он вот-вот схватит мою курочку, на меня наплывает волна страха. Я ничем не могу помочь своей курочке. В страхе я просыпаюсь... понимаю, что все видел во сне... облегченно вздыхаю. Но сон глубоко запал в душу. Чувство большой тревоги не покидает меня. Что это за курочка, что за волк? Курочка — это благополучие, безбедное состояние? Или что?

На ум приходит сказка о курочке, несущей золотые яйца.

7 мая 1996 г.

* * *

На курочку произошло покушение.

Не знаю всех интриг, но меня подтолкнули идти на выборы в депутаты Народного собрания Карачаево-Черкесии. Меня уговорили. В выдвижении была какая-то невидимая игра. До моего выдвижения уже были кандидаты, один представлял коммунистов, другой — от власти, последний работал председателем рабочкома совхоза в моем родном ауле

Эркин-Юрт. Моя кандидатура была необходима для того, чтобы я у кого-то из них отобрал голоса. Скорее всего, в этом были заинтересованы коммунисты. Режиссер этой интриги понимал, что ногайцы не готовы идти за писателем. Мой избирательный округ состоял из нескольких населенных пунктов, но все зависело от результата в моем родном ауле, в нем проживало наибольшее число избирателей. Аульчане знали меня и моего отца с хорошей стороны и казалось, что все проголосуют за меня. Но не тут-то было. Власти приложили много усилий для победы своего выдвиженца. В процессе избирательной кампании их ставленник открывал линию газопровода, от его имени своевременно раздали пенсию, рабочим совхоза раздали муку.

— Вы что, будете своих коров стихами Капаева кормить? Если вы проголосуете за председателя рабочкома, то всегда будете обеспечены сеном и другими кормами для скота, — это был основной конек агитации моих противников.

Подготовленные же для пропаганды мои листовки, буклеты, кажется, не дошли до избирателей. По-моему, их уничтожали люди из моего штаба. Я верил в свое окружение и ни о чем не догадывался. Руководство общественной организации ногайцев «Бирлик», в которую я входил, решило провести съезд. Меня дурили, что съезд пройдет в мою поддержку. Я сделал на съезде часовой доклад. Однако вдруг, с чьей-то подачи сидящих в президиуме по вопросу выборов была принята странная резолюция. Она состояла в том, что «Бирлик» никому из кандидатов в депутаты не отдает предпочтения, т. к. все трое являются представителями ногайского народа. Тогда зачем надо было проводить съезд? Странной она была и из-за того, что оба моих соперника до съезда, да и после него неистово выступали против «Бирлика».

После анализа избирательной кампании выяснилось, что многие из руководства нашей организации тайно работали на моих соперников.

Многие из моих односельчан не могут прямо смотреть в лицо и стыдливо опускают глаза. Некоторые в оправдание своих действий хотят дерзко нагрубить. Бог им судья! Мне обидно. Обидно за черную неблагодарность. Я на протяжении многих лет выступал против дискриминации моего аула властью в экономической и общественной жизни. Вызывая огонь на себя, я писал об отсутствии водопровода и того же

газопровода, о пренебрежительном отношении к благоустройству аула и проблемам культурного развития. Односельчане же предпочли бессловесного функционера, всеми своими действиями потакающего власти. Главное, что предпочли в такое время, когда имели возможность право показать свое волеизъявление... Конечно, этим самым они открыто отреклись от меня. Отреклись от своей самостоятельности, к которой я их призывал всегда...

После проигрыша я ушел из «Бирлика». На следующих выборах организация распалась сама по себе, так как руководство сплошь состояло из лицемеров.

* * *

По-другому обстояли дела на выборах в крупном избирательном округе с черкесским населением. В нем представителю власти — директору местного совхоза — противостоял лидер черкесской общественной организации Борис Акбашев. Власть тут тоже пошла на прежнюю уловку: приурочили открытие газопровода, раздали избирателям пенсии, муку, сахар. Однако это директору совхоза не помогло. Жители аула на открытии газопровода неоднократно заявляли:

— Если газ не ради нас, а для того, чтобы мы проголосовали за директора, то мы против него и лучше будем топить свои дома соломой.

* * *

Проститутка, подвергающаяся тяжким испытаниям от своих клиентов и сутенеров, всегда боготворит людей в военной форме. Когда у нее появляется любовник в форме, от счастья она не находит себе места. Она становится даже гордой от того, что приобрела себе такого защитника. Фуражка с кокардой, китель, погоны, пистолет с кобурой — для нее это предметы истинного восторга. Наше российское общество очень похоже на такую женщину. Поэтому в областях, губерниях, республиках, в федеральных округах к власти легко приходят генералы. Они очень желанны растерзанному нашему народу. Вот и в Карачаево-Черкесию прибыл генерал, ему даже подарили белого коня.

Каждый писатель обязательно выражает свое отношение к слову. Все же это основной материал, с которым работает писатель. Я тоже на протяжении многих лет размышляю о значении слова. В связи с этим часто анализирую речь собеседника. Мне нравится, когда человек говорит выразительно, передает свое наслаждение от слов. Такие люди произносят слова так, как будто они только что родились у них в душе, их вдохновение заразительно и с ними всегда интересно беседовать. Как ювелир, придающий значение драгоценному металлу, они бережно, с любовью относятся к каждому слову.

Конечно, есть откровенные болтуны. Есть настоящие юмористы, они могут рассмешить человека, рассказывая о самых обыденных вещах.

Через речь человека можно распознать непорочность, добропорядочность и, наоборот, отрицательные черты человека.

Тяжело разобраться с косноязычными. Одни по своей природе с трудом выговаривают те или иные слова, не придавая значения, пропускают нужные слова, проглатывают окончания слов, другие торопятся, третьи говорят машинально заученные фразы; есть и такие, которые не умеют выразить свою мысль и очень часто не понимают сказанного самими собственными словами.

О немногословных у нас говорят, что они во рту держат лягушку. Они боятся, что могут ее проглотить или что она у них может выпрыгнуть изо рта, поэтому предпочитают молчать. Среди них бывают разные люди. Часто встречаются честные. Люди, занимающиеся постоянным делом, тоже бывают немногословными.

Нередко встречаются вполне респектабельные, положительно характеризующиеся и говорящие вполне вразумительно, они в свою речь обязательно вставляют красное словцо. Одни это делают как бы нарочно, другие машинально. Глядя на них, я всегда улыбаюсь: они даже не представляют, как все то, что они говорят, одушевляется в их ртах. Самые отвратительные из этого рода людей — это те, которые не могут обойтись без мата. Мне прискорбно видеть молодых людей, для которых произносить непристойные выражения — в порядке вещей.

* * *

Говорят, что устаревает слово. Думаю, что это неверно. Скорее всего, народ устает говорить на своем родном языке. Язык утрачивается. Явление вполне обычное. Причины тому разные. Чаще один язык вытесняется другим. Английский и испанский на американском континенте вытеснили языки аборигенов. Латинский язык, через религию обогатив почти все европейские языки, сам не используется живущими сегодня народами. Хотя латинские слова и выражения живут и часто цитируются в литературе и разговорной речи.

* * *

Несомненно, что слово имеет духовную оболочку и даже энергетику. Живучесть некоторых языков поразительна. Так, тюркские слова проникли в другие языки и сохранились в арабском, персидском, японском, русском, в языках угорских, американских, европейских народов. То же самое можно сказать о некоторых языках народов Ближнего Востока, Индии. В ногайском языке сохранились слова арийского происхождения. Ногайцы молнию называют ясынок, это двухсоставное слово ясын ок — Ясуна стрела. Ясун — ведическое слово.

Кажется, таких слов много, просто они сильно видоизменены. В русском языке слово жизнь — так же, как ясын ок берет начало от ведического образа Шива. Слова: жива, живот, жизнь имеют один корень. Кажется, этот корень присутствует и в ногайском языке. По-ногайски жизнь — яшав, яшау, в силу открытости переднего слога в тюркских словах впереди появился гласный звук «я». Кстати, Олжас Сулейменов об этих явлениях написал замечательные исследования.

ВОСПОМИНАНИЕ О МУССЕ БАТЧАЕВЕ

Выступление на юбилейном вечере

В тот вечер мы были вместе: я, писатель Виктор Кустов, живущий сейчас в Ставрополе, поэт Юсуф Созаруков...

Мусса посадил нас в беседке, обвитой виноградной лозой. Сам ходил босиком по даче, угощал овощами прямо с грядки. Говорил тосты, остроумные, с притчами.

Я помню: если в компании была женщина, Мусса любил поднимать стакан со словами:

— Гуси спасли Рим, а из-за Елены Прекрасной разрушили Трои. Так давайте, все равно выпьем за прекрасных женщин!

Тот вечер на его даче мне запомнился на всю жизнь: ни сам Мусса, ни мы не знали, что вскоре нашего старшего товарища не станет...

Когда я учился в Литературном институте им. Горького, в журнале «Юность» напечатали мой первый рассказ (я публиковался и ранее, но это была моя первая публикация во всесоюзной печати). Мусса учился на Высших литературных курсах, жили мы в одном общежитии. Он тогда позвал в свою комнату всех наших земляков. Он любил такие встречи и всегда был их организатором.

— Выпьем за будущего классика советской литературы! — с этими словами он открыл то памятное застолье.

Конечно же, это была шутка. Как и любой литератор к творчеству, тем более к публикациям такого рода, относились ревностно, поэтому я тогда остро ощутил, сколько было в этих словах великодушия. Этим он отличался, особенно в нашей среде, писателей из провинции.

Когда годом позже там же, в «Юности», вышла повесть Муссы Батчаева «Элия», мы все, студенты литинститута, зачитывались этим великолепным произведением. Перед вахтой на столе размещалась корреспонденция приходившая в адрес обитателей для живущих в общежитии. Довольно долго в адрес Муссы приходили десятки телеграмм. В основном поздравляли его карачаевцы, возгордившиеся публикацией земляка в столь солидном издании.

К выходу «Элии» Мусса уже был известным писателем у нас в Карачаево-Черкесии и вообще на Ставрополье. Его знали как автора повести «Когда осуждают предки» и рассказа

«Серебряный дед»... а тут на наших глазах начала расти его и всесоюзная известность. Многие видели в перспективе, что растет писатель ранга Айтматова, Мустая Карима и других, тогда очень популярных... Конечно, это порождало зависть, притом черную, среди бездарных литераторов, которыми кишела наша писательская организация...

Я не знаю, что было бы с биографией Муссы, останься он в Москве. Ах, лучше бы он остался! Как бы повернулась его творческая жизнь? Но у писателя нет иной жизни. Есть только судьба. Он вернулся в Карачаево-Черкесию. Его тянуло в родные места, к своим, к народу... И начались черные годы. Серость и посредственность была напугана перспективой роста карачаевского писателя. И здесь эти шарлатаны играли втемную. Мусса же искренне верил в чистоту человеческих отношений, в благородство, во все высокое, разумное и справедливое. Он противостоял своим противникам с раскрытой душой, с обнаженным сердцем, а тут у многих коллег и высокопоставленных чиновников в рукавах были спрятаны ножи...

Помню и то знаменитое обсуждение книги «Элчилерим» («Мои земляки») в здании областного Дома политпросвещения (ныне телестудия). В тот вечер ложные, явно надуманные обвинения посыпались не только на второй вариант «Серебряного деда», но и на безобидную, полную народного юмора, жизнерадостную повесть «Мои земляки». Люди здравомыслящие тогда возмутились злопыхательским отношением. Тогда на сторону Муссы стали критики-литературоведы черкешенка Лейла Бекизова, абазин Владимир Тугов, карачаевки Фатима Урусбиева и Назифа Кагиева.

Когда начались нападки на драматургические произведения Муссы, я как раз приехал из Москвы, где прожил около года. Встретились с Муссой, я уже был в курсе всех его дел и чтобы посочувствовать, говорю:

— Вот, вернулся, как коммунист в Чили... Когда же издохнет это зверье?!

Мусса понимает, понимающе улыбается своей обычной улыбкой, сжав губы и сощурился глаза, поправляет очки и кивает головой.

— Ничего, ничего, — говорит он. — Все еще изменится. Я в жизни пережил и похуже.

Видимо, он имел в виду страшное детство в выселении. Он никогда не говорил об этом времени, как что-то сокровенное держал в глубине сердца...

Часто писатели впадают в депрессию... Сколько я знал Муссу, ни одной жалобы от него не слышал, напротив, он всегда старался подбадривать и себя, и своих знакомых. Это подчеркивало его большое мужество. Он воевал с системой, притом в одиночку. Ну кто тогда ему мог помочь по существу? Все делалось по сценарию, начертанному в высших партийных кругах.

Сегодня очень тяжело сознавать, что по возрасту мы пережили Муссу. Ведь он был старше... Тогда, когда он умер, ему было неполных сорок один, и он был старше нас на целых десять лет. А сейчас нам — за пятьдесят...

Горько вспоминать, что враги торжествовали и после его смерти. Они проводили себе пышные юбилеи, присваивали звания и были убеждены, что они — корифеи литературы. Они скомкали его 50-летие. Многие в 1989 году хотели отдать должное таланту Муссы Батчаева, но прижизненные злопыхатели выступавшие против него при жизни — отравлявшие ему жизнь — этому всячески воспрепятствовали.

Однако талант Муссы непоколебим и, наконец, сегодня он получает достойное признание у себя на родине.

Ничтожные и беспринципные литераторы, всю жизнь профанирующие себя общественности писателями напрасно думали, что, полученные за приспособленчество ордена и медали сделают их бездарное творчество достоянием народа. Ан нет! Они были и остались всего лишь мелкими насекомыми — паразитами на народном теле.

«Серебряный дед», «Когда осуждают предки», «Мои земляки» – вот настоящие духовные, эстетические, художественные ценности.

И дай Бог, чтобы у нас появились государственные мужи, ясно понимающие это!

(1999 год, Черкесск, Драматический театр.)

СЛОВО О ХАЛИМАТ БАЙРАМУКОВОЙ

Выступление на торжественном вечере

Крупные писатели современности совершенно справедливо заявляют о том, что наша культура, как и жизнь всего российского народа, находится в тяжелейшем кризисе, не-

бывалом доселе упадке, подвергается большому влиянию иностранной культуры... Удивляет то, что власти делают вид, будто не замечают этого состояния общества. Умные государственные деятели всегда, во все времена приближали к себе отечественных поэтов и писателей, советовались с ними... Наш же российский поэт, писатель сегодня находится на самой низшей ступени социального положения.

Представителям власти неплохо было бы заглянуть в русскую классику, и они обнаружили бы, что страна сейчас кишит гоголевскими персонажами. Городничие, Тяпкины-Ляпкины, Бобчинские-Добчинские — персонажи из нашего прошлого — устраивают парады в столичных и провинциальных городах. Хлестаковы в роли реформаторов, новых бизнесменов и демократов куражатся в правительственных ложах. Чичиковы продают живые души России, никого не стесняются, ничем не брезгуют. Гоголевские персонажи бесцеремонно правят бал на одной шестой части мировой суши.

Очевидно, для искоренения негатива необходимо идеалом общества сделать нравственно-эстетические ценности. Всем ясно, что цивилизованность общества создается высоким уровнем культуры. Страна Пушкина и Гоголя в такой трагический момент не имеет права прислушиваться к слову циничных политиков, вертлявых, без всякого нравственного стержня телеведущих, амбициозных юмористов, выдающих себя за писателей. Удивительно, но факт, что такие крупные писатели, как Александр Солженицын, Виктор Астафьев, Валентин Распутин не сыграли главных ролей в процессе оздоровления общества. Но несомненно, что их произведения оставят глубокий след в развитии культурной жизни российского народа. Честных, одаренных писателей у нас много. Есть они и у нас в республике.

Одним из таких писателей была Халимат Башчиевна Байрамукова. Сегодня мне отрадно видеть такое знаменательное событие в жизни республики, как присвоение имени нашей писательницы одному из главных учреждений культуры — нашей республиканской национальной библиотеке. Увековечение имени Халимат Байрамуковой — прежде всего оценка ее творческого наследия. Оно имеет огромное значение как для сегодняшнего дня творческой интеллигенции, так и для будущего. Это почитание писательского труда. Поэтому мне сегодня радостно.

Я хорошо знал Халимат Башчиевну. Она сделала мне немало добра, и я этого не могу забыть. Когда я еще был

студентом, она приняла меня на работу литературным консультантом в Союз писателей, мы работали душа в душу. После, когда она ушла с поста руководителя писательской организации, более десяти лет я не находил подходящей работы. Это в советское-то время!... Халимат Башчиевна, несмотря на свою занятость, всегда находила время проявить внимание. Она одна из первых звонила к нам домой и поздравляла с очередной книгой или журнальной публикацией. Эти звонки ободряли, придавали уверенность. Она первой в республике откликнулась на выпуск журнала «Половецкая луна», написала напутственное слово. Она очень верила, что журнал станет постоянным органом печати в республике. Хотя руководители Карачаево-Черкесии думали иначе — мы сейчас единственная национальная республика, не имеющая печатного органа писателей. Надо отметить и то, что перевод ее романа «Четырнадцать лет» о депортации карачаевского народа впервые был опубликован в «Половецкой луне». Такая публикация, конечно, украсила наш журнал.

Я всегда любил бывать в нашей Государственной Национальной библиотеке. Сейчас, надо сказать, из-за постоянной суеты я не успеваю даже дома прочитать книгу. В ближайшем будущем я непременно стану посещать в библиотеку, но теперь уже буду входить в это помещение с двойной гордостью. Во-первых, из-за того, что библиотека носит имя Халимат Байрамуковой, человека и писателя, меня хорошо знавшего, а я по-своему ее читал и чту сейчас. Во-вторых, из-за восстановления справедливости в отношении честного писателя. При жизни, да и после смерти злопыхатели, зная, что Халимат Байрамукова крупная личность, не раз пытались очернить ее и принизить значимость ее творчества. Однако литературный талант, так же как и добрые деяния человека, пробивается сквозь лихолетья и заявляет о себе.

Это и свершилось сегодня!

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ КЕРИМЕ МХЦЕ

Смерть Керима Мхце меня потрясла...

Нас связывала многолетняя дружба. Мы вместе учились в Черкесске в национальной школе-интернате. Правда, я окончил школу годом раньше, но в Литературный институт имени Горького мы поступили в один год и одновременно, в 1975

году, его закончили. Мы были ровесниками, а во время учебы подружались. В общежитии Литературного института мы жили на одном этаже, комнаты наши были рядом, у нас были общие друзья.

Это кумыкский поэт Атав Атаев и лакский прозаик Казбек Мазаев. Так получилось, что в одной комнате жили поэты, т.е. Керим с Атавом, а в другой прозаики: мы с Казбеком. Что ни говори, а жизнь в общежитии была буйная. Мы с Атавом любили «наводить порядок» на своем этаже, вмешивались во все дела, устраивали разборки. Особенно Атав. Он был энергичным, эмоциональным, реагировал на все, считал себя поборником добра и справедливости, любил веселье, был организатором многих вечеринок, играл на гитаре и пел свои песни. Керим был человек тихий и застенчивый, но его уважали все. Мы с Атавом, иногда к нам приставал и Казбек, часто подтрунивали над Керимом, в основном из-за его влюбчивости. Да и девушки часто влюблялись в Керима. Несмотря на свою сутуловатость, внешне он был привлекательным молодым человеком. Размолвки с девушками Керим переживал глубоко и долго не мог решиться оборвать связь с поднадоевшей пассией. Его попытки избежать преследовавших его девушек нас раздражали, и из-за того, что не мог резко дать от ворот поворот, он становился объектом наших подтруниваний. Но это продолжалось недолго, в один момент Керим взрывался и посылал ко всем чертям и девушку, и нас. А нам только этого и надо было. Мы радовались и тому, что допекли своего друга, и тому, что он, наконец, разорвал обременительную для себя связь... Ах, что и говорить... Воспоминания об этой поре — отдельная тема. Думаю, что рано или поздно кто-нибудь из нас (может, даже я сам) напишет об этом замечательном времени. Мы тогда были молоды и были неповторимы...

Затем довольно долго мы с Керимом продолжали общаться в Черкесске. После окончания Литературного института чаще. Наши встречи проходили в мастерской художника Мухадина Карданова. Тогда ее посещали и литераторы, и художники. Но мы были завсегдатаями. После стали приходить поэт Юсуф Созаруков, прозаик Юрий Шидов и другие. Времяпрепровождение в мастерской Мухадина — очень важная веха в нашей жизни. Мы очень много разговаривали, пили. Наверное, тяжело было хозяину принимать нас ежедневно. Но мы об этом не думали. Мы жаждали этих встреч. Тоже счастливое время — и тоже отдельная тема для воспомина-

ний. Я вспоминаю эту пору с ностальгией и щемящей болью. Мы уже пожилые люди, а кое-кого уже нет в живых. И никогда больше мы в прежнем составе не появимся на шестом этаже в доме, стоящем на стыке улиц Комсомольской и Кирова... А кажется, что только вчера мы сидели в помещении, увешанными картинами Мухадина, говорили тосты, делились своими впечатлениями о литературе, искусстве, пренебрегая мирскими заботами... Кстати, в мастерской должны храниться великолепные портреты Керима, написанные Мухадином с натуры...

После мы начали увязать в семейных делах. У нас были дети, они подрастали и требовали не только внимания: их надо было одевать, обувать, кормить. О продолжении богемной жизни и говорить было нечего. Начали расходиться наши жизненные пути. Семья, работа. И многое зависело от того, какие взаимоотношения дома и какова работа. Наверное, эта была осенняя пора жизни. Много возникло трудностей, и для того, чтобы их преодолевать, надо было чем-то жертвовать, подавлять творческий настрой и, чтобы заработать деньги, надо было пахать как вол.

Я перебивался на творческих хлебах, т.е. жил сугубо литературным заработком. Писал, с трудом, но издавал свои книги, на них тогда можно было содержать семью. Приходилось выступать по линии Бюро пропаганды художественной литературы, а некоторое время я даже руководил этой организацией. Керим же работал сотрудником в абазинской газете.

Иногда виделись с ним, и я непременно спрашивал:

— Как ты можешь работать в газете, ведь это подневольный труд?

— А что делать, Иса? — вскидывал он плечами.

— Для поэта писать по заданию — это же смерти подобно, — не отставал я.

— Знаю, но не работать не могу, — глубоко вздыхая, говорил Керим.

Он никогда не жаловался, но работа в газете — это суцкая каторга для поэта. Мне тоже приходилось несладко. Однако у меня была хоть какая-то свобода. Конечно, выступления отнимали время. Единственное преимущество это то, что на них ты мог читать свои произведения. Из-за того, что Керим был прикован к газете, я прикладывал немало усилий, чтобы пригласить его на выступления. Руководство газеты иногда отпускало, иногда нет. Очень часто выступления

организовывали сами писатели, им было так удобнее, и тем они облегчали мне работу. Сколько раз я хотел откомандировать Керима в родные абазинские села, чтобы он мог заработать и заодно пообщаться с читателями. Но один он не ездил, т. к. знал, что надо было самому договариваться насчет оплаты, а для него, человека застенчивого такие переговоры были убийственны.

Последний раз мы виделись зимой, после его долгой и тяжелой болезни. Встретились случайно возле дома Керима. Я пригласил его к себе на работу. Тогда я работал в Министерстве культуры, неподалеку от дома Керима. Мы долго сидели в моем кабинете. Расспрашивали друг друга о семьях, детях, творчестве. Когда достаточно наговорились, я осторожно спросил его:

— Мы же так не привыкли, как-то неловко тебя отпускать... Тебе можно или нельзя? Как ты насчет пятидесяти грамм?

— Почему нельзя? Хоть буду умирать, а этого я не брошу. Душе требуется поднятие тонуса. А врачи мало ли что говорят... Организму вредно? Что такое тело?.. Сегодня мы в нем, а завтра в небесах, и никаких воспоминаний. Иса, за время болезни я, считай, что побывал на том свете... Врачи вернули... Там, кстати, не так и плохо... — поняв, что сбивается на шуточный тон, Керим остановился и застенчиво рассмеялся, нагибая голову к коленям.

Мы взяли бутылку водки и вернулись в кабинет. Сели за стол. Керим не менял своих привычек. Он, как и раньше, выпив, отламывал кончиками пальцев кусочек пищи, проглотив, доставал сигарету. Эту привычку я помнил с литинститутской поры... Водка дала о себе знать, и беседа наша оживилась. Мы стали вспоминать студенческие годы, однокурсников, затем перешли на поэтов и писателей, коснулись политической обстановки в стране. Но всему бывает предел, сначала иссякла водка, перестал клеиться разговор. Когда установилась пауза, я молча показал на пустую бутылку. Керим понял мой взгляд, вскинул плечами:

— Вообще-то можно, — сказал он.

— Ты у меня в гостях, я угощаю, давай теперь я сам схожу...

— Ну, ладно, так уж и быть, — в шуточном тоне, будто делая одолжение, ответил Керим.

Вторая бутылка иссякла совсем неожиданно. И я, и Керим опьянели. Керим, как это делал на других таких застольях, стал читать стихи. Он читал эмоционально, часто кивал головой, менял интонацию. Будучи трезвым, он никогда так

не читал стихи. В его репертуаре были и свои, но больше произведения известных поэтов. Я знал его репертуар, специально подсказал одну строчку:

— Жизнь моя, иль ты приснилась мне...

Керим тотчас подхватывал есенинские строки:

Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне...

Затем так же точно я спровоцировал на чтение стихов Федерико Гарсиа Лорки, которые он очень любил. Затем он перешел на свои собственные.

Эти стихи были мне еще не знакомы. Позже он их читал на юбилейном вечере. Последнее четверостишие из этого стихотворения невозможно было не запомнить:

Настанет время расставаться.
И будет боль, и будет грусть.
Но мне ли смерти удивляться? —
Тому, что жил, я удивлюсь!

— Стихи отличные! — сказал я. — Но мне не нравится твое настроение. Ты и до этого в нашем разговоре напоминал про тот свет...

— Иса, последнее время во сне часто видится покойная бабушка, она меня зовет к себе. И я хочу к ней. Она меня очень любила. И я хочу туда, где она. Тем более, я там побывал, когда лежал в реанимации.

— Смотри, накаркаешь! — возмущенно сказал я.

Я знал, что ничего хорошего нет, когда живой человек часто касается темы смерти.

После Керима я не встречал. Да, был один телефонный разговор. Я позвонил ему домой:

— Керим, очень рад за твоего сына. Мы сегодня единодушно присудили ему первую премию за лучшую работу на конкурсе молодых журналистов. Молодец твой Артур! И тебя поздравляю по этому случаю.

— Хорошо, Иса. Хорошо, — очень сухо сдержанно и отчужденно ответил он.

Мне показалось, что он как-то неприветливо воспринял мое сообщение, и мне даже стало обидно. Но я не стал ничего выяснять, попрощался и больше не звонил. Подумал, что будет настроение, позвонит сам. Но звонков больше не было.

Потом был этот помпезный юбилей. По ряду обстоятельств я не мог принять участие в нем. Когда я получил от посыльных Керима пригласительный билет, у меня невольно дрогнуло сердце. Билет был изготовлен посредством компьютерной графики. На его лицевой стороне был портрет Керима, облаченный в черную рамку. Получилось такое, на мой взгляд, непроизвольно, черными линиями хотели обвести края фото, но вышло так, как будто портрет заключили в траурную рамку.

— Какой идиот сотворил такое! — невольно вырвалось у меня.

Коллеги, работавшие в этом же кабинете, недоуменно посмотрели на меня, но подойдя и взглянув на пригласительный билет, поняли мое возмущение.

Однако было поздно что-то предпринимать. Билеты уже были распространены по организациям и учреждениям.

Приметы смерти сами по себе обозначались в его судьбе.

Воистину, у поэта нет жизни, а есть неумолимая судьба...

О смерти Керима мы узнали рано утром. В обед его похоронили в родном ауле Новокувинске. Мой отец поздно узнал о смерти. После соболезнования родным поэта отец зашел ко мне домой.

— Как же так?! — возмущался отец, не успев дойти до дивана.

— Тебе плохо? Что у тебя такой пасмурный вид? — забеспокоился я.

— Я не из-за себя, — разгладив ладонями лицо и не подымая головы, сказал он. — Прямо обидно. Совсем молодой человек... Вот что значит сердце, не берег он себя.

После некоторого молчания я сказал:

— Керим предчувствовал свою смерть. Когда мы последний раз виделись, он рассказывал о том, что часто во сне стал видеть покойную бабушку, которая его звала к себе. У Керима было трудное детство, хотя отец и мать были живы, его воспитывала одна бабушка. Он так и говорил мне, что и сам очень хочет видеть ее...

— Неужели?! Неужели?! Так и говорил? — не устая удивляться, повторял отец. Помолчав, добавил. — Обидно. Совсем молодой человек. Абазинские писатели все время его за мальчика принимали, всякий раз подчеркивали возраст, чтобы не говорить об его одаренности. Есть такой прием у писателей... Вот тебе и мальчик! Сразу стал старше их. На целую жизнь стал старше. Конечно, талантливый был! Такие в народе дважды не рождаются... Теперь все заговорят...

За несколько дней до смерти отца (он умер 21 мая того же 2001-го года) я во сне увидел Керима. Происходило это в помещении общежития Национальной школы интернат, в котором я, кажется, был всего раз, и то мимоходом (будучи горожанином, в общежитии не жил). Во сне я купался под душем во флигеле, который почему-то был соединен с одноэтажным общежитием на улице Фабричной (сейчас этого здания нет, его давно снесли). Выкупавшись, одевшись, я собирался уходить, но какая-то сила заставила меня зайти в помещение общежития. В несколько рядов стояли койки, заправленные чистыми простынями. В необычно ярком от света помещении никого не было, но через секунду у противоположной стены в дверях появился Керим. Он был аккуратно одет: в белую сорочку, в черные выглаженные брюки. Увидев меня, он поднял руку и радостно произнес:

— Иса, я здесь. Тут действительно хорошо...

Я ничего не ответил. И вскоре проснулся, и долго не мог забыть этот сон.

2001 г.

Из дневников разных лет

* * *

21 мая 2001 года умер отец. Похоронили его на родине, в ауле Эркин-Юрт. Небольшие воспоминания опубликовал на страницах ногайской газеты. Но чувствую, что необходимо написать что-то солидное. Целый год занимался поминальными делами. У нас делаются поминки на седьмой, сороковой дни, на пятьдесят вторую ночь после смерти и на годовщину. Все это очень громоздкие дела. Отнимают много сил и времени. Я молча исполнил свой долг. Кроме того, занимался проблемами увековечения. В Черкесске на доме, в котором жил отец, установили мемориальную доску, в Эркин-Юрте средней школе, в которой он когда-то работал, присвоили имя отца, во дворе школы установили бетонный бюст. В Ногайском районе республики Дагестан средней школе аула Калинин тоже присвоили имя отца. Везде я проявлял инициативу, везде был и принимал активное участие. Благодарен всем, кто меня поддержал, но дело это нелегкое. Все это время почти ничего не писал. Прихожу в ужас от того, что оставленное отцом творческое наследие пропадет. Очень много недописанных произведений, черновики, писем. Остались рукописи, дневники, варианты опубликованных произведений. Не знаю, что делать! Я сам не смогу все это упорядочить. Прихожу к мысли, что надо делать музей. Если в нашем народе есть люди, уважающие себя, то думаю, они должны поддержать эту идею.

* * *

Принято считать, что тень следует за человеком, но на деле бывает, что тень идет спереди. Когда человек стоит спиной к солнцу, тень шагает впереди. Может ли тень быть впер-

ди творческой личности? Наверное, так бывает, когда расцвет творчества позади, когда начинает иссыхать творческий запал.

* * *

Как ни печально, но это факт: «Никто выше себя не прыгнет». Всегда есть предел человеческим возможностям и дарованиям. Однако многие писатели пренебрегают этой закономерностью. Особенно графоманы.

* * *

Писатели с положительными человеческими качествами, к сожаленью, очень часто оказываются мыльными пузырями в творчестве. У них самые благие намерения, но не ложится их благообразие на бумагу. С этим ничего не поделаешь!

* * *

И напротив, я часто встречал талантливых людей с не-сносным характером, иногда даже откровенно порочных. Мне кажется, такое происходит из-за того, что они смотрят на мир как бы со стороны, с другой плоскости, и видят все его разнообразие. И им открывается больше, чем положительному живичивому человеку. Хотя для творчества большое значение имеет нравственный стержень художника...

* * *

Писатель должен находиться вне общества. Интриги, выяснение отношений, тривиальности, которыми полна наша жизнь, обязательно увлекают писателя в свой омут и всячески сдерживают творческий порыв.

* * *

Рождение взаимосвязано со смертью, одно проистекает из другого. Рожденный должен умереть — это неизбежно. Но может ли умершее существо заново родиться? Вот вопрос!..

* * *

Надо соглашаться с тем, что человек такое же создание, как и любая другая земная тварь. Деревья умирают, а из их побегов вырастают другие. Мы не делаем трагедии, если дерево не успеваает дать ростки или если ростки беспощадно уничтожаются. Мы свидетели того, что уничтожаются целые виды в растительном и животном мире. Так что рождение и смерть — не всегда цикличное явление. Могут исчезнуть одни виды живых организмов и умножиться другие. Жизнь заключает в себе неисчислимое многообразие. Жизнь на земле непосредственно взаимосвязана с космосом. Наши предки в глубокой древности заметили влияние солнца, планет, звезд на землю и на человека..

* * *

Видимо, есть какая-то другая взаимосвязь. Акт рождения еще подлежит изучению. Но все равно, рождение надо воспринимать как продолжение смерти. Наверное, есть неосознаваемая энергия жизни. В науке она называется геобиохимической энергией живого вещества биосферы. Человек рождается от этой энергии. Значит, чтобы родить, надо сокращать эту энергию до минимума, тогда она сможет разжаться до предела — эффект пружины. И она, энергия, благодаря делению на рождение и смерть, неиссякаема. Зримо это ощущается на примере жизни растений. Плод гниет, чтобы из него выросло новое растение. Это незыблемая закономерность жизни.

* * *

Внезапная смерть Кельдихан меня окончательно выбила из равновесия. Она умерла в ночь с 22 на 23 февраля. Я еще не осознаю своего положения. Часто, обращаясь к дочерям, называю ее имя. Никак не могу понять логики такого оборота событий. Она была в расцвете лет. В течение месяца два раза подряд переболела гриппом (или обыкновенной простудой). К врачу не обращалась. Ни она сама, ни я на болезнь не обратили внимание. И на тебе! Поэтому никаких итогов своей поэтической жизни она подвести не успела.

Может быть, роман в стихах «Всадник из вечности», который она успела выпустить в 2002 году, отнял у нее много жизненной энергии? Конечно, этим романом она воздвигла памятник ногайскому поэтическому искусству 20 века. Может быть, наверху сказали: «Хватит! Ты исполнила свою миссию!»?

Весь прошедший год я провел в командировках, привозил домой материал для народного музея истории и культуры ногайцев. Наш дом был захламлен старыми вещами: книгами, рукописями, фотографиями, войлочными коврами, старой утварью, археологическими находками. Все они в основном были вещами ушедших из жизни людей. Кельдихан, сидя дома, систематизировала, делала описания, составляла каталог. Мне кажется, что она за это время чрезмерно пообщалась со смертью. Не это ли повлияло?

Мое историческое эссе, первоначально названное «Мародеры Великой степи», и которое полностью было перепечатано на машинке руками Кельдихан, пришлось переименовать в «Бессмертную смерть». Хотел назвать «Бессмертная степь», но как-будто кто-то направлял мою руку и я написал «Бессмертная смерть». Почему так вышло?! Название громкое, навязчивое. Оно принадлежит кому-то из великих, не помню кому. Не знаю, надо ли крылатое выражение заключать в кавычки? Но так как это название книги, думаю, что не надо. Прав ли я? Этим названием я, видимо, хотел подчеркнуть свое внутреннее состояние. В данный период жизни я потерял множество близких себе людей. И это на меня действует угнетающе...

Памяти Кельдихан

1.

Ай, свет мой, ай, мир мой!
Казался ты мне нерушимым.
Исчезла за тучи луна
И солнце низверглось с вершины.
В ту черную зимнюю ночь
Ты ушла, не простившись.
Не вынеся горя земного,
Простилась с отчизной,
Простилась с землею
Ты до предрассветного мига —
Волшебного часа
Любви и надежды великой.
И только с родными —
Со мной и с детьми не прощалась,
Как будто вернуться
Однажды домой обещала...

2.

Может, злые слова
Нехороших людей тебя сбили,
Иль проклятья завистниц
Наконец своей цели достигли,
Или это судьба:
Так нежданно уйти до рассвета.
Как ни думай,
беде моей нет объяснения, нету.
Я ночами и днями
Ищу на вопрос свой ответа,
Как могла ты уйти
В час, когда ты достигла расцвета?!
Эту тайну с собой унеся,
обрела нас на муки
Жить с тобой — в бесконечной
Холодной и горькой разлуке.
Сколько б лет ни прошло,
В твой уход я не верю,
Не сумею вместить в свое сердце
такую потерю...

3.

Девятый наш этаж
 Знаком всему народу,
 Отсюда ты в окно
 Смотрела и ждала,
 Когда вернусь домой...
 Не выходя из дому,
 Теперь тебя я жду,
 Оставив все дела.
 Все кажется, твой лик
 Мелькнет за поворотом...
 Но в комнатах немых
 Твой голос не поет,
 И я годами жду:
 в дверь постучится кто-то...
 И это будешь ты,
 Так мое сердце ждет.

4.

Твой голос
 Я слышу,
 Он слился с детьми голосами.
 Твой образ,
 Как лист на ветру,
 У меня пред глазами.

5.

«Тебе от меня, как и мне от тебя
 Пусть доносится весть.
 Ее принесет с собой ветер,
 Увидимся. Знаешь, Бог есть!» —
 Ты так написала когда-то...
 И эти слова
 На камне надгробном
 я высек, как напосвященье.
 Когда онемевший от горя,
 бредущий едва
 Ногаец прочтет их,

Как истину, как заклинанье,
Быть может, тогда он поймет,
Как была ты права!

6.

Ласточка со сломанным крылом
Не узнает радости полета,
Запертый скакун не скинет путы
И не унесется в степь, как ветер.
А глаза, не вылившие слез,
Не освободятся от печали.
Мать детей моих, хозяйка дома,
К нам тебе дороги нет,
возврата нет.
В час такой печальный,
невозможный
Нам от горя нет лекарства,
нет.
На звезду, летящую по небу,
Долго смотрят люди, восхищаясь,
Так и мы застыли в ожидании,
Небо нам тебя не возвращает.

7.

Осиротел наш дом,
Холодно, пусто в нем.
Нет покоя днем,
В ночь не забыться сном.
Сон — то ли сон, то ли явь
Перед глазами вновь:
Так в предрассветный час
Ты посещаешь нас.
Лунная сторона
Вся в золотых ветвях.
Солнечный светлый лик
Весь серебром залит.
В сказочном том саду
Чистый ручей звенит,
Птицы кругом поют,

Розы в кустах цветут.
Ты же, светла лицом,
У родника стоишь,
В тихом раздумье том
Слушаешь пенье птиц.
В платье любимом ты,
Белая шаль легка.
Сказочные цветы
Гладит твоя рука,
Светлой улыбкой нам
Радостный шлеешь привет.
Я просыпаюсь... Там
Вновь за окном рассвет.
Вот и покой в душе
От неземного сна,
В осиротелый дом
Будто вошла Она.

Из дневников разных лет

* * *

Ян Парандовский в своей известной книге «Алхимия слова» приводит высказывание, на которое я обратил внимание, и долгое время не мог забыть появившегося тогда у меня изумления. «В дни упоения присоединением Индии к Британской империи, — пишет Ян Парандовский, — Карлейль обратился к своим соотечественникам с вопросом: «Англичане, от чего бы вы отказались: от Индии или от Шекспира? Что вы предпочли бы: остаться без Индии или без Шекспира? Я знаю, что государственные мужи ответят на своем языке, а мы на вашем отвечаем: мы не можем обойтись без Шекспира. Настанет день, и Индия не будет принадлежать нам, но Шекспир будет существовать всегда, он останется вечно». У Англии теперь нет индийской колонии. Значит, голос Карлейля был голосом высшего разума в оценке двух явлений, разума, недоступного «государственным мужам».

Величие Англии в том, что в этой стране всегда были люди с «голосом высшего разума». В нашей стране самые просвещенные сказали бы: «Разве можно сравнивать несравнимое?» Когда присоединяли Польшу или Финляндию, по-моему, в России таких высказываний не было. Никому и в голову не пришло бы на карту выбора ставить Пушкина и Хивинское ханство.

Из выступления на пленуме Союза писателей России

(11 марта 2005 г.)

Мой дед Магомет-Али Баисов погиб в начале войны под Харьковом. Где он похоронен, его дети так и не узнали. Бабушка, оставшись с шестью детьми, вынесла все тяготы и испытания военных лет. Я часто слушал рассказы матери о том тяжелом времени. Мать часто плакала. Очень много говорила о голодном детстве. Иногда она показывала картофелину: «Вот такую одну картошку мы делили на семерых. Как ее можно разделить?!» Хлеб у них был редкостью. Весной ели крапиву, разные растения, летом, что могли, собирали с убранных колхозных полей. Такая эта была война. Отцы воевали и погибали на фронтах, жены, сестры, дети работали, собирали средства на самолеты и танки, жили впроголодь. Жили с одной мыслью, в ожидании Победы. Это ожидание затмевало все невзгоды.

Ногаец Халмурза Кумуков, уроженец того же аула, что и моя мать, погиб, закрыв грудью вражескую амбразуру, посмертно был представлен к званию Героя Советского Союза, но в разгромленном фашистами штабе пропали документы, и только через сорок лет награда нашла героя. Его именем названы улицы, ему поставлены памятники. Другой ногаец, Алимхан Асанов, стал кавалером трех орденов Славы, что приравнивается к званию Героя Советского Союза. Мой односельчанин военный летчик Хусин Абишев истреблял вражеские самолеты над Балтийским морем. О нем написаны книги. Мы, дети, всегда с восхищением смотрели на него. До сих пор стоит перед глазами этот коренастый мужественный человек в черном кителе, с кортиком на поясе, весь увешанный орденами и медалями.

Писатель, один из основоположников ногайской советской литературы Фазиль Абдулжалилов был кадровым офицером, прошел всю войну и был награжден множеством боевых наград. В середине 60-х годов он учился на Высших литературных курсах при Литературном институте, где познакомился и подружился с известными русскими писателями Виктором Астафьевым и Николаем Евдокимовым. После смерти ногайского писателя совсем неожиданно в «Литературной газете» вышла новелла Виктора Астафьева «Навеки

спасибо» о тяжелой судьбе Фазиля. Замечательная Художественная новелла! Фазиль Апасович до войны был репрессирован. В 1937 году, обойдя своего начальства, от верной смерти его спас русский офицер НКВД, затем он ушел на войну защищать Отечество, после войны вернулся к литературному труду. Фазиль Абдулжалилов был замечательным писателем. Но тот факт, что он стал героем художественного произведения талантливого писателя, говорит о том, что он был незаурядным человеком. Виктор Астафьев написал новеллу по памяти (к моменту публикации Фазиля не было в живых...) о Фазили и показал своего друга таким, каким тот был в жизни: стойким, терпеливым, мужественным человеком. Вывел образ настоящего фронтовика.

В 20 веке на долю России выпали три эпохальных события: Октябрьская Революция, Великая Отечественная война и Мародерская Перестройка. Если в революции и перестройке народ при помощи невидимых врагов поставил себя на край катастрофы, то время Великой Отечественной войны страна наша в открытую боролась со внешним врагом. Победа над фашистами показала, что в открытом бою нашу страну никому не одолеть. 60 лет наш народ сохраняет святое отношение к тем, кто ковал Победу, и это чувство у нас никому не отнять.

В год знаменательного юбилея Михаила Александровича Шолохова хочется сказать о том, что ногайский писатель Фазиль Апасович Абдулжалилов хорошо знал творчество выдающегося писателя. Он переводил его рассказы на ногайский язык, его роман «Бурный поток» и другие произведения написаны под большим влиянием «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Но не только из-за огромного таланта творчество Шолохова остается притягательным для ногайских писателей.

История донского казачества, как и кубанского, терского, яицкого, тесно переплетена с историей ногайцев. Много общего в традициях, этнографических признаках, в воинственном духе. На Дону целые казачьи станицы имели ногайское происхождение. Ногайцы добровольно входили в казачьи сообщества даже в то время, когда у нас существовали собственные государственные образования. Это не могло не отразиться на языке, обрядности казаков. Поэтому тема раскрытая Шолоховым нам очень близка и любима. Мы очень близко к сердцу воспринимаем трагедию казачества. Но в «Тихом Доне» нас восхищает также правдиво изображен-

ный уклад. Уходящий уклад жизни с эпохи скифов и заканчивающийся периодом жизни ногаев и казаков. Уходящий уклад жизни!

«Тихий Дон» — настоящее эпическое полотно о народо-войске, сравнимое только с героическим эпосом тюркских народов, населявших Дон и всю Евразию. «Тихий Дон», в отличие от героических песен, создан одним человеком. Воистину небесная миссия выпала на долю Михаила Александровича Шолохова — тюркские героические песни создавались теми сказителями, которые могли достигать высот мирового дерева...

В своем выступлении я хотел немного сказать и о других проблемах, имеющих непосредственное отношение к писателям, связанных непосредственно с писателями. Я выступал на съезде писателей России. Тогда я говорил о трагическом положении моего народа, затрагивал тему надвигающейся на нашу страну катастрофы. С тех пор прошло пятнадцать лет. За это время многих писателей мы потеряли. Но еще есть те, кто участвовал на том съезде. Недавно я пересматривал свое выступление и был поражен тем, что многие высказанные мной опасения оправдались. Я не хочу хвастать тем, что у меня проявились качества провидца. Наоборот, скорблю по поводу того, что оправдались самые худшие предчувствия. После были другие съезды, пленумы, я принимал в них участие, но не выступал. Потому что был ошеломленным происходящим вокруг. Слушал коллег, товарищей. Конечно, были достойные выступления, но звучало немало необдуманных речей, иногда выливалась откровенная демагогия.

Я понимал, что мои соратники выступают против международной мафии и доморощенной коррупционной власти. В этой обстановке проблемы малочисленных народов казались слишком несвоевременными и чтобы не отвлекать от главного, я, как и другие представители национальных литератур, молча проявляли свое единодушие. Главным рефреном на тех съездах звучала мысль о том, что русские являются государствообразующим народом и надо учитывать их интересы. Мы были согласны с такой постановкой вопроса, поэтому спорить, делать добавления было бы некорректно. Хотя меня лично удивляло, почему мы, татары, чуваша, башкиры, да и все народы Поволжья, Сибири, Кавказа не являемся государствообразующими народами. Наши отцы и деды в Великую Отечественную войну, когда их весь мир называл русскими солдатами их, не то, что не поправляли, а гордились этим.

Мы, дети, играя в войну, ни за что не хотели называться немцами, всегда хотели быть русскими. Игра в русских и немцев обычно заканчивалась большой дракой, поэтому мы играя переименовывались то в красных и белых, то в казаков и разбойников. У французов издревле существовало выражение: « Если потрешь русского, то татарин выйдет». Выражение возникло давно. Однако французы воочию убедились, что это так, когда увидели на улицах Парижа в русских войсках всадников с южными и монголоидными лицами, в косматых папахах, вооруженных пиками и луками. Тогда, против Наполеона, в Отечественную войну 1812 года, против Наполеона бок о бок с русскими сражались башкиры, татары, калмыки, казаки. В российской войске было целых два кавалерийских ногайских полка.

В нашей истории были разные моменты. Да, Едигей заставил платить дань Московское княжество; да, А. В. Суворов жестоко расправился с непокорными ногайскими мурзами в октябре 1783 года. Но мы ради своего будущего выбираем из истории позитивные вехи. Не надо забывать о том, что изначально у трона российского царя, и не в единственном числе, а вместе со своими подданными, стояли ногайские князья Юсуповы, Урусовы, Байтерековы, Иштерековы, Ермолы, Колчаки и многие другие. Князья Юсуповы внесли огромный вклад в обустройство российской государстваенности и до последнего русского царя защищали трон. Легендарная личность Петр Урусов самолично зарезал Лжедмитрия и устранил угрозу российскому трону, положив конец великой смуте. Хотя потом он ушел в Ногайские степи и совершил немало героических подвигов в Белгородской орде Кантемира. Петр Урусов — герой русской истории. Затем под данным при рождении именем Орак стал одним из главных персонажей ногайского героического эпоса, его метаморфозы и мытарства смело можно сравнить с трагическим путем шолоховского Григория Мелихова.

Многонациональная элита всегда окружала русского царя. А российские императоры даже свой личный конвой формировали из казаков и детей многонациональной знати. Факт этот известный, но, к сожалению, его подвергали забвению в политических и религиозных интересах. Особенно советские идеологи, дурманя наше сознание, вводили в заблуждение целые поколения. Сейчас в писательской среде немало дремучих, «не помнящих родства» литераторов. Мы, национальные писатели, ищем поддержки, ищем единения, а у них дуля в кармане. Это, конечно, от малодушия.

Я уже давно заметил, что ненормальной обстановкой в Союзе писателей России ловко пользуются деструктивные элементы, старающиеся создать беспорядок во всей стране. У них есть планомерные свои задачи, они пытаются разбить основы российской государственности, разложить нравственно-этические нормы существования российского народа. Однако им не удастся главного: отнять у нас любовь к России, лишить наши народы истинного патриотизма. Они находят пособников среди окололитературной швали. Они сильно удивляются тому, что серьезный национальный писатель всегда является патриотом и своего народа, и своей Отчизны — России.

За годы мародерства над страной к нам не раз подходили с предложением «раскачивать имперскую лодку». Для здравомыслящего человека всегда было ясно, что «если мы лишимся этой «лодки», то потопим себя и утонем в морской пучине». Хотя Россия — это не лодка. Россия, как говорили евразийцы, — это континент. Континент можно потрясти, но потопить никому не удастся. Основная причина в том, что в этой стране живут народы, любящие родную землю, Родину. Крах стране может притти, когда истребят любовь к родной земле.

Сегодня очень сильно заблуждаются те реформаторы, которые считают, что надо ускорять ассимиляционные процессы, искоренять обычаи, традиции, религию, языки народов, живущих в России. Это действие будет на руку врагам нашей страны. Лишив у русского народа основы религии, народные традиции, взамен советские идеологи получили огромную массу спивающихся, разлагающихся людей. Бомжи, преступники, проститутки, мошенники — это возмездие за безбожную идеологию.

Российская императрица Екатерина Великая, наверное, не зря способствовала открытию национальных школ, строительству мечетей и буддийских храмов, изданию книг и газет на языках «инородцев», созданию географических и этнографических научных обществ. Может я ошибаюсь, но мне кажется, что она знала, что благосостояние народов — это благосостояние государства. Она знала, что надо управлять людьми. Людьми с человеческим достоинством, а не ущербным населением.

Из дневников разных лет

* * *

Был в Казахстане на юбилее известного казахского писателя Калихана Исхака. Впечатлений много. Благодарю бога за то, что я увидел Алтайские горы. В них всегда возрождались тюркские народы. Действительно, я почувствовал незабываемую приветливость и теплоту родной природы...

Одним из заметных событий в жизни Казахстана является перенос столицы из Алма-Аты в Астану. На берегу Ишима растет невиданной красоты новый город. Среди новейших оранжево-синих новостроек я бы особо выделил бело-голубую мечеть и бело-золотистое сооружение Байтерек...

Мечеть — символ веры казахов, а Байтерек — символ древнейшего культурного пласта тюрков, мировое древо познания, древо мудрости...

С недавних пор в Астане живет мой друг ногайский певец и композитор Арсланбек Султанбеков. Он приехал в Казахстан для изучения древних музыкальных инструментов. Деятели культуры республики его радушно встретили, ему понравилась музыкальная среда и он решил остаться в Астане. В столице ему помогли найти работу, он уже участвовал в республиканских смотрах и даже стал одним из победителей конкурсов певцов.

Референт пресс-службы Президента Казахстана Аскар Смагулов вместе с Арсланбеком показали мне здание президентской администрации под не менее символическим названием Ак Орда (Белая Орда — так называлась древняя ставка казахов и ногайцев), а затем сопроводили к Байтереку...

На самой вершине Байтерека в прозрачном зале, откуда видны весь город и небесные выси, есть место, где оставлен на золотистом металле отпечаток правой руки Назарбаева.

Первое, что я подумал, — это то, что я стою на историческом месте, которое уносит твое сознание в космос, а второе — я соприкоснулся с рукой строителя, который напоминает мне Петра Первого, прорубившего окно в Европу. Нурсолтан Назарбаев поднял башню к небу, чтобы пробить путь своему государству в космическую цивилизацию...

Во время возвращения на границе Казахстана с Россией написал стихотворение.

Красиво, красиво
летят перелетные птицы.
Ни виз, ни границ
им не нужно в редющей мгле.
Не надо угодничать,
чтобы с жожаками водиться.
Им в небе намного просторней,
чем нам на земле.

И вольно разносится ветром
в родимой округе
Их горестный плач
о насиженных здешних местах.
И долго, и долго
им машут вослед наши руки.
А в сердце тревога,
печаль и припрятанный страх.

Ну, что же, летите.
А нам оставаться и дальше,
Вам проще, «туристы»,
для вас обе родины — ваши.
А нам наша родина
Богом дана лишь одна.

* * *

Я всегда был одинок. Это из-за того, что я изучал себя, разбирался сам с собой. В свою душу я старался никого не допускать, даже домочадцев. Хотя и не задавался целью, такое происходило интуитивно. Когда сосредотачивался — я писал. В последнее время, наверное, из-за возраста мое одиночество болезненно обнажается. Как человеку с плохим зре-

нием не хватает ясного видения, так и мне не хватает сосредоточения. Хочу писать. Как никогда прежде ищу уединения. Родные не понимают моих позывов, знакомые глумятся над ними. Я молчу и никому не могу рассказать о своем состоянии.

* * *

Очень боюсь безразличия и равнодушия в душе. Люди перестают меня интересовать. Мне известно, о чем они будут говорить; лживых, хитрых, лицемеров, равно как и простодушных, от природы глупых я угадываю на расстоянии и с полуслова. Когда не могу понять, что за тип человека, не прилагаю, как прежде, усилий и не пробуждаю своего интереса к ним. О многих даже стараюсь забыть, они мне неинтересны. Кажется, это старость. Равнодушие — постоянный и неразрывный спутник старости.

* * *

Необходимо сохранять в душе обновляющуюся сущность мира. Мне надо куда-то поехать, поменять обстановку.

* * *

Да, всей плотью осязаешь, что окружающая действительность с каждым часом отторгает тебя. Люди младшего возраста смотрят на тебя, как на мемориальное явление. Ты постепенно начинаешь понимать, что они живут своей жизнью, далекой от твоей жизни. Ты же, ни то, что не участвуешь, но ты не нужен их жизни. Хуже всего, если ты станешь помехой...

* * *

Велик русский язык: «Старый пень!» — Как точно сказано о стариках.

* * *

Как-то один мой приятель сказал: «Как хорошо я понимаю старых баев из народных песен, которые стада скота отдавали вместо калыма, чтобы жениться на молодых девушках!»

В наших мифах говорится о том, что вселенная (видимо, имелось в виду все звездное пространство) зародилась от лебединого яйца. Откуда взялась космическая лебедь, снесшая яйцо? Об этом молчит фольклор, да и никто не интересуется. Само яйцо расположено в бездне. Неужели наши предки так реально ощущали бездну?. Человеческий ум с древнейших времен не может вместить в себя бездну. Тюрки знали о ней. Мне кажется, что сила тюрков была в этом познании, в познании временной и пространственной бесконечности. Древний тюрк не боялся окружающей его бездны. Чего стоит хотя бы легенда о Полярной звезде (по-ногайски Темир казык — Железная ось), к которой привязано созвездие Семи Коней (Большая Медведица, по-ногайски Етеген)?! И еще множество других легенд...Космос у тюрков, что Земля. Он был «освоен» задолго до запусков космических ракет.

А самое главное, у тюрков сам бог — беспредельность и зовут его Тангри.

Тюрки сопротивлялись принятию мусульманства, но когда сделали это, то легко восприняли основные постулаты. Потому что совпадали понятия о боге. Имена Аллах и Тангри — являются синонимами у всех тюркских народов. Это могло произойти и, благодаря ранних тюркских завоеваний Ближнего Востока. Возможно, что ишкрузы, тюркюты или гунны занесли понятие о беспредельном Боге?

Все народы трепетали перед дыханием вселенской бездны. Тюрки же преспокойно фантазировали о том, что они когда-нибудь сядут на крылатых коней и будут бороздить космическое пространство. Крылатый конь пророка Дуль-дуль — это тюркский крылатый Тулпар.

Мир не любил тюрков за беспредельную духовность и нескончаемый героизм. Европа и страны Востока негодовали от победоносности тюрков. Когда в мире утвердились христианские и мусульманские империи, их идеологи исказили тюркскую историю до неузнаваемости.

Сегодня тюрки на той же стадии, что латиноамериканские, англоязычные народы, у которых один язык, одна религия, но единым народом они себя не чувствуют. Однако окру-

жающий мир то и дело создает страшилку о пантюркизме и сами, не ведая того, толкают турков на объединение.

Особенно, в двадцатом веке сказалось то, что в тюрках нет единства. Взять, к примеру, среднеазиатские государства: Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан, Туркменистан — несмотря на большую общность, они и не помышляют об объединении, очень много у них противоречий. Или хотя бы живущих на Северном Кавказе тюрков: карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев — этих народов тоже объединяет один язык и одна вера, на самом же деле между ними очень много противоречий, чувствуется огромное различие в ментальности. Эти народы не считают себя родственными, как это принято у адыгов: черкесов, адыгейцев, кабардинцев (язык адыгейцев только в общих чертах похож на язык кабардинцев и черкесов, при разговоре они с трудом понимают друг друга). Это удивительно!

* * *

Человек, сохранивший достоинство, не имеет страха перед смертью.

* * *

Время никогда не принадлежит человеку. Мы можем только лишь сократить или продлить свою жизнь.

* * *

Невозможно любить страну только за то, что она мощна и необъятна. Ее начинаешь любить тогда, когда считаешь своей. Этого не понимали советские идеологи, поэтому они развалили такую мощную державу, как СССР.

* * *

Если бы в СССР каждую республику, каждый народ считали своим достоянием и пеклись бы о его благосостоянии, развала державы можно было избежать.

Россия, кажется, повторяет прежние ошибки. Сегодняшние правители своим непоследовательным управлением готовят ей внутренний раскол. Они прямо хотят отторгнуть от страны такие огромные территории, как Дальний Восток, Калининградская область, Северный Кавказ.

* * *

В бытность СССР я всеми фибрами души ненавидел устройство этого государства, но теперь я глубоко переживаю за развал этой страны. Прежде всего, за утрату геополитического пространства. Мы так привыкли ко всем союзным республикам, в их отторжении кроется какая-то неестественность. А какое громадное значение было у русского языка!.. Нет! Я вовсе не кровожадный человек, но Горбачев все же должен был понести наказание за развал страны и за предательство собственного народа.

Я не знаю, что будет с русскими и с Россией, но я твердо уверен, что будут русскоязычные народы и русскоговорящие страны.

* * *

В нашей стране вместо мудрых политиков все больше и больше плодятся мошенники, прикрывающиеся обликом патриотов и националистов. Чиновники развращают своих граждан и губят страну.

* * *

Более десяти лет у меня на даче растет ореховое дерево. Оно растет возле забора, и если оно будет плодоносить, то его орехи будут доставаться прохожим, и привлекать внимание воришек, довольно часто грабящих дачные участки. На углу дачного участка у меня есть другое большое ореховое дерево, и оно хорошо плодоносит. А это хотя и — у забора, растет в средней части огорода. Как известно, под орехом всегда голая земля, так что, если оно разрастется, то сделает приличный кусок земли непригодным для пользования. Корень дерева уходит под забор, и я никак не могу

добраться до него. Каждый год я лопатой обрубаю ствол под корень, а он продолжает расти. В год семейных утрат я на даче не был, и дерево за один сезон выросло выше забора. Пришлось рубить его под корень топором. В этом году опять пошли побеги, придется их опять обрубить...

Грецкие орехи — очень полезные плоды... Но вот это дерево растет в ненужном месте. Вот так же точно среди какого-либо народа появляется несвоевременный поэт, писатель. И его начинают травить, рубить под корень, а он живет себе и пытается выдать произведения, непонятные соотечественникам.

* * *

Человек живет мечтой и надеждой. Когда обрываются устремления, человек становится похожим на высохший колодец, и его начинают засыпать всяким хламом.

* * *

Не каждый долгожитель остается в памяти народной. Чаще люди за короткий срок жизни одним отважным, героическим поступком оставляют о себе память в народе.

* * *

Когда народ един, то и малые деяния соотечественников возносятся высоко. Когда же народ идет к закату и распадается, то даже самые великие поступки соотечественников не замечаются, раздражают, вызывают зависть у соплеменников.

Только культура и искусство спасет народ от распада. Талантливое произведение искусства даже после гибели народа способно его возродить.

* * *

Венцом ногайского песенного искусства является эпос «Эдиге». Его величие подтверждается и тем, что он распространился и на другие народы.

Ногайские исторические песни считаются своими у казахов, каракалпаков, татар, башкир, узбеков. Фрагменты эпоса «Эдиге» зафиксированы и у кавказских народов, в частности, у адыгов.

Это наше великое достояние никто и никогда не отнимет у нас. А ведь пытались: песня была арестована на полвека!.. А сейчас же на великое наследие наших предков накиннулись ученые всех современных евразийских тюрков, как хищные стервятники они раздирают нашу культуру. Они похитили коня из-под раненного всадника и хотят добить самого всадника, но это у них не получится. Об этом мое историческое эссе «Бессмертная смерть».

* * *

Тюркские ученые из Татарстана, Казахстана, северокавказских республик и даже из Крыма мародерствуют над ногайской историей. Всевышний им этого никогда не простит... Им нужна великая история. И они ее делают, не брезгуя ничем. Разве могут быть счастливы те дети, которые не чтут своих родителей, братьев и сестер?!

* * *

Зеркала дают отражения. Древние считали, что зеркала обладают магическими свойствами. Почти у каждого народа есть сказки о волшебных зеркалах. Миф о Нарциссе — уникальное древнейшее произведение о зазеркалье. Не знаю почему, но эта тема меня очень волнует. В зеркалах я чувствую притягательный чей-то взгляд. В моем романе «Книга отражений» и повести «Синие снега» за основу взята тема зазеркалья.

* * *

Я никогда не смешивался с толпой. Я старался не участвовать в уличных шествиях и всякого рода массовых сборищах, митингах. Обычно я их обходил или стоял в стороне и наблюдал за происходящим. Я всегда знал, что я не человек толпы. События конца 90-х годов, связанные с избранием

президента в Карачаево-Черкесии, о которых по телевидению узнал весь мир, я наблюдал с высоты своей квартиры на девятом этаже, из окон моей квартиры хорошо просматривается главная площадь республики...

* * *

Я всегда не любил собрания. Но с начала перестройки когда многие уверовали в пересмотр национального переустройства государства, я стал принимать участие во всех народных съездах, даже входил в руководящий состав народных съездов. Я ошибочно полагал, что таким образом исполняю свой патриотический долг. До сих пор я выступал на каждом съезде. Делал это я из-за того, что наивно думал, будто на съезд собираются единомышленники, и я выражаю с ними солидарность. Когда я понял, что большая часть соотечественников приходит ради любопытства или же, чтобы только показать себя патриотом, на самом деле таковым не являясь, хуже того, когда я обнаружил настоящих предателей интересов народа, и ловко использующих момент для своих меркантильных целей, я решил более не участвовать в подобных народных мероприятиях... Однако, вот уже два месяца меня уговаривают принять участие и выступить на съезде. Опять-таки уговаривает функционер, мнимый патриот. Наперед зная, что это мне навредит, иду на очередной съезд. Вот моя речь...

Выступление на 4 съезде ногайцев

В докладе Генерального секретаря ООН «Проект программы действий на второе Международное десятилетие коренных народов мира» от 18 августа 2005 года вносится предложение об усилении мер по сохранению, развитию и пропаганде языков, истории и культуры коренных народов, которое как никогда актуально для ногайского народа, проживающего в Российской Федерации. Для сохранения коренных этносов в России Государственная Дума издала ряд законов, одним из своевременных для нашего народа стал закон о национально-культурной автономии. Казалось, что нет ничего сложного, чем жить и развиваться по данным решениям. Однако не все так просто. Этносу, народу в России необходимо политическое самоутверждение. Одни народы имеют

национально-территориальные единицы, а другие нет. У последних ухудшается состояние культуры, языка, исчезают традиции и обычаи, и они превращаются в настоящих изгоев. Это относится и к нашему народу.

Историческая драма многомиллионного ногайского народа началась после распада в 17 веке государственных образований Большая Ногайская Орда со столицей в г. Сарайчике на реке Урал и Малая Ногайская Орда со столицей Копыл (Капу) на реке Кубань. В 18—19 веках ногайцы потеряли большую часть населения в изнурительных войнах, трагедия закончилась массовым переселением ногайцев в Турцию. Оставшаяся на территории Российской империи часть с воодушевлением встретила революцию 1917 года, надеясь на избавление от национального гнета и улучшение своей жизни, однако положение ногайского народа в СССР еще более усугубилось. В 20 веке, только в 30-ые годы, в результате сталинских репрессий, искусственного голода и переписи ногайцев в татары (в Крыму, на Азовском побережье и в Астраханской области) население сократилось в несколько раз (по нашим подсчетам, из 270 тыс. чел. в 1926 году к 1939 году осталось 39 тыс. чел.). Даже в годы перестройки никто не мог объяснить причин сокращения численности населения ногайского народа. Ясно одно, что в эти годы одни народы депортировали, а других уничтожали в самой интернациональной стране Советский Союз. Очевидно и другое: что неоднократно повторявшееся перекраивание исконных территорий ногайцев (1922 г., 1924 г., 1928 г., 1944 г., 1957 г.) являлись целенаправленным издевательством над одним народом. В 1957 году, разделив ногайский народ в основном месте компактного проживания и введя его в различные административно-территориальные единицы: Дагестан, Чечено-Ингушетию, Ставропольский край, руководство советской страны окончательно разорило национальный дом ногайцев. Разобщенность проживания ногайцев исключила нормальное развитие национальной ногайской культуры. Перед этносом остро стала проблема сохранения и развития многовековой культуры, но решать ее в современной обстановке чрезвычайно сложно.

Вместе с этим надо отметить, что в 1957 году при возвращении депортированных народов на родину изданный Верховным Советом СССР пагубный для ногайцев Указ повлек за собой не только передел исторической земли, вместе с переделом было произведено преднамеренное переимено-

вание районов, стирающих следы ногайской этничности. В Ставропольском крае Каясулинский и Ачикулакский районы были объединены и новый район получил название Нефтекумский район, в Чечено-Ингушетии Каргалинский район переименован в Шелковской, в Карачаево-Черкесии Икон-Халкский район — в Адыге-Хабльский. Совсем непонятно, зачем надо было переименовывать в Запорожской области Украинской ССР город Ногайск в Приморск? В этом городе, да и в его окрестностях ногайцы давно не проживали. Ясно одно: что надо было стереть историческую память о нашем народе на всей территории СССР. Поразительно то, что это было сделано одновременно. Люди поговаривают, что это было сотворено рукой «серого кардинала» М. А. Суслова.

Наша страна изобилует ногайскими топонимами, их искоренить трудно. Поэтому партийное руководство страны искореняло тех, которые слишком откровенно (как город Ногайск) подчеркивали принадлежность к нашей национальности. В местах расселения ногайцев переименование районов происходило, чтобы нанести обиду народу. Возможно, что и националистически настроенная (неногайская) партийная номенклатура нашей автономной области в 1957 году воспользовалась моментом и сделала переименование Икон-Халкского района, а заодно без всяких обоснований перенесла райцентр в черкесский аул Адыге-Хабль, основанный переселенцами из Хабезского района в 1926 году. Более пятидесяти лет жили ногайцы в своем районе. Не роптали. Строили райцентр, поднимали экономику. Не возмущались, видимо, потому, что не знали, что может прийти нынешнее время и начнется приватизация всего нажитого десятилетиями, в том числе и народной земли. Сегодня такое положение нашего народа создает много отрицательных явлений, отражается и на решении социальных проблем, влияет на кадровую политику, на развитие культуры и языка. Мы являемся субъектообразующим народом республики и хотим, чтобы название нашего этноса документально утвердилось на карте Карачаево-Черкесии. Такие же требования вполне закономерно предъявляют представители абазинского народа. Если нет даже этого, то какая польза нам от Карачаево-Черкесской республики. Граница рядом. Рядом российские пределы без двойного гнета, без махрового национализма. (Правда, не везде в России сегодня хорошо, но это другой вопрос.) Зачем нам президент, избранный с учетом национальности или председатель правительства, назначенный с

учетом его принадлежности к другой национальности?! И весь кадровый подбор, утвержденный по этой разметке?! Сегодняшние политики и общественные деятели не до конца понимают, что такие административные образования со смешанным национальным составом без законодательной защиты фактически являются братской могилой для этносов. Я лично твердо уверен, что лучше жить в административно-территориальной единице, нежели в национально-территориальном образовании. При советской власти партия силовым давлением устраняла межнациональные противоречия, хотя все народы чувствовали несправедливое слияние наших национальностей в автономную область. После ухода советской власти все существовавшие проблемы оголились. Яркой формой проявления межнациональных противоречий стали выборы 1999 года. Тогда у нас в республике столкнулись два титульных народа. Остальные народы: ногайцы, абазины, греки, русские — использовались обеими сторонами. Десятки тысяч людей протестовали на площадях, сотни тысяч людей делали шествия из одного конца республики в другой, возводились палатки, жгли костры на улицах, перекрывались федеральные трассы. Вся страна с удивлением следила за нашими событиями. В это время я по телефону для радиостанции Би-би-си комментировал о происходящем на главной площади нашей столицы. Весь мир думал о том, что у нас в республике живут только два народа, и это их представители бьются за верховенство. Мой друг из Лондона Равиль Бухараев, между прочим, спросил у меня о роли ногайцев в этой борьбе. Я не мог четко ответить на этот вопрос. Я сказал Равилю, что большая часть ногайцев по этническому родству поддерживает представителя карачаевского народа генерала Семенова, а меньшая — кандидата в президенты Деревя. (Кстати, у последнего в предвыборной программе говорилось о создании Ногайского района...) В результате этих выборов обнажилась правда, всем стало очевидно ущербность многонационального государственного образования. Проигравшая сторона тотчас затребовала разделения республики. Началась кадровая чехарда, стали делать всевозможные уступки. На некоторое время косметическими методами завуалировали глубокое противоречие. Но эта рана в любой момент готова раскрыться... Первыми, после этой битвы народов, опомнились абазины. Точнее, их вынудили опомниться обстоятельства, выплывшие из выпавших на их долю испытаний. После ущемления их прав в ауле Кубина они выш-

ли на центральную площадь в столице и затребовали свой национальный район... Здесь и проявилась мудрость нынешнего Президента Карачаево-Черкесской Республики, издавшего Указ о создании Абазинского и Ногайского районов. Его Указ поддержала сессия Народного собрания депутатов КЧР.

Но противники Указа Президента и решения сессии не заставили себя долго ждать. Волну возмущения вызвала публикация в газете пенсионера М. Карданова «Широка страна моя родная». На дерзкие и оскорбительные выпады в адрес ногайцев достойно ответил исполняющий обязанности руководителя национально-культурной автономии ногайцев, пенсионер М. И. Туркменов статьей «...Много в ней лесов, полей и рек».

Мне еще раз хочется повторить слова Мурата Туркменова из этой статьи в газете «Вести гор»: « Если Адыге-Хабльский район переименуют в Ногайский, всем очевидно, что восстановится справедливость в отношении одного из коренных народов республики. Например, наш республиканский центр в свое время был назван именем черкесов, но в нашем столичном городе не живет столько черкесов, чтобы отдавалось им предпочтение, скорее было бы справедливее сохранить за этим городом историческое казачье название: Баталпашинск. Но наши народы из-за уважения к черкесам согласились именовать его Черкесском. И никто из других народов КЧР не чувствует себя ущемленными. Думается, если субъектообразующие народы республики имеют административные территории с этническими названиями, то и ногайцы имеют полное право жить в районе с ногайским названием». Эта цитата из статьи Мурата Туркменова. Фактически это выражение мнения национально-культурной автономии ногайцев «Ногай эль». Я хочу в двух словах коснуться деятельности «Ногай эль», членом исполкома которой являюсь и я. Всем вам известно, одним из главных создателей был нынешний министр по делам национальностей и СМИ Валерий Сеперович Казаков. Этой организацией, несмотря на большие трудности, не мало сделано.

Надо сказать, что в регионах проживания ногайцев стихийно существуют национальные общественные организации, но ни одна из них, кроме национально-культурной автономии в Карачаево-Черкесии в период с 2000 по 2006 год не действовала, а многие до сих пор не имеют государственной регистрации. Общественно-политическая организация «Бирлик» в Карачаево-Черкесии, хотя и имела юридический статус, фактически осталась без управления. Не будем вдавать-

ся во все подробности этого факта, но, когда избранного съездом народа руководителя организации, соотечественники не хотят даже выдвинуть кандидатом в депутаты Народного собрания КЧР — это необъяснимо и ненормально. Должность руководителя народной организации «Бирлик» для нас, ногайцев, в нашем положении, выше самых высоких постов в республике.

Представители национально-культурной автономии, хотя и занимались вопросами культуры, искусства, литературы, в указанный период вынуждены были заниматься и политикой. Об этом свидетельствует активное участие организации в выборах Президента КЧР, депутатов Народного собрания, главы Адыге-Хабльского района. Представители «Ногай эль» участвовали во всемирных и всероссийских форумах, делали заявления о насущных проблемах нашего народа. И делалось это без всякой материальной поддержки извне. Даже счета в банке не имеет эта организация.

Положение нашего народа бедственное, и касается это всех сторон жизни. Может быть, я уже повторяюсь, но многое может решиться от того, как сложатся отношения на нашей малой родине. Если там руководители, администрация придут к выводу, что решения национальных проблем коренного народа должно исходить от них, тогда напряжение, недовольства будут искореняться. Например, при поддержке Президента России Путина В. В., по выделенному им гранту мною создан Народный музей истории и культуры ногайского народа. Музей был торжественно открыт. На открытии в ауле Эркин-Халк приняли участие заместитель Председателя Правительства КЧР А. Тебуев, министр И. Шаповалова, руководитель регионального отделения партии «Единая Россия» С. Темиров и представители общественных организаций. От имени Президента КЧР был вручен ценный подарок музею. Музею присвоено звание «Народный». В музее собрано более трех тысяч экспонатов — это предметы старины, картины, рукописи, войлочные ковры, музыкальные инструменты, ценные книги, фотографии. Два года я ходил в администрацию района и к членам Правительства, чтобы в нем создать небольшой штат сотрудников и чтобы заработало единственное учреждение культуры нашего народа, но мне надоели безрезультатные посещения в здания администрации Адыге-Хабльского района... Думал, что чиновники вспомнят или хотя бы задумаются над тем, что к созданию музея причастно имя главы государства... А между тем, за два года не мало вреда наделали мыши в музее и, по-моему, подбираются к подарку Президента Карачаево-Черкесской респуб-

лики... У нас нет драматического театра. Хотя таковой имеется у карачаевцев, абазин, русских, черкесов. На каждый театр тратится более миллиона бюджетных рублей. Но вот уже в течение семи лет на гастроли к нам хочет приехать Ногайский драматический театр из Дагестана, а мы не можем его принять. Такие гастроли заполнили бы образовавшуюся пустоту, образовавшуюся в связи с отсутствием местного театра. Я уже не говорю о создании такого театра. Ни кому нет дела до нашего народа!

Есть еще один животрепещущий вопрос, который отражается на каждом ногайце. Более десяти лет имя нашего народа не сходит со страниц центральных СМИ и электронных газет. В материалах этих изданий имя ногайца ассоциируется с бандитами, обвиняемыми в самых страшных преступлениях. Я лично не могу спокойно смотреть на это. В тюрьмах полным- полно преступников всякого рода. И что, мы должны указывать на их национальность? Тогда Чикатило у нас будет ассоциироваться со всем российским народом. Центральные СМИ изобилуют такими выражениями, как «ногайский батальон», «ногайские террористы», «людоеды желтой воды». Порою даже имен и фамилий бандитов не приводят. А один раз убитого бандита из Камыш-Буруна называли боевиком из ногайских террористов, а он оказался обыкновенным криминальным авторитетом из Дагестана. Я не понимаю безответственности представителей СМИ. У боевиков, террористов ничего общего с ногайским народом нет. На самом деле: что они, хотят создания ногайского государства, ногайского автономного обустройства или образования национального района в той же Чечне? Они даже за равноправие ногайцев не воюют. Ногайского батальона, созданного в условиях российского хаоса в незаконных дудаевских формированиях, давно уже нет. Но по газетам мы узнаем, что он есть и продолжает сражаться. Скоро уже о неистребимом ногайском батальоне начнут песни складывать...

Сегодня нашему народу, чтобы оградить себя и своих детей от огульных обвинений и клеветнических ярлыков, необходима общенациональная газета. Я удивляюсь и представителям нашего народа, находящимся при власти. Слава Аллаху, у нас есть представители и в районных, и в республиканских, и в федеральных органах власти. Они удивляют своим безмолвием. Видимо, они ко всему равнодушные. Почему об этих безобразиях должен писать во все инстанции поэт Мурат Авезов, а не они? Почему им не собраться и не сделать одно обращение к Президенту России, Совету Федерации, в Государственную Думу против клеветы на весь ногайский народ?!

Я лично выражаю глубочайший протест против отождествления моего народа с террористами.

11 марта 2006 г.

Выступление на «Круглом столе «Северный Кавказ: многообразии и единство»

Я очень благодарен организаторам этого «Круглого стола». Во-первых, из-за того, что нам, писателям, в последнее время не часто приходится видеть друг друга, а хочется пообщаться, узнать о состоянии литератур в других регионах, поговорить о новинках, о проблемах общества. Во-вторых, я думаю, что будет и насущная польза от этой встречи. После проведения предыдущего мероприятия во Владикавказе произведения его участников попали в «Антологии российской литературы», выпускаемые организаторами нашего сегодняшнего форума. Туда попали мои рассказы, стихи моих товарищей из нашей писательской организации.

Я внимательно слушал своих коллег и организаторов форума. У всех добрые побуждения и хорошие намерения. Но что-то в нашем разговоре не клеится, не хватает откровенности высказаться о более глубоких истоках происшедшей катастрофы. Эти истоки, хотим мы того или не хотим, связаны с общими проблемами, навалившимися на нашу страну. Прежде всего это извечная проблема взаимоотношений государства и личности. Тут прозвучали речи, защищающие политику государства, прозвучали выступления о необходимости создания здорового гражданского общества. И я хотел выразить свое субъективное мнение по этой животрепещущей проблеме. Должен заранее извиниться за грубые сравнения. Но иначе не скажешь. Все дело в том, что «государственники» очень сильно оторваны от чаяний своих граждан. Поэтому мне наше государство видится в роли некоего лютого серого волка. А граждане, в том числе и я, — в виде общества зайцев. И видится мне все это так, потому что волк не может откровенно беседовать с зайцем. У волка древние инстинкты, и он обязательно хочет съесть зайца. Заяц же хочет выжить и всегда боится волка. А тот издавна прикрывается заверениями, что живет ради зайцев, что печется об их благосостоянии... Заяц извечно делает вид, что верит этим словам, но на самом деле живет в постоянном страхе, что

его рано или поздно задерут. Он доподлинно знает, что волк не может быть ни гуманистом, ни демократом, ни интернационалистом. Волчья сущность не позволяет ему быть справедливым к зайцу. Это, полагаю, всем понятно.

Из-за этого, друзья, в стране царит страшная неразбериха. Волк понял, что численность зайцев катастрофически снижается, а это означает, что так скоро можно и самому с голоду помереть, и поэтому необходимо, чтобы зайцы хорошо размножались и производили побольше хлеба насущного. Волк начал проводить опыты и всякие эксперименты, в результате которых уразумел, что зайцы, постоянно его видящие, и находящиеся по близости, не прибавляют в весе и не размножаются. Иное дело — те, что живут в отдалении и не ощущают его присутствия. Эти вполне резвы и приплод дают, да и в работе отменно продуктивны. Волк понял, что дело не только в кормежке зайцев. Только вот незадача — в его планы не входило далеко от себя зайцев отпускать. Нет! Они должны быть под присмотром. Послушания от зайца добиться трудно — это он понимал. Главное — послушание! Не хватало, чтобы зайцы бунт подняли!.. Наш волк серый, дремучий, а есть и другие... одни голубые, другие оранжевые, третьи коричневые. Другие волки действуют благородно, по понятиям, по мере своих возможностей предоставляют свободу. Заботятся о своих зайцах.

Наш волк больше всего боится, чтобы наш заяц не сбегал к оранжевым или голубым. К коричневым не побежит — эти, чтобы свою породу не портить, других зайцев близко не подпускают. Наш волк долго думал, что делать, и наконец надумал. Решил перестроить жизнь на иной манер, захотел перекраситься. Однако из этого вышло мало толку. Изменил он манеры, одежды импортной накупил. А вот повадки, психологию изменить никак не может. Открыл новые ведомства на манер оранжевых, каждый день стал твердить о демократии, гласности, прозрачности. Сам серый плохо понимает значение этих слов, а зайцы — тем паче. Зайцы по многовековому опыту знают, что волку нельзя доверяться. Доверишься — а у него вдруг проснутся инстинкты, возьмет и всех перережет. Поэтому-то они и безобразничают, занимаются беспределом. А волк измаялся, состарился и не знает, что такого придумать, чтобы ему поверили...

Я понимаю, что это, возможно, не очень удачное сравнение, однако наша жизнь такова, что иного не подберешь. Общество не верит в справедливость государства. Поэтому и полнейший разлад в обществе. А почему не верит? Потому

что государство ведет себя алогично, не последовательно. Миллионы граждан, повергнутых в нищету, сотни тысяч обманутых людей... В то время как государство не знает, куда деть нефтяные деньги, сотни тысяч российских городов нуждаются в открытии приютов для бомжей и беспризорных детей, а безработные, малоимущие не могут расплатиться с нуворишами за жилье, электроэнергию, за тепло...

И возвращаясь к сегодняшнему разговору о литературе, хочу сказать следующее. Я не политик, но твердо знаю, что для нормальной жизни в нашей стране необходимо изменить нравственное отношение к своим гражданам. Уровень государства определяется спаянностью и развитостью его граждан. Другими словами, мощь государства определяется мощью его общества, народа. Поэтому его гражданам обеспечивается физическое существование, предоставляются гражданские права, нормальное духовное и культурное развитие. Последнее неразрывно связано с экономическим положением населения. Гражданские права, нормальное духовное и культурное развитие направляющая сила экономики государства. Это надо понять!

Одичалость — скорее определяет отсталость государства. И это всем известно. У нас многонациональное государство, поэтому есть еще одна необходимость — это обеспечение прав народов, сохранение и развитие духовной культуры, языка и литературы.

Из уст уважаемого Сергея Александровича Филатова прозвучала речь о том, что в крупном российском бизнесе около 40 процентов представителей нерусской национальности и, что они могут способствовать развитию духовных потребностей малых народов. Тут я хотел возразить. Во-первых, из-за того, что представители крупного бизнеса в основном проживают в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных российских городах, там, где процветает их бизнес и там же где они несут прямую социальную и другую ответственность перед гражданами (отчисление налогов, участие в культурных программах) перед гражданами, там, где процветает их бизнес. Во-вторых, в крупном бизнесе участвуют представители не от всех российских народов, многие из них бывшие граждане СНГ, у них только фамилии нерусские. От моего народа нет представителя в крупном бизнесе. Даже Миллионеры — представители российского народа — настолько оторваны от проблем народов, что они скорее купят известный зарубежный футбольный клуб, чем создадут издательство по выпуску книг нацио-

нальных писателей. Но есть и такие, которые дают деньги деятелям культуры и литературы. Чаще всего этими подачками пользуются прохиндеи. В длительную и объективную программу наши бизнесмены такие акции не могут превращать по разным причинам. Деньги эти даются под большим секретом, бизнесмены просят, чтобы их имена не упоминались, потому что они боятся своих надсмотрщиков, которые «наступят им на хвост» — «оборотни в погонах» могут довести их до разорения. Особенно опасен перевод денег на Кавказ.

А что делать такому народу, как ногайцы? По воле капризной фортуны наш народ не имеет своего автономного образования. Мы совместно с другими народами проживаем в республиках Дагестан, Чечня, Карачаево-Черкесия, в Ставропольском крае, Астраханской области. В этих образованиях проживают так называемые титульные народы, которые в первую очередь обеспечиваются бюджетными деньгами. Ногайцы же довольствуются крохами. Нет ни одной целевой программы в отношении единого ногайского народа. Под статус коренного народа Севера, которому есть кое-какие льготы, мы не подходим. Мы не проходим и как малочисленный народ, которому по закону есть привилегии (нас около 100 тысяч человек в России, а статус малочисленного дается тогда, когда количество людей не превышает 50 тысяч). В крупном бизнесе наших представителей нет — на то есть свои причины — прежде всего отсутствие национальной номенклатуры в советский период.

Сегодня ногайцы осваивают Север, работают в нефтяной и газовой промышленности, и там они приносят немалый доход государству. Мы вошли в состав России со своей исторической землей, участвовали во всех крупных событиях страны, наши деды не раз проливали кровь за интересы государства. Мы имеем полное право на развитие своей культуры, языка и литературы. Однако никто не хочет пересмотреть закон о коренных народах России, не получивших автономию. За национально-территориальную автономию сегодня мы не ратуем. Из сегодняшней беседы мы видим, что она (республика, округ) опять-таки кормушка для чиновников и не обеспечивает права народов на развитие культуры. И потому, она представляет опасность для единства России в историческом будущем. Российское правительство отпускает деньги в автономные образования, но эти деньги не всегда доходят по назначению, а, если предназначаются для культуры, то несправедливо распределяется между живущими в регионе народами. Вместо размытых министерств культуры,

наверное, необходимо создать департаменты по культурным запросам того или иного коренного народа России. Уповать на бизнесменов мы не можем, а на коррумпированного чиновника тем более.

Народы России отдали государству свои земли, пролили много пота, трудясь на ней. Почему государство не может удовлетворить их культурные и духовные запросы...

Например, американцы создали сотни кинофильмов о своих коренных индейцах, бизнесмены-американцы с пониманием исторической справедливости поддерживают этнографические музеи, дают деньги на изучение языков и их развитие. У нас же нет ни одной логически обоснованной программы для поддержки коренных народов России. Я уже не говорю о дорогостоящих кинофильмах или планового выпуска многотомных книг по фольклору и литературе.

Во время колониальной экспансии царизма на Северный Кавказ русский исследователь А. Павлов с большим удивлением находил в ногайских аулах ветеранов Отечественной войны 1812 года, награжденных царскими медалями. В русской армии, вошедшей в Париж, было целых два кавалерийских полка из ногайцев, они показывали чудеса воинской доблести при защите Российского Отечества. Только этот факт заслуживает написания исторического романа и его экранизации.

(С небольшими сокращениями это выступление опубликовано в журнале «Дружба народов».)

г. Железноводск, 2006 г.

* * *

Нежданною, красивой перепелкой
Ко мне когда-то счастье подлетело,
Испугавшись изумленья моего,
Остановилось на пороге,
В дом не заглянув, и упорхнуло,
Как будто бы со мной играло в прятки.
Теперь я отправляюсь на охоту,
Я на удачу расставляю сети,
Когда же на мой зов она ответит —
Жду, не смыкая глаз, теряя годы.
Откуда знать мне, что счастье не приходит
В одно и то же место дважды...

* * *

Кто-то скажет:
«Он такой простак»,
А другой добавит:
«Он чудака», —
Я живу среди людей
И знаю, что и где
Я делаю не так.
Средь овец
Возвысится верблюд,
А в степи
Возвысится гора,
Лишь слепой
Пройдет и не заметит
В небесах
Летящего орла.
Я народу не закрою рот,
Не накину
На него платок.
Средь родни убогой
Сам ходи убогим,
Вот народной
Мудрости исток.
Если слеп твой друг —
Почему ты зрячий?!
Если твой народ унижен

И сил нет никаких
Поднять его —
Тихим будь
И не выделяйся
Из толпы —
С этой мыслью
Продолжаю путь.

* * *

Я жил своим умом,
Был с ложью не в ладах,
Народ свой не клеймил,
Друзей не предавал.
Врагам давал отпор,
Семью свою хранил,
А негодяев хор
Опять меня бранил.
Но верил я в добро
И свет своих дорог,
От подлости и зла
Я душу уберёг.

* * *

Я в жизни славы не искал,
Но знаю, что будет так —
Статьи, рецензии, тома,
Лжекритиков оскал,
А кто-то, брызгая слюной,
Начнет меня хвалить,
Кому-то я не угодил —
Его судьбу в строке не отразил —
И будет он меня хулить...
Достоин ли одной хвалы,
Не знаю, что я заслужил?
Когда средь юной детворы
Найдется хоть один —
В моих томах прочтет ответ
На главный свой вопрос,
В его глазах увижу свет

Мечты, а не досаду,
Когда потянется к добру
Та юная душа,
Не сожалею, что умру.
Я жил, писал, дышал
Во имя света и добра,
Я мир свой создавал,
Не грязь я лил из- под пера,
Я лиру в руки брал.

* * *

Коль нечем развести огонь,
Костер не загорится.
Коль нету силы у земли,
Родник и вовсе не родится.
Я все надеялся на то,
Что впереди полжизни,
В год Лошади¹ махну кнутом
Из-под копыт удача брызнет...
В надежде на счастливый час,
И жил я без оглядки.
От звезд не отрывая глаз,
Проходит век мой краткий...

* * *

Когда народ твой в нищете,
Во тьме бредет, заблудший,
Кому ты нужен на земле,
Хоть будь ты самый лучший.
Когда с народом вместе ты
Его разделишь нужды,
Осуществишь свои мечты
И станешь самым нужным.

¹Год лошади — по ногойским преданиям приносит удачу.

* * *

Вот и у меня душа остыла,
Я былой костер разжечь не в силах,
Угли догорающим закатом
Теплят жизнь, кипучую когда-то.

Лодка жизни тихо уплывает,
Берега забвенья достигает,
В страхе, что огонь вот-вот угаснет,
Дни мои проходят, как в ненастье.

* * *

Высохшим корням не нужен дождь —
И весенний не вернет их к свету.
Листьям пожелтевшим солнца луч
Вреден, не вернет бывшего цвета.

Что же ты мне встретишься, газель,
В час, когда я потерял надежду
На любовь, и долгая метель
Занесла виски, и жар не прежний.

Нежности забитый, светлый ключ
Тонкими руками ты раскрыла,
Стал он, гордый, от любви могуч,
Мне же ты вернула жизни крылья.

И в душе, что словно солончак,
Алые тюльпаны полыхнули,
В сердце, где гнездо свила печаль,
Пламенем любовь опять взметнулась.

А в любимой мной, сухой степи
Жизни родничок рекой разлился,
Слаще меда дни мои, легки —
Расцвели, как солнечные листья.

Вершина Аскар-тау¹

Недостижимая Аскар-гора,
Гора провидцев, до ее вершины
Птенец не долетит, в лучах горя.
Она, поэт, гора твоей души.

К ее вершине истинный поэт
Лишь вознесется и построит дом.
Как на ладони жизнь его, согрет
Хозяин дома внутренним теплом.

А род людской с него не сводит глаз,
Они ему завидуют, вторым
Он, как укор, и не жалея фраз
Клянёт народ хозяина горы.

И если ты достиг вершины той,
Запомни, брат, с нее уж не сойти.
Не смеешь прыгнуть со скалы крутой,
Обратного нам не дано пути.

Коль ты хозяин этой высоты,
Храни ее и чистоту души,
И знай, что здесь живешь один лишь ты,
И на земле собрата не ищи.

Поэтов пристань — гордая гора,
Здесь только туча — твой несчастый гость,
Закутавшись в туман, с дождем играя,
Друзей себе ищи средь дальних звезд.

¹Аскар-гора – мифологическая гора, на которую поднимаются провидцы, ее часто сравнивают с Эльбрусом.

Из дневников разных лет

* * *

Да, я всегда старался возвыситься над окружением. Поэтому я писал. Окружение же, глядя на меня, недоумевало, пыталось притормозить, оттащить вниз. Когда оно понимало, что меня ничем не остановить, начинало меня ненавидеть. Как бы парадоксально это ни выглядело, но эта ненависть еще более возвышала меня.

* * *

Я очень поздно узнал о лицемерии своих современников. Вокруг меня всегда вертелось много людей. Кроме одного, двух, с которыми у нас были порядочные отношения, все остальные прикидывались доброжелателями, набивались в друзья. Я подсознательно всегда ощущал их неискренность, но так как не было повода для разоблачения, и в силу каких-то своих природных качеств я потакал им, чем развращался сам, становился таким же лицемером, как они. Но я, в отличие от настоящих лицемеров, как змея мог скинуть свою чешую и приближаться к своей сущности в творчестве.

Если я не писал, то меня тянуло к алкоголю. Напиваясь с мнимыми друзьями, я часто вел себя алогично, вступал в конфликты, разоблачал их, порой актерствовал, подыгрывал им.

* * *

Алкоголь — это особая статья в жизни творческого человека. Я не слышу пьяницей, редкий человек скажет обо мне, что я злоупотребляю спиртным. Но я люблю водку, а напившись, делаю много несвойственных мне вещей. Часто я во-

ображал себя героем, революционером, государственным крупным размеров, бандитом, страстным любовником, падшим ангелом и закоренелым развратником. И даже теперь, когда я в преклонном возрасте, не могу сказать, что остепенился...

* * *

Алкоголь в чем-то сродни творчеству. Увлечение им — это тоже уход от мерзкой действительности. Однако, увлекаясь алкоголем, можно впасть в бездну мерзостей. Очень много талантливых людей погубили себя таким образом.

* * *

Пьянство — зло! Иногда утешает то, что есть еще худшее зло — это употребление наркотиков.

* * *

Пьянство никогда не спасало людей от безысходности человеческой жизни. Употреблением алкоголя можно на какое-то краткое время найти успокоение, но после будет еще хуже. Правда бытия, как вонзенная стрела, разворачивает рану и начинается длительный процесс мучений.

Без смерти жизни нет —
Таков закон природы.
Никто не знает, где,
Нас поджидает смерть,
Но все мы ждем ее
И, вглядываясь в годы,
Не устаем о дне
Ушедшем сожалеть.
Наперекор всему
Лишь солнце золотое
Восходит каждый день
И людям дарит свет,
Лучами льнет к земле
И вопреки устоям
Целует так ее,
Как будто смерти нет.

Другу поэту

Просящий милостыню нищий,
Всю Бухару с сумою обойдя,
Присел в тени, решив: « Не лишне
Передохнуть на склоне дня...»

Облезлую поправил шапку,
С достоинством вздохнул он: «Да!
Досталось мне под небом жарким!..
А люди всё спешат... Куда?!»

И вдруг он тихо рассмеялся,
Проходим, гордо глядя вслед:
«Не зря ж я по миру скитался?
И спал в канавах с юных лет...

В сравнении со мною, кто он,
Омар Хаям?! В любом дворе
Собака каждая готова
Лизнуть мне руку в Бухаре.

* * *

Гость мой незванный,
Сиротская ночь,
Ты посещаешь меня постоянно,
Слезы приносишь,
Не в силах помочь,
Снова зари
Жду я, как подаянья,

С этой зарей
Возрождаюсь я вновь
Хоть ненадолго забыв о невзгодах,
Сердце латаю
Из старых кусков
Воспоминаний,
Оживших сквозь годы.

Как из под крана
Вода холодна...
Бодрость нагнав на себя, словно маску
Я на работу бегу, как всегда
Жду наступления ночи с опаской.

Гость мой незванный,
Сиротская ночь,
Как неизбежно твое постоянство...

* * *

Молодость птицей крылатой
В небе свободно летит.
Чтобы птицу в клетку поймать,
Старость с сетью следит.

1.

Я — камень,
Что вокруг все остужает,
Ты — пламя,
Что вокруг все согревает.

Я — слон,
Который все живое давит,
Ты — луч,
Который свет живому дарит.

2.

В тебе, моя газель,
Еще остались чувства,
Способные согреть
И отогнать метель,
Нежна ль твоя душа
И помнит ли искусство
Мне сопереживать,
Сопутствуя мечте?

3.

Лишь вспомню о тебе, моя газель,
Душа больная не находит места,
Спешит, летит, зовет тебя ко мне
И только встреча — от печали средство.
В тоске спешу, лечу к тебе домой,
Словно орел, стрелой к гнезду летящий,
Словно ягненок, к матери спешащий,
Словно ручей, к реке родной скользящий,
К тебе спешу, душою молодой.

4.

В народе правду, может, говорят,
Что не бывает в корове старой мяса,
А в старом человеке нет стыда.
Поэтому, задумайся, агай¹,
И мыслей потаенных невзначай
Не выдай, всем души не раскрывай.

¹Агай – обращение к старшему.

Из дневников разных лет

* * *

Хотя задуманного много, написание прозаических вещей у меня не хватает сосредоточения. Пишу стихи. Если раньше они сами по себе выбивались наружу, то теперь я их выскребаю из кладовых души. Есть залежи. Чувствую, что среди этих залежей есть кое-какие ценности.

* * *

Стараюсь держаться на высоте. Нельзя дать себя затянуть в трясину обыденности. Нагло наступающая старость велит осмотреться вокруг и опуститься на землю. «Ты одинок, ты беззащитен, ты слаб, ты смешон в своей гордыне», — твердит она.

* * *

Я давно смотрю на свое окружение со снисхождением. С пониманием наблюдаю за творящимся в стране, республике. Понимаю карьеристов, понимаю мошенников, обкрадывающих народ, понимаю откровенных преступников. Бандиты и «порядочные» у меня выстраиваются в один ряд. Не могу понять только тех, кто без всякой причины наносит зло. По-моему, их нельзя прощать...

Дерево кроной широкой
Прохладу дарило годами,
И люди следили из окон,
Как ветви сплетались с ветвями.
Но в самом разгаре лета
То дерево маслом машинным залили.
Усохло оно в расцвете,
Как будто его опалили.
В окно мое смотрятся ветви,
С укором глядят, как живые,
Не в силах смириться со смертью,
«Мы были совсем молодые,
Кому помешали мы, листья,
И ствол, и тугие ветки
Как будто усохшие кисти
Теперь не шумят на рассвете...»
А в жизни так много печали,
Вот горечь опять накатила,
И яжимаю плечами,
Я листьям ответить не в силах.

Я сам, как засохшее дерево,
Как ветви опавшие плечи,
И чьи-то отравлены стрелы
Летят и летят мне навстречу.
Увы, колыбель моей жизни
Изрядно потрепана ветром,
Тоскуя, бешусь от бессилья,
Нам с деревом нету расцвета...

Из дневников разных лет

* * *

Внезапно скончался мой приятель — известный миллионер. Я его знал с детства. Другьями мы никогда не были, но всегда друг к другу относились с почтением. По крайней мере, я — к нему. В конце девяностых годов, как и подобает его возрасту, он выглядел старше меня. На голове у него было мало волос, а оставшиеся были седыми, он сильно волочил одну ногу. Я знал, что в отличие от меня, он постоянно занимался спортом, играл в большой теннис, поговаривали, что утром он регулярно бьет боксерскую грушу. Я же давно забросил спорт. Я был младше его на два года, однако, как поговаривали мои друзья, выглядели мы одинаково. Он жил, как подобает новоявленному миллионеру. Одевался с шиком, следил за собой, ездил отдыхать на фешенебельные курорты, у него был личный врач, личный повар. Год назад (тогда он уже стал недоступным для таких, как я) мы неожиданно встретились на похоронах одного из его сотрудников, который был родственником мне. Он пришел выразить соболезнование. Я был очень поражен этой встречей. Сначала я его не узнал. Оказывается, он отрастил волосы на голове, и ходил с короткой молодежной прической. Да и внешне сильно преобразился, был худой, подтянутый, куда-то исчезла хромота. Он напоминал мне самого себя в молодости, которого я успел подзабыть. На нем была спортивная одежда, руки он держал в карманах короткой черной куртки. Я подошел к нему, и мы пожали друг другу руки. Он внимательно посмотрел на меня и, натянуто улыбнувшись, дал понять, что узнал меня, но сразу отвернулся. Было ясно, что разговора у нас не будет. То ли из-за того, что здесь, на траурном мероприятии, не может быть разговоров, то ли из-за того, что у него нет желания говорить со мной. Подразумевая первое, я не обиделся и тоже отошел в сторону, но продолжал с удивлением разглядывать его. Больше всего меня поразили волосы на его голове, конечно, они-то его сильно молодили...

Его внезапная смерть потрясла всех в нашем городе. Меня — тоже. Особенно, после того, как я видел его помолодевшего. Я думал, что у него началась новая жизнь, и полагал, что после своего омоложения он переживет многих знакомых. Однако, феномен прихода смерти непредсказуем. Видимо, судьба, которой мы подвластны, следит за нами, сама определяет срок жизни, час смерти. Никакие методы омоложения, никакие лекарства, никакие богатства не устоят перед нею.

* * *

Человек в этот мир
С плачем приходит
И с плачем его покидает.
Где найти объяснение:
Почему же так происходит?

Может быть, новорожденный знает,
Что его ожидает? —
О страданиях, болезнях,
О невзгодах, потерях, поджидающих его,
Он плачет?

А дряхлый старик, покидая сей мир,
Наверное, плачет из-за того,
Что никогда уже не увидит:
Ни света солнца, ни лета цветенье,
Ни чистого неба, ни прохлады реки,
Не почувствует
Тепла родственных уз,
Не услышит
Искреннего детского смеха?

Человек в этот мир
С плачем приходит
И с плачем его покидает...

* * *

Обязан всем тебе, Аллах —
Один ты покровитель!
Моя судьба в твоих руках,
Заступник и спаситель.
Лишь об одном тебя молю —
Не дай мне оступится
На радость злому воронью,
Не дай в грехе забыться.

Позволил мне достичь вершин —
Не дай упасть в позоре —
Об этом в глубине души

Молясь, встречаю зори,
Я ошибался много раз,
Блуждал, как в лабиринте,
И в омуте игривых глаз
Искал свою обитель. Молю
В который раз тебя:
Прости и дай мне силы
Сберечь всех тех, кого люблю,
Не наступив на вилы.

Дай вдохновенья и огня
Дождаться до рассвета
Ведь песня главная моя
Пока еще не спета.

* * *

Не нужно быть и мудрецом,
Чтоб мудрость ту постичь —
Не надо резких слов в лицо
Бросать, язык — твой бич!
Ты за большим глухим замком
Язык попридержи,
И будет на душе легко,
Да и длиннее жизнь.

* * *

Человек рождается на свет,
И с рожденья ждет его вопрос:
Над которым до скончанья лет
Бьется от зари до поздних звезд.

Кто он, с чем он в этот мир пришел,
Где его главнейшая стезя,
Почему прекрасный мир большой
Не покинуть смертному нельзя?
Никогда он не найдет ответ.
И чем слаще жизнь, тем коротка,
Где последний встретишь свой рассвет,
Не допив последнего глотка.

Знаешь, друг, не будем мы скорбеть,
Бренность мира лихом поминать,
Жизнь, как пир, есть время пить и петь,
И добром любимых вспоминать.

Если время встать из-за стола,
То хозяев поблагодарив,
Ты спокойно уходи, без зла,
С уваженьем двери затворив.

* * *

Сколько миллионов не скопи,
Невозможно снова жизнь купить,
Как ногтями землю не скреби,
Волком вой, слезами затопи,
Годы счастья заложил в ломбард,
Не вернуть ушедших лет назад.

Полон сожалений этот мир,
Но о жизни сколь не сожалей,
Невозможно свой последний миг
Отвратить, уйти судьбы своей,
Как ни грустно это сознавать.
Мы подвластны все Тебе,
Талисман с монист целую свой опять —
О, Всевышний, все в твоих руках!

Содержание

От автора	5
Куржун, в котором спрятано детство (<i>повесть</i>) Перевод Э. Бутина . . .	6
Маленькие рассказы. Перевод автора	38
Из дневников разных лет	45
Никто, ничего и никогда не умирает (<i>стихи</i>) Перевод Н. Ламма	47
Когда заходит солнце...(<i>стихи</i>) Перевод Н Ламма	47
Раскаленный воздух цепко душит зноем (<i>стихи</i>) Перевод Н. Ламма . . .	47
Шоферам (<i>стихи</i>) Перевод Н. Ламма	47
Вздымая пены белые валы (<i>стихи</i>) Перевод Н. Ламма	49
Волна попала в море из ручья (<i>стихи</i>) Перевод Н. Ламма	49
Я — смугл, скуласт, раскос (<i>стихи</i>) Перевод Н. Ламма	49
Стареют люди в городах (<i>стихи</i>) Перевод автора	50
Синие реки уносят истории (<i>стихи</i>) Перевод Н. Ламма	50
Железо стучит о железо...(<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидяхметовой	51
Я тысячу людей в себе заметил вдруг (<i>стихи</i>) Перевод Н. Ламма	51
Я стану ловким конокрадом (<i>стихи</i>) Подстрочный перевод автора . . .	52
Ночью глухой...(<i>стихи</i>) Перевод А. Трилисова	52
Из дневников разных лет.	53
Мираж (<i>стихи</i>) Подстрочный перевод автора	57
Из дневников разных лет	60
Не скажу, как это было (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	65
Выдержал (<i>рассказ-быль</i>)	66
Из дневников разных лет	78
Уж кто фанатик, это астроном (<i>стихи</i>) Перевод И. Тарасевича	88
Я — пловец... (<i>стихи</i>) Перевод И. Тарасевича	88
На зеленом холме восседает Шахим (<i>стихи</i>) Перевод И Тарасевича . .	89
Нескончаемые споры отцов и детей (<i>стихи</i>) Перевод И. Тарасевича . .	89
Приготовляю стол (<i>стихи</i>) Перевод И. Тарасевича	90
Из дневников разных лет	92

Сизый голубь (<i>стихи</i>) Перевод И. Тарасевича	98
Ты — карта (<i>стихи</i>) Подстрочный перевод автора	98
Америка спит (<i>стихи</i>) Перевод Н. Ламма	99
Столько лицемерия у тех...(<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидихметовой	102
Хилую и темную хибару... (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидихметовой	103
Подлому добра не стоит делать (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидихметовой	103
Из дневников разных лет	104
Джамия делает лето (<i>рассказ-быль</i>) Перевод автора	106
Шел человек по улице. Предисловие к книге	110
Из дневников разных лет	113
Карабатыр (<i>рассказ</i>) Перевод автора и В. Христофорова	114
Окно в будущее (<i>рассказ</i>) Перевод автора	120
В зоопарке (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	132
То, чего на свете нету (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	132
Не тороплюсь я жить беспечно (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	133
Увы, история богата (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	133
Ночной мой город спит (<i>стихи</i>) Перевод И. Тарасевича	134
Солнце на меня глядит (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	135
Песня героя (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	135
Когда придется умереть (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	136
Живите, дети, подрастайте (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	136
Ни эллину, ни варвару (<i>стихи</i>) Подстрочный перевод автора	137
Аманакай когда вернется (<i>рассказ-быль</i>) Перевод автора	138
Девочка с гармошкой (<i>ногайская сказка</i>) Перевод автора	151
Ессентуки (<i>ногайская сказка</i>) Перевод автора	152
Наглый петух (<i>ногайская сказка</i>) Перевод автора	153
Старик с калачом (<i>сказки нашего детства</i>) Перевод Н. Ламма	154
Из дневников разных лет	166
Гнил на ветке старый плод (<i>стихи</i>) Перевод А. Ануфриева	168
Зная, что годами не увидит (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидихметовой	168
Там, где солнце путь свой отмеряет (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидихметовой	168
Много в жизни моей...(<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидихметовой	169
Выступление на 7 съезде писателей РСФСР	170
Из дневников разных лет	175
Предисловия к журналу «Половецкая луна»	184
Из дневников разных лет	194
Воспоминания и Муссе Батчаеве	205

Воспоминания о Халимат Байрамуковой	207
Воспоминания о Кериме Мхце	209
Из дневников разных лет	216
Памяти Кельдихан (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	220
Из дневников разных лет	224
Из выступления на пленуме Союза писателей России	225
Из дневников разных лет	230
На границе Казахстана с Россией (<i>стихи</i>) Перевод Ю.Созарукова . . .	231
Выступление на 4 съезде ногайцев	238
Выступление на «Круглом столе...»	245
Нежданною, красивой перепелкой (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой .	250
Кто-то скажет...(<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	250
Я жил своим умом (<i>стихи</i>) Перевод Ф.Сидрахметовой	251
Я в жизни славы не искал (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	251
Коль нечем развести огонь (<i>стихи</i>) Перевод Ф.Сидрахметовой	252
Когда народ твой в нищете (<i>стихи</i>) Перевод Ф.Сидрахметовой	252
Вот и у меня душа остыла (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	253
Высохшим корням не нужен дождь (<i>стихи</i>) Перевод Ф.Сидрахметовой .	253
Вершина Аскар-тау (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	254
Из дневников разных лет	255
Без смерти жизни нет (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	257
Другу поэту (<i>стихи</i>) Перевод А. Трилисова	257
Гость мой незванный (<i>стихи</i>) Подстрочный перевод	258
Молодость птицой крылатой (<i>стихи</i>) Перевод автора	258
Я – камень...(<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	258
Их дневников разных лет	260
Дерево кроной широкой (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	261
Из дневников разных лет	262
Человек в этот мир (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	264
Обязан всем тебе, Аллах...(<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	264
Не нужно быть и мудрецом (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	265
Человек рождается на свет (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	265
Сколько миллионов не скопи (<i>стихи</i>) Перевод Ф. Сидрахметовой	266

Капаев Иса Суюнович

МОНИСТА

Повесть, рассказы, миниатюры, стихи, сказки

На русском языке

Редакция и корректура — *И. С. Капаева*
Оформление и художественная редакция
Технический редактор
Компьютерная графика и верстка — *А. Я. Унежова*

Подписано в печать 25.02.08.
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Ариал». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 15,5. Усл.-кр. отт. 16,0. Уч.-изд. л. 15,7.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых фотоформ
в ОАО «Издательско-полиграфическая фирма
«Ставрополье», 355035, г. Ставрополь,
ул. Спартака, 8.

К 20

Капаев И. С. Мониста. г. Ставрополь. 2008— 272 с.

ISBN 5—88197—103—8

«Мониста» — новая книга талантливого ногайского прозаика и поэта И. Капаева. Великолепная проза, тонкая поэзия введут читателя в сложный мир человеческих судеб, натолкнут на раздумья о прошлом и настоящем родного народа.

К $\frac{4702490000}{99}$

ББК 84Р2(2Р37)

Знаешь, друг, не будем мы скорбеть,
Бренность мира лихом поминать,
Жизнь, как пир, есть время пить и пить,
И добром любимых вспоминать.

Если время встать из-за стола,
То хозяев поблагодарив,
Ты спокойно уходи, без зла,
С уваженьем двери затворив.

ИСА КАПЛЕВ